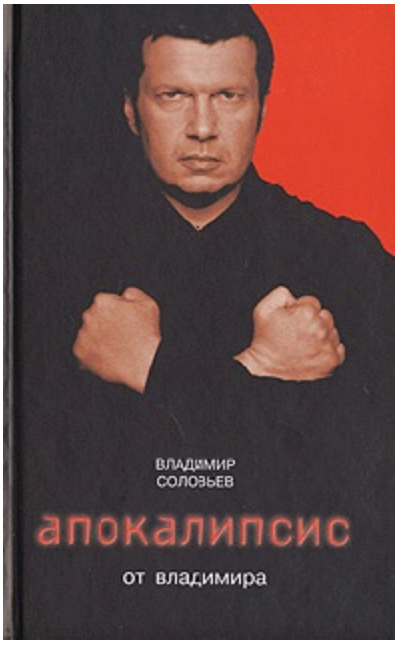
VISIT…

Владимир Рудольфович Соловьев

Апокалипсис от Владимира

Евангелие от Соловьева – 2



lib.rus.ec

«Апокалипсис от Владимира»: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-23434-9

Аннотация

«Апокалипсис от Владимира» — продолжение нашумевшего «Евангелия от Соловьева».

Мир стремительно меняется: Спаситель явлен человечеству и воцарен на троне в Иерусалиме, Его апостолы — Билл Гейтс и Владимир Соловьев — обретают новую силу. Рушатся прежние жизненные устои, создается мировое правительство, и умирают древние цивилизации, но вопрос Еноха главному герою: «Смотри, кому служишь?» — становится все более и более зловещим.

Увлекательный библейский сюжет, тонкий юмор, узнаваемость персонажей и неожиданный финал делают книгу Владимира Соловьева одним из лучших философских романов последних лет.

Владимир Соловьев

Апокалипсис от Владимира

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Апокалипсис от Владимира» — продолжение нашумевшего «Евангелия от Соловьева». Мир стремительно меняется: Спаситель явлен человечеству и воцарен на троне в Иерусалиме, Его апостолы — Билл Гейтс и Владимир Соловьев — обретают новую силу. Рушатся прежние жизненные устои, создается мировое правительство и умирают древние цивилизации, но вопрос Еноха главному герою: «Смотри, кому служишь?» — становится все более и более зловещим. Увлекательный библейский сюжет, тонкий юмор, узнаваемость персонажей и неожиданный финал делают книгу Владимира Соловьева одним из

лучших философских романов последних лет.

«Апокалипсис от Владимира» — не совсем обычный продукт литературного творчества. Определенно, таких книг еще не было и, наверное, никогда уже и не будет. Почему? Потому что не каждый автор осмелится открыто задавать подобные вопросы. Что, если Конец света наступит сегодня? Что, если все, чем вы жили ранее, окажется ненужным, в том числе ваши родные и близкие? Что, если Господь устанет от наших грехов, забыв о любви и всепрощении, и начнет карать неугодных? Какая кара постигнет их и что будет позволено приближенным к Нему? Как поведут себя «сильные мира сего» при появлении Могущества, которое будет им неподвластно? Как приспособиться к новым реалиям изменившегося мира и не оказаться в числе несправедливо осужденных? Как распознать истинного Спасителя и не отдать свою жизнь служению ложным идеалам? Пожалуй, последний вопрос наиболее близок именно российскому читателю, прошедшему чистилище советского режима. Оттого-то главный герой романа и сосредоточен на событиях, происходящих в России, и сам является известным российским журналистом. Служение вновь явленному Христу круто меняет его статус в глазах бывших начальников и подчиненных.

ГЛАВА 1

Апофеоз безнравственности

«За последние несколько дней я получила множество посланий от наших телезрителей, донельзя возмущенных беспрецедентным телеэфиром, состоявшимся на прошлой неделе. Содержание нашумевшей телепередачи глобального масштаба было настолько необычно, что его крайне сложно вписать в рамки любого из существующих телевизионных жанров. Что это было и кому такое

действо понадобилось? Не стесняясь в эпитетах, могу прямо заявить, что откровенно слабая попытка изобразить в прямом эфире подобие Второго пришествия очевидно провалилась.

В погоне за рейтингом все средства хороши. Казалось, что после передач о каннибалах на НТВ, после драк в прямом эфире у Малахова и очевидной пошлости аншлагоподобных сборищ у зрителя выработается иммунитет к подобным извержениям тележурналистской мысли, но, увы, я оказалась неправа — пришел черед спекуляциям на религиозные темы. Нельзя не отметить, что после разогрева зрительского интереса сериалом «Мастер и Маргарита» и всеобщего сумасшествия по Дэну Брауну чего-то подобного можно было ожидать.

Современный клерикализм уже запятнал себя. Громкие скандалы с антисемитскими письмами, поддержанные некоторыми священнослужителями, и провал на выборах в Государственную Думу всех партий с приставкой «христианская» в названии должны были бы стать холодным душем для мракобесов всех мастей, но, видимо, история до сих пор никого и ничему не учит. Вот и на этой неделе все мы стали жертвами борьбы за зрительское внимание, без которой не обходится современная телевизионная жизнь.

На протяжении нескольких дней нас затягивали в этот новый тип мыльной оперы, снятой в эклектичном жанре с использованием хорошо известных трюков. Судя по всему, мир столкнулся с первым международным телевизионным проектом такого масштаба, что все же не делает его более удачным. Напомню нашим уважаемым читателям, как это все происходило. Сначала в жанре репортажа с места событий нам были показаны волнения в Лондоне, в результате которых некий благообразный старец, произнося довольно сомнительные тексты в адрес никому не известного молодого человека по имени Даниил, договорился до активного вмешательства английской полиции. Не берусь утверждать, так как сама там не присутствовала, но просмотр довольно сумбурного телевизионного репортажа с крайне непрофессиональным комментарием поверх текста английского журналиста оставил у меня впечатление, что старец был тяжело ранен одним из офицеров полиции. Причем, что интересно, на помощь ему

пришел тот самый молодой человек, который, по мнению фанатичной толпы, и является новым Мессией.

Как и большинство моих коллег, я ни на минуту не поверила во все эти телевизионные чудеса с левитацией и возвращением к жизни умерщвленных старцев. Дешевые трюки, не более того! После уже ставших попсовыми шоу Дэвида Копперфильда нас не так просто ввести в заблуждение. Мысль о том, что мы стали свидетелями нелепого постановочного фарса, не оставляла меня ни на минуту и окончательного укрепилась, когда на вторых ролях нам была продемонстрирована свита юного дарования, состоящая из знаменитого Билла Гейтса и «самого» Владимира Соловьева. Сомневаюсь, что у продюсеров данного шоу хватило бюджета на привлечение самого богатого человека в мире на, с позволения сказать, роль подтанцовки, так что можно с высокой долей вероятности утверждать, что он сам и является организатором всего этого немыслимого по своей пошлости проекта.

Роль Владимира Соловьева достойна отдельного обсуждения.

На протяжении всей недолгой телевизионной карьеры Владимира Рудольфовича мои коллеги не раз отмечали его явную манию величия, постоянное выпячивание себя, нежелание прислушиваться к критике и плохо скрываемое неуважение к коллегам по цеху. Все эти качества в полной мере проявились у Владимира на следующий день, когда во второй части этого «сериала» мы стали свидетелями работы мэтра и близкого друга президента нашей телевизионной академии Ларри Кинга, бравшего интервью у Даниила. Необходимо учесть, что журналист масштаба господина Кинга сам по себе уже дает немалые цифры рейтинга, так что для раскрутки Даниила продюсеры проекта сделали очень даже верный шаг. Но как раз в момент проведения этого интервью и проявились в полной мере все комплексы господина Соловьева.

На экране их не было видно, но от глаз опытного критика не укрылись признаки того, что все дешевые трюки вокруг пресловутого интервью были запланированы именно им. Чего стоит одна только массовка, согнанная на стадион «Уэмбли», столь напоминающая по режиссуре

«Золотых Соловьев» — тщеславный проект Владимира Рудольфовича на канале НТВ, который он теперь перенес на CNN.

Эклектика, вызывающая чувство неловкости! Попытка угодить невзыскательным зрителям! Тут вам и успешно проведенная антитеррористическая операция, и интервью, и покаяние, и научно-технический триллер, ну и под конец воистину голливудский апофеоз — полет над ночной планетой, завершающийся явлением „спасителя“ в Иерусалиме. Пошлое заимствование у Шагала и Булгакова! Думаю, всем и так очевидно, что в результате просмотра у несчастной публики должно было сложиться однозначное мнение, будто они присутствовали при явлении Спасителя-Христа-Даниила, а Соловьев и Гейтс — не иначе как его новые апостолы.

Печальное зрелище.

На что рассчитывали создатели сей передачи, мы можем только догадываться, хотя надо отметить, что нас ни разу не отвлекли на рекламу. Перечислю всего несколько фактов, которые вызывают мое возмущение. Во-первых, нас лишили всяческого выбора. Именно во время этого эфира впервые в телевизионной практике использовались доселе невиданные технологические новшества. Все телевизоры были включены дистанционно, зачастую помимо воли их хозяев, и показывали одну и ту же трансляцию по всем каналам, как в далеко не лучшие периоды советского времени. В тех регионах, где еще наблюдаются проблемы с качеством приема телевизионного сигнала, и вовсе были устроены проекционные показы над населенными пунктами.

Масштаб и идеология описываемого зрелища невольно подталкивает к ряду выводов. Нам, гражданам светского государства, чья свобода совести защищена конституцией, навязывают дремучую религиозную пропаганду, упакованную в современнейшие медиасредства. Тот факт, что в этом спектакле участвовали практически все мировые лидеры, свидетельствует о глобальном наступлении на гражданские свободы, за которым несложно предвидеть и появление мирового правительства.

Приближенность к руководителям данного проекта таких одиозных личностей, как Соловьев, особо и не скрывающего свои тесные

контакты с Кремлем, свидетельствует о готовящемся клерикальном наступлении на остатки демократических свобод и в нашей стране. С печалью можно констатировать и тот факт, что „оплот демократии“ США не проявил достаточной бдительности, хотя мы еще и не знаем реакции американского народа, ведь президент-республиканец — это еще не вся страна.

И вообще, пусть я и не являюсь большим специалистом в вопросах религии, но мне все это действо напомнило скорее апокалиптические сценарии, чем благостно евангелистские. Хотя крайне вероятно, что все, что мы видели, рано или поздно завершится, как и начиналось, — дурной шуткой. Кто знает, вдруг мы просто присутствовали при запуске очередного продукта компании «Майкрософт» — компьютерной игры «Второе пришествие»?».

— Хорошая статья. Мощная, цельная, полная искреннего чувства к тебе! — улыбнулся Билл. Было видно, что ему нравится читать по-русски вслух.

Мы сидели за гигантским столом в президентском номере гостиницы «Царь Давид» в Иерусалиме и разбирали прессу с упоминаниями о нас и обо всем случившемся несколько дней назад. Смысла в этой работе не было никакого, но Даниил посоветовал нам заняться этим лично, не доверяя своим пресс-секретарям. Последние не так давно материализовались из ниоткуда, вкупе с офицерами службы безопасности, водителями, специалистами по связям с общественностью и роем прочих необходимых граждан, слетающихся на каждое новое начинание, от которого веет деньгами или властью. Судя по выправке и манерам свиты, часть ее пришла из «Майкрософта», а кое-кто даже из Моссада, что, в общем-то, было неплохо — все-таки в Израиле они ориентируются лучше нас с Биллом.

Подтекст просьбы Даниила был очевиден: сразу после памятных событий, очень схематично описанных в цитируемой Биллом статье, мы пребывали в состоянии хронической эйфории. Свершилось — агнец явлен миру! Как можно в этом сомневаться теперь, когда все мыслимые и немыслимые предсказания сбылись на глазах у всего человечества?! Имеющий глаза да увидит.

Состояние счастья не покидало нас с момента прибытия в Израиль.

В первые часы после явления Даниила миру в Иерусалим устремились толпы паломников со всех концов света. Причем прибывали они настолько активно, что правительством страны было принято разумное решение о временном введении визового режима для всех стран, включая США. Более того, пришлось отменить большинство рейсов в аэропорт Бен-Гурион и закрыть Эйлат для чартеров. В любом другом случае люди в буквальном смысле спали бы на улицах не только столицы, но и всех городов Святой земли. Конечно, исключение пришлось сделать для евреев, вне зависимости от их гражданства, так что консульские отделы круглосуточно выдавали визы гражданам, наконец-то осознавшим всю необходимость совершить алию и прибыть на историческую родину.

Предположение, что появление христианского Мессии не приведет к ажиотажу среди евреев, рассеянных по всему миру, не оправдалось, так что повсеместно начали сбываться розовые мечты черносотенцев — чемодан — вокзал — Израиль. Схема работала безупречно. Именно тогда выяснилось, что многие видные общественные и политические деятели ультранационалистического толка оказались нечисты на бабушек-дедушек и, побросав в котомки кто генеральскую форму, а кто и депутатское удостоверение, устремились замаливать грехи, теперь уже трактуя свою деятельность последних лет как попытку подтолкнуть евреев к скорейшему слиянию в единое целое на Земле обетованной.

Иерусалим в одночасье превратился в столицу мира, и сразу стало ясно, что без строительного бума ему не обойтись. Город рос как на дрожжах: за сутки стоимость квадратного метра преумножалась в разы. Палестинский вопрос стал напоминать скорее удивленный восклицательный знак, поскольку внезапно оказался решен сам собой. Практически в первую же ночь после пришествия Даниила не осталось ни одной палестинской семьи, которая не получила бы коммерческого предложения столь ощутимого размера, сопротивляться которому не было никакого смысла. Создавалось ощущение, что весь палестинский народ в одночасье выиграл в лотерею. За маленькую квартирку в панельном доме отдавали роскошные пентхаусы в любой мировой

столице вкупе с машинами и наличными деньгами. Крупнейшие мировые корпорации и завсегдатаи списка самых богатых людей мира платили целые состояния за право оказаться хозяевами собственности на Святой земле. Некоторые горячие головы пытались сопротивляться, но смелость легко проявлять лишь в окружении себе подобных. Гораздо проще убаюкать себя мыслью о том, что полученные от сионистов деньги пойдут на борьбу с ними же, а время этой борьбы уже не за горами.

Вопреки ожиданиям, финансовый рынок не рухнул — стоимость акций «Майкрософт», впрочем, как и всех других бизнесов Билла Гейтса, взлетела до небес. Не оказался внакладе и Тед Тернер — CNN смотрели, не переключая на другие каналы, и капитализация компании росла сумасшедшими темпами. А вот рынок долгосрочных обязательств действительно оказался под угрозой. Дело в том, что уже никто не рассматривал перспективу в двадцать пять лет как реально осуществимую. В ряде стран особо несознательные граждане зачем-то бросились в магазины скупать предметы первой необходимости, которые быстро закончились. Люди среднего достатка перестали хранить деньги «на черный день» и раскошелились на дорогие безделушки, о которых раньше и мечтать не могли. Кубышки были раскупорены, и наличные конвертировались в товар. Торговцы пытались встретить возросший спрос с помощью дополнительных заказов, но выяснилось, что европейские поставщики ушли в отпуск, так как их рабочие предпочитали проводить время в церквях. Зато азиатские фабрики с радостью принимали возросшие заказы, — для них явление Даниила было не более чем забавным происшествием из жизни молодых наций.

Конечно, смели с книжных прилавков Библии, книги Билла Гейтса и всю печатную продукцию, имеющую хоть какое-нибудь отношение к религиозной тематике. Проявил сноровку Тед Тернер, который, особо не мучаясь моральными дилеммами, уже на следующее утро запустил в продажу на всевозможных носителях запись теперь уже исторической передачи. Не хочу бросать тень на брата Билла, но за несколько дней до событий «Майкрософт» потратил сумасшедшие деньги на приобретение собственности в самом Иерусалиме и его окрестностях. Надеюсь, что

это произошло помимо его воли, ведь теперь у него уже нет нужды таким образом зарабатывать себе на хлеб насущный.

Скажу сразу, что Даниила мы видели не много. Правительство Израиля предложило ему любую резиденцию на его усмотрение, но он, отказавшись от всех предложений, временно пребывал в Гефсиманском саду, никого не принимая. Попытки зевак проникнуть к нему были тщетны, так как его круглосуточно охраняли представители спецслужб.

В первые часы наши с Биллом телефоны раскалились добела от звонков президентов и приближенных к ним лиц. Было всего два исключения — ни Буш, ни Путин не звонили. После первых слов поздравлений шли вопросы о дальнейших указаниях и заверения в готовности немедленно воплотить их в жизнь, а тут мы вынуждены были брать паузу. Наше апостольское мнение было единодушным: Даниил выступит перед человечеством с проповедью, ну а дальше по распорядку — выделяем приемные часы, и давай судить всех подряд.

С этого момента стройность нашего плана терялась, поскольку было не до конца понятно, где и кого нам предстоит судить, да еще и мешали неприятные вопросы с уже умершими. Как их приводить к судебному разбирательству? В каком виде? Или что, по городу будут передвигаться мощи, устремляясь к месту Страшного суда, а оттуда уже или в Геенну огненную, или в Рай? Кстати, в Рай в таком виде вообще пускают? Опять же, стоит вопрос с большим количеством стран, не имеющих никакого представления о христианстве, как с ними поступать? Сначала крестить всем скопом и проповедовать истинное учение, а потом судить? Да еще и мусульмане. Они, конечно, к Христу относятся с некоторым уважением, но все же недооценивают. Их что, тоже крестить? Так ведь они так просто не дадутся, а насильственное крещение нам не кажется правильным.

Вот с иудеями все получается само собой. Их пока все устраивает. Главное — решился палестинский вопрос. И их, конечно, не может не радовать, что Даниил гражданин Израиля, да и превращение Иерусалима в столицу мира полностью соответствует иудейским представлениям о роли евреев в истории мировой цивилизации. Кроме того, благодаря довольно вольному трактованию Кумранских свитков

религиозные лидеры иудеев пришли к выводу, что Христос считал себя правоверным иудеем, а построение христианской церкви и конфликт с иудаизмом лежит на совести Петра и Павла. Так что спешить с выводами не стоит, а воцарение в Иерусалиме и собирание на Земле обетованной всего разбросанного по планете богоизбранного народа не может не вызывать уважения. Того и гляди найдутся потерянные до этого колена родственники детей Израилевых. Даниил, по сути, оказался царем евреев в Иерусалиме, хотя об этом еще никто вслух и не рассуждал.

Откровенно говоря, мне весь этот праздничный угар даже нравился. Первое время я пытался понять, как мне теперь нужно себя вести, как одеваться и все прочее, но в итоге решил особо на эту тему не грузиться. Привычный стиль менять неправильно, тем более что теперь уже, пожалуй, все будут ориентироваться на нас. Можем даже на паях с Биллом открыть Дом моды «2 апостол 2» — мода на все времена. Какая чушь в голову лезет?! А с другой стороны, что с меня взять? Ценных указаний я не получал, что говорить страждущим — не ведаю, так что только на пустяки и могу размениваться. Кто же мог подумать, что после такого успеха Даниил всем скажет: «Придет время, и обращусь к вам, а сейчас с Отцом моим наедине оставьте меня!» — и уединится в Гефсиманском саду, лишь изредка выдавая нам оттуда довольно сомнительные поручения.

Итак, нас с преподобным Биллом поселили в президентских номерах отеля «Царь Давид» и оставили на хозяйстве. Общением с Самим мы были обделены, но указания от него изредка получали. Правда, если до этого они были скорее хозяйственного толка, то теперь вот это — ознакомиться с прессой негативного содержания. Зачем? У меня и так нет никаких иллюзий. Я за половину наших критиков сам могу сказать все, о чем они только собираются подумать. Конечно, можно предположить, что Даниил таким образом воспитывает в нас христианское смирение, хотя, позволю себе крамольную мысль, сам не всегда служит его примером. Бедный английский премьер до сих пор страдает легким заиканием после демонстрации божественной силы. Так что вряд ли все так просто.

Пока я предавался праздным размышлениям, Билл продолжал просматривать газетные страницы разных цветов и форматов, по мере возможности сброшюрованные в папки с названием стран на обложке. Наверняка товарищу Гейтсу такая работа с информацией казалась на редкость средневековой, ведь кому как не ему можно было задать параметры поиска какому-нибудь Yahoo — Google и заниматься тем же, не пачкая руки о типографскую краску и не ломая глаза о непривычные шрифты. Но Даниил отчего-то решил по-другому.

Если логика в таком задании и была, то она определенно проживала не в нашей с Биллом системе координат, где компьютер однозначно удобнее писчебумажных принадлежностей. Хотя должен признать, что далеко не все издания попадают в обзоры поисковых систем, а некоторые газеты вообще не выходят в электронных версиях, так что могут запросто выпасть из поля нашего просвещенного зрения.

Статья, привлекшая внимание Билла, по сравнению с написанными в других газетах-журналах была совсем неплоха, а, кроме того, в ней четко прослеживалось общая тенденция всех изданий либерального толка: недоверие к действующей власти, попытка во всем увидеть проявление авторитарных тенденций и наступление на оставшиеся демократические свободы. Российские националистические газеты были гораздо резче. Звучали призывы к восстанию, Даниил назывался не иначе как царем жидомасонов, президенты всего мира — его преданными вассалами, а Путин — ставленником мировой закулисы, который скоро отдаст Россию на съедение алчным детям Сиона. Эпитеты в мой адрес не поддаются цитированию в принципе.

Особенно меня порадовала одна английская газета, издаваемая мусульманским братством. На ее страницах в приторно-розовых красках повествовалось о погибших при попытке организации теракта. Неудавшиеся исполнители подрыва мировых лидеров представали скромными тружениками, оказавшимися невинными жертвами испытания нового оружия. Их семьи, причитая, рассказывали настолько трогательные истории из жизни, что у читателя складывалась стопроцентная уверенность, будто бы речь идет не о бандитах, а о добрых, мирных и законопослушных гражданах Великобритании,

единственной виной которых служит их вера в Аллаха. И, конечно, у журналистов не вызывал никакого сомнения тот факт, что взрывчатку и оружие к останкам жертв подбросили спецслужбы.

Желтые газеты разных стран мира пестрили фотографиями с экрана, отражавшими наиболее яркие моменты тернеровской передачи, и наперебой пытались доказать, что никаких чудес не было, а был лишь довольно грубый монтаж. Разумеется, не обошлось и без откровений никому до этого не известных дамочек об их любовной связи с Даниилом, Биллом и мною, причем одна из них даже созналась, что кувыркалась со всеми одновременно. Кто-то из наших попытался взять интервью у моей мамы и детей, но родственники повели себя очень грамотно и от комментариев отказались. Я поймал себя на мысли, что ищу интервью с Эльгой, но, видимо, так глубоко журналисты не копали.

Ну вот, подумал о моей любимой, и сердце привычно защемило. Звонить пока рано, я не смогу ответить ни на один ее вопрос, а мучить себя и ее пустыми обещаниями бессмысленно. С мамой я, конечно же, поговорил по телефону сразу после известных событий, сказал, чтобы она не волновалась и что, как только будет возможность, я ее заберу, но ведь с Эльгой так не получится. Мама всегда мама — другого сына вместо меня она не заведет, а здесь любовь. Да к тому же, что я про свою Дульсинею знаю? Конечно, учитывая апостольские возможности, стоит лишь сосредоточиться — и все тайное станет явным, но вправе ли я так поступать? А вдруг у нее семья, а я так — интрижка, эпизод бурной молодости? Вот позвоню сейчас ей домой, а к трубке подойдет приятный баритон — убеждай себя потом, что это брат-сват.

Не могу, не хочу отказываться от иллюзий. Пусть все откроется вовремя. Сейчас я просто не смогу контролировать свои эмоции и издалека наворочу такого, что никакое апостольское звание не выдержит. Стоит мне только допустить мысль о том, что мое солнышко в чужих объятиях, как во мне тотчас зарождается смерч, такой черный, что даже меня это пугает. Чувствую, что достанется всем: сотру в порошок, уничтожу, растопчу! За то, что оказалась недостойна меня — богоизбранного и призванного.

Все, надо успокоиться, ведь еще ничего не известно! Сам себя

накручиваю, придумываю всякую чертовщину, прямо бес какой-то, а не апостол. А что, даже если и бес? Так-то, пожалуй, еще веселее. Вот уж будет где порезвиться! С моей-то фантазией я так нашкодить смогу, что никакая армия ангелов со швабрами наперевес и за тысячу лет порядок не наведет.

Хватит чудить!

Я не на шутку рассердился на себя. Какой позор! Что за мысли?! Вместо того чтобы заниматься делом, тешу себя игрой со злом, как подросток спичками. Ну вот, все ведь не случайно, наверняка кто-то подсовывает мне такие мысли, чтобы я потерял концентрацию. Я невольно покосился на погруженного в чтение Гейтса. Однако Билл был сама невинность и мои мысли наверняка слушал вполуха. Я взял в руки очередную газету. Среди кучи одинаковых статей я чуть было не пропустил, пожалуй, самую важную — небольшую заметку о состоянии здоровья Еноха. Оказывается, старик самовольно сбежал из больницы в Лондоне, и английская полиция теперь никак не может напасть на его след.

Что-то подсказывает мне, что с этим ветхозаветным старцем нам еще предстоит повозиться.

Покончив с российской прессой, Билл с интересом стал просматривать американские газеты, из озвученных цитат которых мне стало ясно, что у него на родине уже образовался целый ряд крупных поселений, объявивших, что отныне они живут в полном соответствии с Писанием и признают власть только одного правителя — Даниила. То есть никакие светские власти им отныне не указ. К инициативе американцев постепенно присоединялись жители других стран: так, в Мексике, на Филиппинах и в Ирландии уже можно было говорить о назревающем конституционном кризисе. Конечно, прошло не так много времени с момента явления Даниила миру, но уже явно прослеживались предпосылки для появления теократических христианских правительств в еще не так давно светских демократических государствах.

Стиль письма не оставлял сомнения в том, что Билл цитировал «Вашингтон Пост».

— А заголовок? Наверняка что-нибудь патетическое, например, «Конец демократии»? — Я не удержался от язвительного замечания, хотя поймал себя на мысли, что название не так уж далеко от истины. Билл отложил газеты и очень внимательно посмотрел на меня. В воздухе повисло звенящее напряжение — не к добру такие взгляды.

Не могу сказать, что наши с Биллом отношения складывались безоблачно, ведь времени узнать друг друга поближе не было. Служение крайне быстро втянуло нас в контакт, превратив в подобие частей неидеально работающей машины — зубчики совпадали, но не более того. Мы не превратились в единое целое, отчего порой в механизме вспыхивали искры.

Сам факт того, что я оказался призван Даниилом чуть раньше, автоматически повышал меня в божественной табели о рангах, и это крайне беспокоило Билла. Ведь что ни говори, а Гейтс сыграл во всей этой истории роль куда существенней моей: и с Папой Римским мы благодаря ему встретились, и Тед Тернер его знакомец, да и сам Билл в списке самых богатых людей мира под номером один давно обосновался, а я так, второй миллиард замыкаю. Кроме того, упоминания Билла и его матушки относятся к одним из наиболее часто произносимых на планете. Если угодно, то в размерах отдельно взятого киберпространства Гейтс и есть Создатель. Ну, а тот факт, что мы можем легко читать мысли друг друга, отнюдь не облегчает задачу взаимного понимания. Уж больно разнятся системы базовых ценностей и традиции воспитания.

Хотя, что с того? Да он даже «Двенадцать стульев» не читал! Темнота. Я уже не говорю про «Мастера и Маргариту». К тому же только закоренелый американец может надевать белые брюки, синий блейзер, розовую рубашку-поло и черные ботинки. А после этого еще и иметь наглость спрашивать у окружающих об их настроении, не понимая, что сам вид такого орла-дальтоника уже портит картину мира на ближайшие пару часов.

Моя последняя мысль совсем не понравилась Биллу. Он прервал разглядывание меня тяжелым вздохом, встал со стула и подошел поближе. Достав из кармана брюк очки, он старательно протер их,

нацепил на нос, поморщился и, вернув очки в карман, устало помассировал пальцами брови. Проделав все эти манипуляции с давно не нужной ему оптикой, Билл продолжительно посмотрел на меня. Со значением. Так смотрят на любимого, но глубоко больного родственника, навсегда отставшего в своем умственном развитии от нормального хомо сапиенс.

— Дорогой брат, — сказал Билл, — порой мне кажется, что цель нашего знакомства, кроме очевидной апостольской, еще и в воспитании во мне смирения, так как степень твоего ехидства никак не соответствует всей серьезности нашего служения. Редкая же ты язва, Владимир! Понимаю отношение к тебе твоих телевизионных коллег. Неудивительно, что в моем лице они нашли заступника.

Билл снова достал очки, повертел в руках и вернул на место.

— Возвращаясь к твоей шутке о конце демократии, — продолжил он, — должен заметить, что для меня это вопрос очень серьезный. Я бы даже сказал — фундаментальный. Ведь самосознание нашего народа строится на незыблемости демократических принципов. Как это часто бывает с постулированными ценностями, мы предпочитаем не задавать себе вопрос о том, что это такое и возможна ли действительная демократия для каждого. Такого рода размышления от лукавого. Конечно, любое человеческое общество несовершенно, но даже мой личный пример доказывает действенность нашего образа жизни. Я ведь добился всего сам, так что наша система ценностей работает. Навязшая в зубах фраза Черчилля о том, что демократия плоха, но все же это лучшая из существующих государственных систем, на протяжении веков подтверждалась практикой. За последние десятилетия демократия являлась по своей сути мировой религией. Во имя демократических свобод начинались войны и перекраивались государственные границы. У демократии были и есть свои апостолы и боги, своя церковь и свой Вселенский собор. Даже свой язык — столь ненавистный тебе политически корректный. Если угодно, то демократия в системе ценностей стала выше любой религиозной догмы, во многом изменяя ее и даже вступая с ней в прямой конфликт. Выросшая из упрощенных христианских добродетелей, демократическая вера переросла в

отрицание своего родителя, во многом повторив отношения между иудаизмом и христианством. И не случайно, что именно в последние годы стал заметен прямой конфликт между базовыми ценностями религиозными и светскими. Посмотри, как активно требуют от Ватикана признания права гомосексуалистов на церковное служение, разрешения на аборты, презервативы, равноправия женщин, причем требуют все жестче и наглее. Здание католической церкви, теперь уже благодаря нам, окрепло, но ведь еще недавно оно трещало по швам! И ты думаешь, что вот сейчас, в одночасье, все возьмут и одумаются? Признают, что не только они, но и их родители, и родители их родителей, и даже, страшно сказать, отцы-основатели, заблуждались?! Здесь, дружочек ты мой, все не так просто! Лицо Билла заметно покраснело, и он начал расхаживать по комнате взад-вперед.

— Протрут американцы глаза, — говорил Гейтс, размахивая руками так, будто дирижировал оркестром собственных мыслей, — подумают денек-другой и решат, что телевидение по обыкновению врет и что вот сейчас пойдем все на выборы и проголосуем, кого считать апостолом и кого Мессией. А даже допустить мысль о том, что Даниил не американец, унизительно! Конечно, наличие меня в «святой» тройке несколько смягчает ситуацию, но тот факт, что надо мной какой-то русский, превращает все в фарс. Так что, Владимир, не обойдется наша с тобой работа без активных военных действий, что лично на меня навевает уныние.

— Не грусти, старик, — парировал я. — В конце концов, это ведь вы считаете себя возлюбленной Богом нацией. У вас же каждый доллар Господа помнит, он весь в масонских знаках, как харя алкаша в склеротических прожилках. Демократия демократией, но одни ваши евангелисты чего стоят! Да и мормоны и всякие прочие блаженные, они-то ведь хоть какое-то значение да имеют. И весь Голливуд ваш как с наркоты срывается, так сразу в какую-нибудь веру впадает: Мадонна — уже Эсфирь, у нее весь дом в каббалистических веревочках, последняя надежда оттянуть приход климакса. Может, все-таки вы не настолько втемяшились в демократию? У вас негров до середины шестидесятых в правах поражали, а это ведь не так давно было. И большинство мусульман у вас черные. Билл, может, ты

преувеличиваешь? Сейчас проведем пару сеансов в Штатах, сотворим чудеса, излечим всех от СПИДа и рака, и народ поверит. Куда он денется?!

— Поверит?! Во что он поверит? Что Мессия — еврейский мальчик с мамой из России?

— А в чем проблема? У вас весь Голливуд такие основали, да и с Гершвином точь-в-точь такая же история.

— Да, — взвился Билл, — но они расцвели благодаря Америке! Став законопослушными гражданами, доказав своей жизнью верность базовых ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ постулатов. А теперь все по-другому!

— Дорогой брат, — ответил я, — не волнуйся. Все же не наша задача нести мир, мы принесли меч. Время не убеждать, а судить. И если кто-то собирается упростить нашу задачу, выступая против Мессии, срывая с себя маски и представая в истинном сатанинском обличье, то это их проблема. И результат этой битвы заранее предрешен. Вспомни Лондон — мы победители! Енох небось зализывает раны уже где-то под Урюпинском.

— А почему ты решил, что старики не правы? — вспыхнул вдруг Билл, размахивая перед моим лицом надоевшими уже мне очками. — Ведь все, что они говорят, есть в Писании, вплоть до их собственного существования. И именно Енох и Илия, ветхозаветные патриархи, должны прийти на битву с Антихристом и пасть от его руки. Или что, будем делать вид, что не умеем читать и вся апокалиптическая литература прошла мимо нас?! Так вот, не поленись, набери в «конец света». Сразу убедишься, что Даниил скорее всего не Христос, а Антихрист!

Билл сорвался на крик. В процессе беседы он распалился настолько, что по его пухленьким щечкам побежали алые пятна, лоб покрылся испариной, и стало казаться, что скоро у него закатятся глаза и рот изойдет белой пеной. Чтобы остановить его истерику, я подошел к нему и подул прямо в рот, как это иногда делают родители, чтобы успокоить расплакавшихся детей. От неожиданности мой рассвирепевший брат

растерялся и на миг замолчал, после чего вдруг громко рассмеялся. На глаза ему навернулись слезы. Он в изнеможении оперся об стол, и я еле успел подставить стул, чтобы Билл не рухнул на пол. Я осторожно начал:

— Понимаю, Билл, кризис среднего возраста! Не хочу тебя обижать, старик, но у меня он уже был, так что, извини, мысли твои мне близки и понятны. Начнем по порядку. Литературу читали все, с грамотностью проблем нет, только с чего это ты решил, что ей можно верить? Подумай сам, на поляне жизни всегда происходило постоянное столкновение сил добра и зла, причем зло с завидным постоянством побеждало. И при этом мы с тобой должны слепо верить в то, что весь мир сходил с ума, но продолжал писать, читать, а главное, сохранять в веках истинные знания?! Тот факт, что дьявол есть, для нас с тобой очевиден. Что он глубоко проник в церковь, общество и культуру, — сомнений не вызывает. Так почему же ты считаешь, что и литературу о Втором пришествии он тоже не отредактировал? Почитай любые тексты того времени — они же все только о политике тех дней. Просто страшно было получить по башке, вот и использовался эзопов язык, понятный тогда всем читателям, но ужасно таинственный для нас сегодня. Или ты на полном серьезе считаешь, что со дня на день все начнется по Иоанну Богослову, написавшему полный бред, черт-те когда, — простите, вырвалось, — и неясно, зачем? Да ты сам, если дури курнешь, и не таких зверей из моря повытаскиваешь! А так как ты великий Билл Гейтс, то потомки разглядят в этом тайный смысл, что они уже и так сделали с твоими маразматическими сочинениями доапостольской поры.

Глаза Билла угрожающе округлились.

— Шучу-шучу, дорогой брат! Хотел проверить реакцию, а то ты совсем в транс впал. А тут вот и румянец сошел, и взгляд стал злобно-осмысленным. Любишь свои книжки, ну и люби! Должен ведь хоть кто-то к ним хорошо относиться.

Я довольно усмехнулся, чувствуя, как Билл постепенно сникает под натиском моих аргументов.

— Кхм, итак, — откашлялся я, делая вид, что поправляю концертную бабочку, — продолжаем наш сеанс психотерапии для уставших апостолов и архангелов! Причем заметьте, уважаемый бизнесмен от Бога, совершенно бесплатный сеанс, что в корне противоречит моей журналистской сучности! Ой, простите, конечно, «сущности», что орфографически верно, но по сути неточно. Хватит истерить, братец Билл! Все, что было до нас, добром не назовешь, а то, что мы за пять минут верхушку Аль-Каеды прищучили, — уже добро. Кстати, патриархальных старичков мы не трогали, и не мы Еноха уважаемого пытались жизни лишить, это он нас камешками порихтовать хотел. И вот тебе последний и убийственный аргумент — а какая, собственно, разница, кто есть мистер Даниил? Ну предположим, что он Антихрист, что это меняет? Да нет таких злодеяний, которые не совершили бы люди над себе подобными за пять с лишним тысяч лет истории. Ничем уже нас не проймешь, даже за недолгую телевизионную историю уже все возможные злодеяния свершились в прямом эфире, послужив высокой цели роста рейтингов и удорожания рекламного времени в нашем дьявольском бизнесе. А если все-таки Даниил не тот, за кого мы его принимаем, так и вовсе никаких проблем. Значит, пройдет некоторое время и явится настоящий Спаситель, и Даниил окажется предтечей его. А следовательно, и наша с тобой роль исключительно положительная, ибо без предтечи не будет и Спасителя. Не мы с тобой писали этот вселенский сценарий, но если эти роли, замечу, заглавные роли, отведены нам с тобой, то уж давай соответствовать. А ответ мы узнаем в самом конце программы. И даже если он нам с тобой не понравится, то, по крайней мере, удовольствие от работы, с учетом наших возможностей, можно получать безграничное, вплоть до оказания помощи нуждающимся. Билл, ау! В этом месте от тебя требуется улыбочка понимания.

На мою фразу Билл не ответил, так как его взгляд был прикован к надписи, огненными буквами проступившей в воздухе прямо за моей спиной. Я даже чувствовал некоторое тепло, поскольку в сотворении указания принимали участие и белый, и черный огонь. Я обернулся — приказ был четким и не подразумевал задержки в исполнении. Подписи под ним не было, но у меня не возникло никакого сомнения в том, что такого рода телеграмму может позволить себе только один отправитель.

Мы с Биллом бросились вон из номера, и, как только дверь за нами закрылась, надпись исчезла, не оставив запаха серы. Сторонний наблюдатель и без знания арамейского догадался бы, что приказ гласил: «Срочно ко мне!»

ГЛАВА 2

От гостиницы до Гефсиманского сада путь недолгий, можно было бы рвануть напрямую через старый город, но как это часто бывает, ближе не всегда значит быстрее. Тем более что после событий последних дней наши перемещения в пространстве перестали быть непринужденными. Это пару лет назад я мог спокойно передвигаться по Иерусалиму. Тогда меня лишь изредка останавливали милые интеллигентные люди, на всякий случай прихватив за рукав, чтобы выяснить, надолго ли я приехал, да и вообще.

— Ой, это вы? А я так и думал, хотя на экране вы и старше, и ростом выше… Ну ничего, хорошо, что вы приехали, а то здесь такое творится! Вы хоть расскажите им там, что все равно ехать надо.

Теперь о нас с Биллом знала каждая собака, и в любом месте, где появлялись мы, избранные, сначала, как сухие листья, гонимые мощным порывом ветра, пробегали охранники с проводками в ушах, профессиональными взглядами, устремленными в никуда, сканируя пространство. Эти безобидные рыбки-лоцманы предваряли следующий за ними пульсирующий сгусток темных костюмов с оттопыренными «глоками» пиджаками. И только потом шествовали мы, правда, не пешим ходом, а в машине.

Мне все это было неприятно. Даниил мог преспокойно переместить нас в пространстве или же просто явиться пред наши очи, а вместо этого он опять почему-то предпочел действовать по старинке. Что ж, Ему

виднее, парадный выезд, так парадный выезд. Хоть охранники разомнутся. Все равно скорость наших с Биллом передвижений такова, что они могут в ритме легкого вальса бежать рядом с машиной. Представляю, каких усилий стоило передовому отряду господней СБ рассеять толпу страждущих. Зато телевизионщики оживились — появилась работа! И вот уже идет прямое включение из Иерусалима: нас передают от камеры к камере и комментаторы делают предположения как о конечной точке, так и о возможной цели нашего визита.

А все-таки Господь хорошо позаботился о своих детях — погода в городе прекрасная, виды просто замечательные. Хотя народец шумный. Несмотря на охрану, на нашу машину периодически кидаются отдельные несознательные граждане с просьбами об исцелении и явлении чуда. Э, нет, ребята, вы путаете акты комедии. Это вначале мы были чудотворцы, теперь-то судить будем. Ну, а зачем всех излечивать, если после вынесения приговора и так все станет ясно? А то вдруг вылечишь кого, а ему в Ад — неловко потом будет. Или здоровому больнее мучиться? Но тогда это вообще не по-христиански как-то. Или вот излечишь его, а он на радостях пойдет и согрешит, тем самым испортив себе биографию, да и попадет вместо Рая совсем в другое место. А так — страдание очищает… Нет, я не жмот, мне чудес не жалко. Если б не цейтнот, то шоу устроил бы — будь здоров. Прямо здесь, на крыше машины. Ноги врозь, на ширину плеч, руки, выпрямленные в локтях, вперед, ладони перпендикулярно поверхности земли:

— Потянулись! Вдох-выдох, вдох-выдох, начинаем апостольскую гимнастику! Теперь руки вверх, выше-выше-выше — тянемся, тянемся, тянемся. На мысочки не встаем!

Получили энергию — и резко руки вниз, направляем на толпу страждущих: хватайте, родненькие, божественного света, сколько ваши сосуды готовы принять. Мне не жалко. Сбросьте с себя оковы прошлой жизни, грешники, да возродитесь к жизни вечной. Станьте теми, кем всем вам самим Создателем суждено быть, пока не поздно. А то хуже будет…

Билл усмехнулся:

— Мне эта часть нравится — возродитесь из кокона в бабочку!

— Ну еще бы, — улыбнулся я в ответ, — тебе вообще бабочки нравиться должны. Бабочки-бабешки порой бывают очень даже ничего!

Билл так густо покраснел, что я поспешил его успокоить:

— Да не волнуйся ты так! Считай просто, что нашел еще один путь проникновения света к страждущей душе. Если сам заморачиваться не будешь, то и проблема большой не станет. Надеюсь, не все из этих таблоидов правда? Билл покраснел еще сильнее, но выдавил из себя ответ:

— Конечно, как ты только мог подумать?…

— Понятно. То есть, к счастью, они еще не все раскопали. Да успокойся уже! Раз уж судишь ты, а не тебя, значит, раскаяние твое было принято.

Машина остановилась. Кто-то услужливо открыл дверь, избавив Билла от необходимости продолжать беседу на столь скользкую тему. Мы оказались за кордонами охраны, отделяющими территорию Гефсиманского сада от муравейника современного Иерусалима.

Здесь пели птицы и приятно пахло чем-то неуловимым. Это был не церковный запах ладана, а скорее фимиам, хотя я и не имею ни малейшего представления о том, что это такое. Сад довольно значительной площади занимал весь склон Масличной горы. В глубине сада примостилась часовенка, но главной достопримечательностью этого места была не она, а деревья! Этим молчаливым свидетелям истории было, конечно, не две тысячи лет, но уж точно по нескольку сотен, так что генетическая память о трагических событиях предыдущего пришествия у них определенно была. Должно быть, благодаря резкому переходу от суеты гостиницы и салона автомобиля к открытому и живому пространству у меня возникло ощущение прозрачной нереальности. Будто бы я ехал в лифте, долго-долго, и думал, что сейчас попаду на этаж с невысокими потолками, а двери

распахнулись — и вот я стою в гигантском киношном павильоне. Да в таком, что голову вверх до боли в шее закинул, а потолка так и не видно. И воздух такой плотный и вкусный, что надышаться не можешь…

Мягкая трава, высокое, прозрачное, пронзительно голубое небо. Узловатые, старческие, выцветшие ветви масличных деревьев, покрытые молоденькими зелеными листочками. В глубине сада среди растительности виднелся шатер, в котором обосновался Даниил. Должно быть, именно в таких шатрах и Авраам, и Моисей проводили долгие годы в размышлениях над судьбами человеческими. Наша машина медленно вернулась за линию охраны, и мы уже без сопровождения охранников двинулись в сторону шатра.

Стучать не было необходимости — полог был приветственно откинут. Не успев приблизиться к шатру, мы увидели Даниила, выходившего нам навстречу, Я не видел его уже дней пять и не был уверен, в каком настроении его застану. Когда он стоял на Храмовой горе, в лучах славы, лик его светился и был он столь величествен, что я испытал робость в душе, ибо предстал перед нами Царь царей. Сейчас царственность осанки сохранилась, но в выражении лица появилось что-то новое. Даниил все-таки моложе меня, и не на пару лет, потому в моем отношении к нему есть и забота старшего, пусть и только по возрасту. Я отношусь к нему как к брату, который намного талантливее меня, что отнюдь не является предметом ревности, а наоборот, служит источником счастья и гордости. Так вот, на лице предмета моей гордости я заметил следы волнения и бессонных ночей. Даниил выглядел вымотанным, бледным и изможденным.

— С тобой все в порядке? — спросил я.

Даниил попытался улыбнуться, но у него это не получилось. Он обнял меня, потом Билла и, не ответив на вопрос, проводил нас в шатер, пол которого был устлан коврами и подушками. Я по привычке поискал глазами компьютер и, не найдя никакой электроники, понял, что ее нахождение здесь было бы по крайней мере странным — от Даниила и так ничто не может укрыться. По той же причине телевизора здесь тоже не было. Мы с Биллом уселись на подушки, и Даниил налил нам чаю из

маленького чугунного чайника в довольно грубые глиняные пиалы. На невысоком столике в простой тарелке лежали фрукты, но было видно, что лежат они там не первый день и к ним никто не прикасался.

Совершенно не вовремя зазвонил мой мобильник. Я посмотрел на Даниила, он усмехнулся глазами и сказал:

— Ответь, все-таки это твой президент! И потом он собирается сообщить тебе известие, ради которого я вас и позвал.

Я достал из кармана выцветших джинсов трубку и нажал зеленую кнопку.

— Владимир Рудольфович! — Голос президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина звучал жестко и четко, как у руководителя спецоперации, отдающего указания своим подчиненным.

— Вам необходимо, не задавая дополнительных вопросов и не тратя время на сборы, немедленно покинуть здание гостиницы, отойдя от него как можно дальше. Так как господин Гейтс находится рядом с вами, то он должен последовать вашему примеру. Я свяжусь с вами через десять минут, когда вы будете находиться на некотором удалении от объекта. Прошу вас, выполняйте немедленно!

— Владимир Владимирович, я не нахожусь в отеле. Полчаса назад нас вызвал к себе руководитель. — Я не без ехидства назвал Даниила именно так. Думаю, что ни ему, ни президенту это не понравилось. — И сейчас мы у него.

— Рад! — ответил Путин. — Последняя информация о вашем расположении поступала час назад.

— А что случилось? — поинтересовался я.

— Ничего особенного, Владимир Рудольфович, простой теракт. Думаю, что если вы недалеко, то и звук услышите через пару минут. Мы получили информацию от своих источников, что в гостинице готовится теракт, направленный против вас с господином Гейтсом, а чуть позже

по старому городу и Гефсиманскому саду будет нанесен массированный ракетный удар, причем боеголовки будут атомные. Удар последует с территории Ирана, который уже давно заявлял о своей готовности окончательно решить еврейский вопрос. Конечно, мы можем оказать некоторую военную помощь. Когда я говорю «мы», я имею в виду своего американского коллегу — у нас состоялся телефонный разговор несколько минут назад, и совместным решением было сначала связаться с вами.

— А зачем вначале взрывать гостиницу, а уже потом наносить атомный удар? — спросил я, ошарашенный «приятной» новостью.

— Хороший вопрос! Должно быть, они сомневаются, что смогут преодолеть силы Даниила, а может, хотят использовать разнообразные подходы к проблеме. Диверсификация рисков, знаете ли, что-нибудь одно да сработает. А то ведь ракета все-таки некоторое время летит, да и опыт обстрела Израиля с территории Ирана всегда был не особо удачным. К тому же таких мощных игроков, как ваша троица, лучше истреблять порознь. Так проще! — Президент ухмыльнулся. — Да, кстати, спросите у господина Давида, нужна ли ему помощь в выяснении отношений с Ираном?

Последние слова Путина заглушил гулкий, ухающий звук мощного взрыва. Земля вздрогнула, и за старым городом, на том месте где должен был стоять отель, вверх устремилось злое, темно-серое облако пыли. Даниил вышел из шатра и с печалью посмотрел на Иерусалим. Из города донеслись звуки сирен «Скорой помощи» и пожарных машин, а в клубах пыли появились огненные всполохи. На месте взрыва начался пожар. Судя по всему, заряд террористы использовали огромный — пытались действовать наверняка. Я заметил, что по-прежнему держу телефон в руке. Связь не прервалась.

— Владимир Владимирович, только что произошел упомянутый вами теракт, — мрачно констатировал я.

— Это я слышал, Владимир! Мне очень жаль, что все так начинается. Тем не менее вас ждет еще более страшная угроза! Спросите немедленно господина Давида, нужна ли ему какая-либо помощь с

нашей и американской стороны, чтобы разобраться с Ираном?

Не опуская трубку от уха, я повернулся к Даниилу — он отвлекся от вида города и посмотрел на меня. Я ожидал, что на лице его отразится печаль и тревога, но он был на удивление ироничен. Подмигнув мне, он сказал:

— Какие все-таки смешные эти президенты!

Ну зачем задавать детские вопросы, если они еще восемь часов назад привели в состояние боевой готовности все необходимые средства и готовы не медленно нанести превентивный удар по пусковым установкам противника, а заодно и по реактору, а также по всем основным стратегическим объектам Ирана. При этом уже договорились и о послевоенной судьбе государства, и о нефтяных интересах.

Даниил улыбнулся и очень хитро посмотрел мимо меня на телефон, как будто заглядывая через аппарат в глаза Путину.

— Господин Президент, — сказал он, — ведь вам так хочется поиграть в войнушку, да еще и совместно с вашим другом Джорджем. Так не отказывайте себе в удовольствии!

— Насколько я понимаю, это значит «да»! — услышал я голос Владимира Владимировича, и связь прекратилась.

Не знаю, что поразило меня больше — первый теракт и, очевидно, первые жертвы Новой эпохи, или то, как равнодушно ко всему этому отнесся Даниил. Я почувствовал себя обманутым, и у меня на глазах стали наворачиваться слезы. Чем провинились несчастные работники гостиницы? Что сделала та милая девочка на рецепции с открытым выражением радостного удивления на лице, удивительно напоминающая мою дочь? А смешной толстенный портье, да и все те люди, которые просто оказались постояльцами этой злосчастной гостиницы? И чем провинились их близкие, ведь теперь навсегда этот день будет проклят в их памяти? И никакого значения не имеет тот факт, что это «навсегда» уже почти завершилось. Что сможет оправдать мучительную боль потери, надежду, что среди погибших нет их

близких, и леденящий ужас опознания останков тех, кто еще совсем недавно был смыслом их жизни?

Зачем ждать прихода Спасителя, если он не останавливает зло и не исцеляет этот мир? Неужели так трудно было предупредить не только нас, но и их, да и в конечном итоге просто повторить чудо «Уэмбли» и уничтожить террористов?! Ведь весь этот ужас и атомная угроза со стороны Ирана — только из-за нас. И почему им понадобились Билл и я, а не Даниил, чем провинились мы?

Я повернулся к Даниилу. В моих глазах было столько ненависти, что он невольно отпрянул:

— Владимир, ты хочешь ударить меня?

— А это что-то изменит? Вернет к жизни невинно павших? Или ты опять ответишь фразой из Писания?

— Отвечу! Сбылось слово Писания: «И к злодеям причислен». И кем — любимым учеником?! Почто слаба вера твоя? Как Петру нужна была рука, чтобы не утонул он в волнах, усомнившись, так и тебе, Владимир, все время нужно слово одобрения и разъяснения. Я все объясню, но сначала напомню тебе слова Иоанна Предтечи: «Порождения ехиднины! Кто внушил вам бежать от будущего гнева?» Ты думаешь, что мир счастлив видеть меня и смиренно готовится к Страшному суду, читая молитвы и творя добрые дела? Глупец, оглянись вокруг, много ли праведников раздали свои несметные богатства и живут по Писанию? Что-то не вижу я их, не слышу слов раскаяния. Лишь все новые замыслы и интриги. Конечно, Иерусалим начал преображаться, и есть дуновения свежего ветра в дальних землях, где верят мне и под крылом моим воспрянут, но ведь сколько вокруг нас детей гиен, смиренно ластящихся, чтобы скрыть свои злодеяния и хоть так, бочком и лестью, пробраться в новое царствование! Пяти дней не прошло, как облепили вас рыбы-прилипалы, жаждущие служить за Царствие Божие, но по дороге туда совершающие злодеяние. Когтями и зубами прорывались они на теплые места, и вот — теперь им жарко. Нет там невинных жертв! Нет! Не уподобляйся Аврааму, не найдешь и одного праведника. Каждого черную душу могу показать, за ангельским взором разврат и

похоть. Плотью добившаяся теплого местечка и доносами живущий, по-твоему, обитатели рая? Ведь их ты вспоминал в своей жалобной песне? Будь доволен — для них суд свершился! И не пришлось вам свидетельствовать их грехам, ибо сказано: «…изыдут ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов».

Вы ушли из гостиницы, и не только вы. Те, кто праведны, не оказались там — кто-то задержался в пути, кто-то поменялся сменой, а кто-то срочно должен был покинуть здание по служебным вопросам.

— Но почему взорвали именно эту гостиницу? — спросил я. — Зачем покушались на нас, разве не ты их цель?

— Они думали, что я буду там сейчас, после взрыва, оплакивая вас на развалинах. Сюда они добраться не смогли, попыток было несколько, но охрана замечательно справлялась. Тогда они решили осуществить довольно обычный для палестинских террористов план: взрыв, на него устремляются люди, чтобы оказать помощь потерпевшим, затем вновь по той же цели наносится следующий удар, в нашем случае ядерный, и все — еврейский вопрос решен навсегда! Не могу не отметить тонкости замысла, ведь исчадия Ада не были уверены, что я не скрываюсь в убежище, тогда и ракетный удар был бы бесцелен.

Не могу сказать, чтобы долгие объяснения Даниила меня убедили. Скорее нет. Впервые за все время своего служения я вдруг понял, что это не кино, и никакого хеппи-энда не предвидится. Да, мы с Биллом умеем многое: читаем мысли, говорим на всех языках, творим чудеса, но и расплата за эти дары немалая. Я был уверен, что после явления Спасителя жизнь станет совсем другой: все уверуют и исправятся, так что судить придется больше ушедшие поколения, да и то только тех, чье дело требует рассмотрения. Погибли люди за Родину, в борьбе с фашизмом — все в Рай. Был гестаповцем или расстреливал в подвалах НКВД — быстро в Ад. А вот если жил тихим бухгалтером, то давай полистаем твое дело. Но получается, что я жестоко ошибался. Смерть не ушла, да и зло не бездействует. Ядерная война на носу, а Даниил лекции читает.

Билл, все это время не встревавший в наши разговоры, тихо подошел ко мне и сказал, что объединенные силы готовы приступить к уничтожению целей в Иране, а также в ряде других государств, принимавших участие в заговоре против нас. Я закрыл глаза и увидел командный пункт на одном из военных кораблей ВМС США в Средиземном море. На гигантском панно были видны точки базирования ракет, направленных на военные цели на Среднем и Ближнем Востоке. Так же поддерживалась связь с бомбардировщиками, выходящими на рубеж огня. Царила почти праздничная боевая обстановка. Команды отдавал голливудский красавец с невероятным количеством звезд на погонах. В центре управления также находился и офицер в форме российской армии. Операция проводилась одновременно всеми войсками НАТО, хотя в основном участвовали США и Россия. Красавец повернулся к офицеру связи и спросил его:

— Что там у союзников?

Я подумал о наших военных и увидел командный центр, в котором находился министр обороны. Он ждал какого-то рапорта от одной из групп и нервно крутил в руках карандаш. Недалеко от него сидел офицер связи в натовской форме. Он встал и обратился к нашему руководителю:

— Господин министр! Мы ждем ваших указаний. Все готово!

Министр обороны Иванов улыбнулся, но было видно, что его что-то тревожит:

— Насколько я понимаю, иранские руководители планируют начать ракетный удар через тридцать минут. По крайней мере, до сих пор их установки не перешли в режим боевой готовности, так что мы еще можем подождать пару минут. Как вы знаете, мы не хотим повторения не самого удачного опыта афганской и иракской кампаний союзников, когда после более чем эффектной военной части операции пришлось столкнуться с рядом проблем, вызванных несвоевременной изоляцией лидеров этих государств. Так что мы уж по старинке — сначала ликвидируем верхушку неприятеля, а потом уже нанесем ракетный удар.

Иванов волновался напрасно. Когда он заканчивал свою тираду, его связисты как раз получали шифровку от командира вертолетного звена, который уже не только подобрал на крыше президентского дворца в Тегеране группу офицеров АТЦ, но и успел покинуть опасную зону. В вертолетах было шумно и весело. Лидера Ирана взять живым не удалось, но зато в процессе выполнения задания обошлось без потерь. Во многом это произошло благодаря грамотной подготовительной работе — в течение длительного времени иранцы считали россиян своими союзниками, так что войти в доверие к президенту удалось без особых проблем. Русские и во дворце бывали часто, и принимали там наших по первой просьбе, так что когда пару часов назад группа вооруженных ребят явилась во дворец и передала новость о готовящейся атаке со стороны Моссада, то для доклада их пропустили почти мгновенно. Ну, а все остальное было делом техники. Страна так и не узнала, что практически за пару минут лишилась всего своего руководства, поэтому и отдать приказ о ядерном ракетном ударе физически уже было некому.

Нельзя сказать, что иранцы не сопротивлялись, просто нашим ребятам помог опыт чеченских кампаний. Единственное, на что хватило иранского президента, так это застрелиться из личного пистолета. Никто особенно не печалился, так как команды брать живым не было. Да и сложно сказать, застрелился он сам или кто-то из ребят, увидев в президентских руках ствол, оказался проворней. Но факт остается фактом — президент досрочно отошел от дел. Даже лишних звуков не было. Спецназ работал тихо, так что внешнее кольцо охраны дернется еще не скоро — все привыкли к многочасовым заседаниям Совета безопасности. Конечно, о запланированном ударе знают в Центре управления, но там хватятся минут через двадцать пять, не раньше, так что можно спокойно уходить.

Иванов получил радостное известие и улыбнулся натовскому офицеру:

— Зеленый свет!

Все вокруг ожило, и офицеры в удаленных друг от друга на тысячи километров пунктах управления пришли в движение, наводя на цели ракеты и самолеты. Через несколько минут Иран, а вместе с ним и

несколько населенных пунктов ряда арабских стран исчезнут с лица земли. Голливудский красавец с радостью произнес:

— Начинаем операцию «Крестовый Поход»!

Я посмотрел на Даниила. Его, очевидно, забавляло все происходящее. Он напоминал не Иисуса на Масличной горе, а Наполеона на поле Аустерлица.

— Название военной кампании мне не очень нравится! — сказал он. — Точнее было бы «Содом и Гоморра». Как сказано: «Истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому», но у военных свои приоритеты. Говорят, мусульманам была предоставлена возможность отказаться от участия в боевых действиях, и вроде бы даже кое-кто отказался.

Даниил помолчал и добавил:

— Незавидная им доля уготована.

Через несколько минут первые ракеты достигли своих целей. Взрывы их были ужасающими, не говоря уже о последствиях. Ядерные боеголовки, в секрете изготавливаемые иранской оборонкой, от попадания вражеских ракет взрывались, вздымаясь страшным грибом, неся смерть и забвение древней земле. Удар, нанесенный по реактору, был не менее смертоносен. По непонятным причинам термоядерная реакция не остановилась, а стала неуправляемой. Защита не сработала, и вся установка превратилась в гигантскую бомбу, взрыв которой зафиксировали все сейсмические станции на Земле. Таким образом, практически вся территория Ирана оказалась поражена радиацией от взрыва либо самого реактора, либо ракет с ядерными боеголовками, так и не успевшими стартовать на Израиль.

Даниил улыбнулся:

— Забавно! Чем не армия Гога и Магога? Знаешь, Владимир, этот вечный спор о том, кто это такие, что за армии Апокалипсиса поведут они в бой… То ли Гог — царь земли Магога, то ли они отец и сын. А

теперь, в зависимости от точки зрения, варианты. Первый: земли Гога и Магога — это территория современного Ирана, и таким образом их попытка уничтожить нас и была атакой армии сил Зла. Либо, извольте, иной подход: как известно, некоторые мудрецы считали, что земля этих милых царей лежит где-то на севере. Поэтому в разные времена считалось, что кавказские народы и есть армия Сатаны. До них страшны были гунны и татаро-монголы, но все сходились на том, что в нынешних географических реалиях все это — территория России. Так что Гог и Магог — это армия Джорджа и Владимира. Забавно — в имени Гог слышится что-то от Джорджа, а в имени вашего президента столь явных намеков не ощущается. В любом случае, у любителей бреда Иоаннового есть поле для бурной деятельности. Уверен, что завтра же появятся умники, считающие, будто бы «первый ангел вострубил, и сделался град и огонь, смешанный с кровью. И пали на землю, и третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела». Уверен, они не поленятся посчитать общее количество военнослужащих войск объединенных сил и убедятся, что «число их — как песок морской». Кликушествующие! Вот с ними, и тебе, Владимир, и тебе, Билл, предстоит повозиться.

Я слушал Даниила и думал о том, что история повторяет саму себя. Вечно Израиль не дает покоя врагам своим. Только приняли решение о создании государства — тут же война с арабскими странами. Так и теперь. Ну что им Даниил покоя не дает? Никак не могут успокоиться! Неужели и теперь не понятно, что наступила полная и окончательная победа авраамистического учения. Победа! Победа! Бог есть, и Он здесь. Симпатичный, молодой, худой, но жилистый, не лишенный очарования Бог. Так что теперь, если у кого какие вопросы остались, вы знаете к кому обращаться. Письма можно писать, телеграммы, СМС-сообщения.

Вся эта мыслительная чушь так зачаровала меня, что я даже произнес вслух:

— Даниил, а может, нам пора интернет-сайт завести? С чатом, пусть народ не Деду Морозу пишет, а тебе?

Даниил улыбнулся:

— Видно, слишком много потрясений для одного дня. Нет, сайта пока не будет. Я думаю, нам надо обсудить дальнейшие планы, так как вам с Биллом предстоят поездки на родину, а мне надо пообщаться с премьер-министром Израиля, который уже несколько дней умоляет об аудиенции.

ГЛАВА 3

Мы вернулись в шатер. Даниил, как настоящий рачительный хозяин, посадил нас на ковры, налил чай и подал нам чаши:

Понимаю, уместнее было бы, чтобы я омыл вам ноги и налил вина. Или, на худой конец, чтобы этим занялись женщины, а я бы потом рассказал вам пару притч. Затем, конечно, наступила бы глубокомысленная тишина и вы с блаженными выражениями лиц отправились бы по делам, но так не будет!

В голосе Даниила слышалось явственное раздражение. Немного помолчав, он продолжил:

— Я ожидал, что не все будет гладко. У меня не было никаких сомнений, что вслед за Фомой Неверующим человечество уверует в меня только тогда, когда каждый желающий сможет вложить перст свой в зияющие раны мои, а потом будет кричать, не наваждение ли это. Но не это печалит меня. Ничто не изменилось со времен Исайи: «Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое. Да не видят глазами и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб я исцелил их». В конечном итоге имеющий уши да услышит, и слово сказанное будет столь веско, что и камни зарыдают, и жестоковыйные назовут меня царем в Иерусалиме. И снова засияет прежней славой земля, дарованная Отцом своему народу. И будут славить Создателя в доме его, отстроенном по наставлениям, данным Моше, и сладкий дым жертвы вновь поднимется

над алтарем. Случится, как было предсказано.

Учитель посмотрел на нас исподлобья:

— Тревожит меня, что даже в себе я чувствую мучительное сомнение! И хочется мне вновь воскликнуть: «Элои, Элои, лама савахфани?» Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил? Ибо все это время я ждал знамения, ждал голоса его, для чего и пришел в сад. И был один, ибо нет более пустыни, где может уединиться взалкавший истины, лишь уйти в себя, прислушавшись к собственной душе. Большей муки не испытывал я никогда! Ко мне толпами являлись бесы, и искушения, приносимые ими, были столь сладки, столь желанны, что, казалось, рассудок мой не выдержит. Весь мир предо мной, я всемогущ, и шепчет собственное эго, что я и есть Царь и Бог! И стоит мне только возжелать, в каждом доме будут превозносить имя мое и в каждом молельном собрании вспомнят обо мне. И не Отца моего будут почитать они, а меня. И шептали мне духи: «Чего ждешь ты, Бог Отец — Бог Сын — Бог Святой Дух? Ты ведь триедин, так кого же ты ждешь себе в советчики? Все твое — бери и наслаждайся! Суди и правь, верши приговоры и даруй милостыню. Более нет ни Добра, ни Зла, а есть только ты. И что говоришь ты — хорошо, то и есть добро, а что отвергаешь ты, тому место только в аду». Какое искушение — судить всех жестоковыйных и грешных, карать огнем и мечом! Семьями, народами, странами, континентами уничтожать это сорное племя. Но держит Завет с Ноем — радуга, символизирующая, что не будет Нового Потопа. Придется мириться с фактом существования человечества. Но разве этих мыслей я ждал? Неужели мое предназначение — меч? Тогда суд будет краток! Разве есть праведники во времена наши? Раз уж вы с Биллом избраны, то каковы же должны быть отвергнутые?!

Даниил тяжело дышал. По лицу его текли крупные капли багрового цвета, как будто кровоточили раны, нанесенные терновым венцом. За время его монолога мы с Биллом не проронили ни слова. Впервые наш Учитель говорил о своих отношениях с Творцом и задавал вопросы. Вопросы, которые мы никогда бы не осмелились задать, да и ответы на которые нам, должно быть, и не надо знать. Знания идут на пользу, только если страждущий может распорядиться ими во благо. Не должна

повториться трагедия Адама! Конечно, по достижении мудрости, ему была бы дарована возможность вкусить плод с Древа познания Добра и Зла, и вся история человечества была бы иной. И не мучился бы лучший из людей угрызениями совести, что усомнился в Творце и что наказание было страшным. Изгнание из Рая, родовые муки жены, гибель сына, старение, а главное, потеря возможности ежеминутного общения с Создателем. Творец отвернулся от своего творения…

Стоп! Я начинаю жалеть себя, а это не мой стиль. В конечном итоге даже в самой критической ситуации замечательно помогает анализ. Если с Божественным откровением у нас непредвиденная задержка, то попробуем в меру скромных сил и возможностей понять почему. Учитывая, что и Даниил, и Билл легко читали мои мысли, я мог и не озвучивать их, но решил для стройности логических конструкций порассуждать вслух. В отличие от Даниила, по обыкновению говорящего в нашем обществе на арамейском, я решил воспользоваться русским. Знаете ли — образы привычней, да и посочнее будут, чем у наших американских друзей.

Билл поморщился, но спорить не стал. У меня вдруг возникла забавная мысль — а кто Гейтс по национальности? Нет, я не собираюсь выяснять чистоту его крови до пятого колена, и вообще, мой интерес чисто академический, я ведь не какой-нибудь там расист. Пусть будет кем хочет, тем более что за столько веков общения между народами чистотой крови похвастаться могут разве что пигмеи. Жизненный путь моего собрата по служению выдает в нем гремучий замес, но вот манера себя вести, напротив, убеждает в стопроцентной американистости. Начисто он лишен ветхозаветных штучек. Но ведь как-то занесло его в нашу компанию? Хотя, если быть до конца справедливым, то занес-то его я сам — совратил малышку. Ну, хоть не бросил.

— И на том спасибо, — печально ухмыльнулся Билл.

Заметно было, что его задела откровенность Даниила. Все-таки не привык американец заниматься самоанализом, не находясь на приеме у психоаналитика. Да и действительно, как это можно думать о себе не в кабинете у врача, разлегшись на кушетке? Если каждый займется самолечением, сколько людей останется без средств к существованию!

И станет вдруг ясно, что Фрейд в первую очередь был большой бизнесмен. Ведь как точно все рассчитано — пациент платит за то, что его слушают. Примерно как поход в театр за счет актеров, дающих спектакль. Вы, мол, играйте, но чтобы это смотреть бесплатно, ОК? Помилуйте, милостивые государи, да разве ж так можно? Только за наличные, и лучше вперед. А то ведь знаю я вас! Понимаю возмущение брата Билла (ББ).

— Ну хорошо, — подал голос ББ, — предположим, высшая инстанция пока не выходит на связь. В этом, может, и есть некоторый повод для беспокойства, но зачем так огульно обижать вполне достойных людей, то есть нас с Владимиром? Или, по крайней мере, меня одного? Чем не угодил? Да и все эти рассуждения об уничтожении человечества? Какая-то, простите, маниакальная чушь! Все-таки судить их надо — выработать процедуру, критерии, подходы. Организовать процесс, наконец, оптимизировать его. Не надо так эмоционально на все реагировать! — не глядя на Даниила, наставничал Гейтс. — Уже достаточно. Вон, посмотрите: у кого-то плохое настроение, так теперь на одну гостиницу в Иерусалиме меньше, а про государство Иран лучше и вовсе не вспоминать. Не могу признаться, что испытываю к нему какую-то жалость, как, впрочем, и Афганистану и Ираку до него, но тем не менее. Однако что тревожит меня больше всего, дорогой Учитель, так это ваша внутренняя готовность к поспешным шагам!

Произнеся последнюю фразу, Билл осмелился взглянуть на Даниила и тут же умолк.

— Кажется, я себе слишком много позволяю. Простите меня за эту вольность! — сглотнул он. Было видно, как тяжело ему смирять себя. Привыкший в течение многих лет быть гуру для всего западного мира, он вдруг ощутил себя нашкодившим мальчишкой. Да еще вдобавок и не очень понимающим, как выйти из сложившейся пренеприятной ситуации, в которой вдруг оказался. Билл уже пожалел, что открыл рот, и с мольбой во взгляде покосился на меня.

Я взглянул на Учителя. Даниил пристально смотрел на нас, и взгляд его не предвещал ничего хорошего как нам, так и всему человечеству в целом. Воздух заметно сгустился. В грозовых облаках, внезапно

окруживших нас, шатер буквально растворился, и свинцово-серое небо над Даниилом разорвали колючие зигзаги молний. Я мужественно не смотрел себе под ноги, понимая, что мне не понравится то, что я там увижу. Было ясно одно — мы уже не в Гефсиманском саду. Куда нас отнес гнев Творца, сказать было трудно, но меня ощутимо била крупная дрожь. Изнутри проступала такая леденящая душу жуть, что температура окружающей среды не имела никакого значения.

Глаза Даниила сверкали черными агатами на иссиня-ледяном лице. Губы были плотно сжаты, превратившись в узкую линию, и побелели от напряжения. В этот момент он больше походил на Зевса Громовержца, чем на елейный образ Христа. Должно быть, таким был Творец, разверзающий хляби небесные. И таким он завершил торг с Авраамом и вершил правосудие Содому и Гоморре. Я поймал себя на мысли, что он божественно красив даже в гневе. Забавная мысль! А как еще может быть красив Даниил, как не божественно? Хотя, признаться, в этой красоте не было даже намека на прощение.

Вдруг среди свинцовых туч, нависающих над нами, наметился разрыв, пусть и небольшой, но достаточный, чтобы через него пробился тоненький прямой лучик света, заигравший цветной радугой. Я закричал, как сумасшедший:

— Смотрите, смотрите! Вот он — знак Завета! Значит, Творец слышит нас! Даниил, ты видишь, разве это не знак?

Даниил перевел взгляд на светлеющее небо. Выражение его лица постепенно менялось, гнев уступал, хотя напряжение ситуации не спадало. И я позволил себе дерзость, которую замышлял еще задолго до неудачной попытки Билла разрядить атмосферу:

— Учитель, прости мне мою глупость, но позволь сказать и не гневайся, если мои слова не покажутся тебе правильными. Ведь рассуждать я могу только в меру дарованных мне возможностей.

— Говори! — сурово бросил он.

— С чем связано твое волнение? — осторожно спросил я. — С тем, что

после явления всему человечеству ты не услышал слов одобрения Творца? На мой взгляд, этому есть всего два объяснения. Первый — он отвернулся от тебя.

Щека Даниила дернулась, но он остался неподвижным.

— Понимаю, тот еще вывод, — продолжил я. — Но есть и второй вариант, более правдоподобный, — мы просто неверно оцениваем этапы нашей работы. Не думаю, что первый вариант справедлив. Если бы ты чем-то разгневал Творца, то, перед тем как отвернуться от тебя, он не преминул бы однозначно высказать суть своего недовольства.

В Завете примеров такого отношения не счесть. С другой стороны, было бы странным ожидать, что Бог начнет комментировать любой промежуточный этап твоей деятельности. Посмотри, ведь и в общении с Моисеем он приходит только в самые важные моменты и требует выполнения четких и ясных инструкций.

Несмотря на то что мы все еще находились в подвешенном состоянии, я постепенно успокаивался и стал говорить более ровно — помогла годами наработанная журналистская выдержка:

— Учитель, ведь именно Творец с удивительной геометрической точностью указал размеры своего Храма, как и порядок служения и жертвоприношений. Не случайно во время первого Пришествия ты оплакивал разрушение Храма, ибо вначале он был разрушен саддукеями и фарисеями в душе народа Израиля, а уже после пал от рук римлян.

Ведь сколько поколений прошло с тех пор, как Тора с указаниями по построению Храма была дарована евреям, до того момента, когда народ смог, поднявшись в духовном развитии, его воздвигнуть. Поэтому то, что было начато тобой две тысячи лет назад, должно быть завершено сейчас. Ты не только изгонял менял из Храма, ты ратовал за чистоту душ, но не был услышан и понят. Но если тогда они не захотели слушать бедно одетого учителя, так пусть подчинятся теперь слову Царя! Восстановить Храм в душах и во плоти — должно быть, в этом наша задача. Жить по Писанию! А мы ждем, что люди очнутся лишь от благой вести. Но ты же видишь, что души их тычутся, как слепые

щенки, и не видят света.

Так, пять минут апостольских рассуждений — полет нормальный. Все живы. Продолжим:

— Разве только в этом вина их? Ведь сколько праведников отдали свои жизни за тебя, разве их кровь ничего не значит? Ведь прислушался Господь и готов был сохранить жизнь грешникам, лишь бы не умертвить десять праведников. И ты сдержался. Значит, есть праведники на земле. И не ты ли сказал: «И если кто услышит слова мои и не поверит, я не сужу его: ибо я пришел не судить мир, но спасти мир»?

Небо вокруг нас посветлело. Даниил повернулся и обнял меня. Я услышал пение птиц и вновь почувствовал запахи Гефсиманского сада. Мы опять были в шатре: тот же столик, чай, чаши. Лик Даниила был чист — никаких следов тернового венца, легкий румянец на челе, глаза светлые. И с чего мне вдруг привиделось, что они могут гореть черным огнем?

— Вот потому, Билл, Владимир и есть первый ученик и твой старший брат. Конечно, так все и есть, и я рад, что ты сердцем своим чувствуешь правильный путь. — Учитель улыбнулся. — Но учти, что было сказано там же: «Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое я говорил, оно будет судить его в последний день».

Совершенно некстати всплыли из подсознания «Голосуй сердцем!» и Ельцин, танцующий нелепый медвежий танец. Поеживаясь грудной клеткой, он, должно быть, пытался продемонстрировать, что именно так и осуществляется процесс голосования коронарными клапанами, желудочками и прочими составляющими пламенного мотора. Неправильная мысль, перефразируя старика Ленина, чер-р-р-товски несвоевременная! Упс, а вот этого персонажа с рожками я, кажется, и вовсе некстати вспомнил! Персонаж — это не Ленин, а тот, другой, который у меня через много р-р-р-р. Да, специально для молодого поколения поясню: «старик» — это не фамильярное обращение к вождю пролетариата, а его партийная кличка. А кстати, как замечательно

звучит — «ПРОЛЕТАриат», так и хочется добавить «НАД ГНЕЗДОМ КУКУШКИ». Звучит неплохо, только вот результат не радует. Ведь сколько раз уже было: голосуешь сердцем, а получаешь по заднице. Что, в общем-то, и неудивительно — в сердце мозгов примерно столько же, сколько и в пятой точке. То есть совсем нет. Хотя в заднице они иногда бывают — транзитом, если до этого их подавали к столу, правильно приготовленными. Но это уже говяжьи мозги. А с другой стороны, голосует-то немало и коров тупых, и бычья всякого. Н-да, мысли явно не к моменту. Как будто стоишь где-нибудь в Георгиевском зале Кремля под вспышками и злым оком телевизионных камер, грудь выпячиваешь под высокую награду, президентом пришпиливаемую, глаза пучишь влюбленно, а сам думаешь только об одном: «Блин, где же у них тут туалет? Еще пара минут и все, начну пукать прямо здесь!» Какая, однако, глупость лезет в голову! Это у меня, очевидно, реакция на стресс. И есть с чего загрузиться по полной программе: не угадал бы правильный ответ — все, Конец света наступил бы без всяких там антимоний. Раз, и всем выключили свет! Чего там разбираться?

Глаза Даниила округлились от изумления. Видно, круговерть, творящаяся в моей голове, его немало забавляла. Он наклонился ко мне и заговорщически прошептал:

— А твои бесы повеселее моих будут. — И уже вслух произнес: — Ну что же, за работу, друзья! — Произнес по-русски, легко грассируя. Затем, хитро, как-то не по чину, подмигнув, добавил:

— Отправляйтесь по домам! Я буду с вами, не оставлю вас во служении, но народы ждут своих поводырей. Приведите их к свету! А я тем временем прослежу, чтобы «святый город Иерусалим был приготовлен, как невеста, украшенная для мужа своего».

ГЛАВА 4

Сказано — сделано. Нам, апостолам, не ослушание, а послушание к лицу, так что пару часов спустя я уже сидел в самолете, летящем в Москву. От пережитых волнений я сразу же заснул, но меня мягко потрепали по плечу: — Почти прилетели!

Я открыл глаза. Стюардесса, разбудившая меня, смущенно улыбнулась:

— Извините, Владимир Рудольфович, вы так сладко спали, но уже пора пристегнуться.

Дожил — мало того, что сплю, как студент после первой сессии, так уже и по имени-отчеству обращаются. Непривычно, да и не по-апостольски. Кстати, вот вам и еще одно смыкание профессий — в журналистике отчества тоже не очень приняты. А может, все гораздо проще — возраст? Ведь уже не мальчик.

Кстати, о возрасте. Даниил моложе меня, а я моложе Билла. Что бы ни говорили, но возраст имеет значение. Довольно тяжело принимать старшинство людей, которые младше тебя. Должно быть, поэтому в ленинском окружении не было даже его ровесников. Отсюда и кличка «старик» — на десять лет всех старше. Понятно, что если в начальниках у тебя сам Творец, то его старшинство сомнения не вызывает, но вот тогда, в начале эпохи — когда ученики еще и не ведали, кто им проповедует, — как складывались их отношения друг с другом и с Иисусом?

Весь Рим и Ватикан украшены изображениями Петра и Павла, где Петр — седовласый старец с ключами, а Павел — со смешным плевочком волос и существенно моложе Петра. Конечно, разница в возрасте у них была немалая. Но вот был ли Петр самым старшим по возрасту из учеников? А кто был старше по годам — Иисус или Петр? Судя по иконам — Петр. А может, это ощущение связано с раскаянием, исказившим черты его лица после осознания, что сбылось реченное Иисусом и трижды отрекся Симон от учителя? Ответа нет. Как нет ответов и на многое другое, относящееся к жизни апостолов.

А сейчас мне было бы очень полезно их почитать. Все-таки каноническими деяниями апостолов сыт не будешь. Уж больно все

схематично. Сплошные переходы да проповедования. Попытки убедить жестоковыйных в том, что Христос и есть Спаситель. У нас с Биллом таких проблем нет. Как-никак, Даниил все время рядом, да и время другое. Бедный Павел за время своего служения настрадался безмерно. То побьют, то в темницу заточат, а в конце концов и вовсе главу усекли. Проявили, значит, милость, как к римскому гражданину. Петру так не повезло — распят был вверх ногами, по его же просьбе. Горек апостольский хлеб! Слезами и потом полит. Кроме Иоанна, никто не смог избежать мученической смерти.

Любопытные мысли, но приходят как всегда не вовремя. Пора выгружать мое драгоценное тело из самолета и отправляться на встречу с Президентом Российской Федерации. Ой, что это я сидя? Может, надо вскочить, выпятить грудь и с придыханием в голосе произнести — Владимир Владимирович Путин? И чтобы легкая слезинка дрожала в уголке глаза и нижняя губа чуть подрагивала. От обожания. Чай не где-нибудь, в Расее-матушке. Страна самодержавная — как правителя ни величай, для народа он все одно царь-батюшка. А уж умники всякие сами придумают, какая форма правления в стране, и не устанут кричать на всех углах: «Демократия!» А как устанут, да жизнь разладится, — все раскритикуют и тиранией назовут.

А ответ ведь прост — все зависит от характера царя. Ежели из интеллигентов, с заходами, да по заграницам поездил и вернулся с этаким флером свобод — то, значит, в стране демократия. Ну, а уж коли готов сапогом в морду заехать, да бороду все норовит на кулак намотать — то тогда тирания. А присмотреться — все одно монархия. Была, есть и будет! Во веки веков, аминь. Насчет веков это я смешно пошутил — веков-то как раз и не осталось. Были, да все вышли.

А вообще Путин — человек интересный. Он мне понравился с первой встречи. Ему не надо было объяснять ни про Даниила, ни про Конец света — серьезно отнесся, подготовился. Одно удовольствие с такими гражданами работать! Да и участие проявляет тактичное: в душу не лезет, держит дистанцию, а значит, играет со мной по-крупному — опасается подсечь рыбу раньше времени. Видно, не до конца я крючок заглотил — надо меня еще поводить. Звоночек с предупреждением о

взрыве забавный был, надо еще посмотреть, откуда Президент узнал о покушении. Да и, по-моему, его удивление, что я уже не в гостинице, было несколько наигранным.

Наверняка у него был выбор — есть информация о взрыве и возможность предупредить нас о грядущей опасности. Предупреждение, несомненно, могло принести Путину зачетные баллы. С другой стороны, мы и сами с усами — Даниил заблаговременно предупредил нас об опасности. Выбирались мы из гостиницы с помпой, так что вся агентурная сеть гудела, как улей, и не доложить в Москву они просто не могли. И вот тут Президент играет очень тонко. Своим звонком он убивает двух, а может быть, и больше зайцев, да не простых, а энерджайзеров, которые сами по десятку зайцев до инфаркта доводят. Во-первых, он показывает, что все держит под контролем, а во-вторых, что за нами якобы не следит, именно поэтому и не знал, что мы уже вне отеля. Тонко, но не прокатило. Сейчас выясним, к чему все эти чекистские разводки.

Пока я жил своей глубокой внутренней жизнью, вокруг происходили события. Трап, улыбка проводницы, зачем-то ковровая дорожка. Как только я вынырнул из овала дверного проема, привычно нагнувшись, — маленькая лесть своему росту, впрочем, довольно бесполезная, — меня оглушили звуки родного гимна, который грянул сверкающий аксельбантами военный оркестр. Я чуть не подпрыгнул от неожиданности и даже несколько растерялся. А делать-то что? Насколько я помню, под звуки гимна надо гордо стоять, а не с трапа спускаться. Непорядочек — не вовремя заиграли. Видимо, эта мысль пришла в голову не мне одному. От аккуратного каре встречающих отделилась суетливая фигура и бросилась к оркестру. Гимн заметно сократили, и через минуту я смог наконец сойти с трапа. Внизу меня уже ждали: очень вдумчивый человек в рясе и с печальным лицом, ряд граждан с ответственно одутловатыми мордочками, какие-то военные, пытающиеся внять животы, и представитель администрации, которого все присутствующие боялись значительно больше, чем меня. Именно он и направился ко мне.

— Здравствуйте, Владимир, — поздоровался представитель

администрации, — меня зовут Алексей Громов. Я пресс-секретарь президента.

— Добрый день! — ответил я и подумал, что невысоко же меня ценят. Или это такая административная шутка: мол, вы, Владимир, может, и апостол, но это в вашей небесной канцелярии, а на родине вы так журналистом и числитесь. То есть по Сеньке и шапка.

— Извините, у нас долго решали, кто поедет вас встречать, — будто угадав мои мысли, сказал Громов. — Согласитесь, времени вы нам оставили в обрез. Президент работает в Ново-Огарево, я был с ним, и он попросил меня вас встретить и сопроводить к нему. У нас не все благополучно, так что ваши знакомые — господа Волошин с Сурковым, не в Москве, а Патриарха я решил не беспокоить. Да и, согласитесь, ритуал встречи с…

Алексей замялся, подыскивая нужное слово. Его еще довольно молодое, но уже избыточно морщинистое лицо выражало напряженную работу, причем было видно, как отметались непригодные варианты. Некоторые были довольно забавны и вызывали у меня внутреннюю улыбку, но дипломатически приемлемый все никак не подворачивался. Мне не нравилось то, что я видел. Я понимал, что меньше всего на свете Громову хочется находиться здесь и сейчас. И если я не был в восторге от приема, то Алексей Алексеевич просто считал все происходящее фарсом, а меня мошенником. Видимо, наша телетрансляция ни в чем его не убедила, а может, и мой предыдущий образ настолько отпечатался в сознании кремлевского чиновника, что для апостольской ипостаси уже не нашлось места. Молчание затягивалось, и Алексей нашел блестящий выход из положения. Прекратив перебирать слова, он взглянул мне в глаза и завершил фразу:

— …с ВАМИ еще не прописан.

Молодец! Вот что значит школа — вроде и не обидел, а дал понять. И это — «ВАМИ»! Сказал, как вытошнил. За пакетиком, что ли, сбегать.

— Дорогой Алексей Алексеевич, — ответил я, — спасибо вам за прием, но это лишнее. Я не являюсь официальным лицом и прилетел

исключительно для того, чтобы передать господину Президенту слова личной благодарности от Даниила. К чему такая помпезная встреча?

— Да это все московские власти. — В тоне Громова проскочило раздражение. — Когда ваш борт запросил коридор на Москву, все засуетились, ну эти и прислали какой-то левый оркестр с безмозглым придурком во главе. Жестко вы их, — усмехнулся я, не став уточнять, кого имел в виду. — Ну что же, не будем терять время. Самолет все-таки не мой, а Билла Гейтса — я столько не наработал. Куда поедем?

— В Ново-Огарево, — коротко отрапортовал Громов.

Ново-Огарево. Не ищите этого названия на карте Подмосковья. Сколько шпионов лично заглядывали в каждый указатель населенных пунктов по Рублево-Успенскому шоссе, так никакого Ново-Огарево и не нашли. Химеры прошлого, конспирация превыше всего. Ну так вот, названия-то нет, а вот объект такой есть. И именно к нему и приближался на сумасшедшей скорости президентский кортеж, в одной из машин которого был я.

Я, похоже, начинаю к этому привыкать. Если придется апостольствовать в Москве, то надо будет мигалочку попросить и номерок красивый, скажем — «Б 001 ОГ 77» Круто, и всем сразу будет ясно — не хухры-мухры едет. Дорогу для меня начнут перекрывать, прямо как сейчас. Офис выдадут, охрану, полное государственное довольствие — прелесть, а не работа! Уверен, что отбоя от предложений вести «Апостольский час» на федеральных каналах не будет. А то, что паства живет совсем иной жизнью и это именно от нее, под предлогом колоссальной нехватки времени, отгородился чиновный люд спецномерами, мигалками да охранами, так это еще в Писании сказано: «Богу — Богово, а кесарю — кесарево». Хочется добавить пару добрых слов и про апостолов.

Мы свернули у какого-то поста ГАИ и метров через пятьсот боковой дороги подъехали к мощному блокпосту. Меня сразу удивило, что резиденция президента соседствовала с какими-то безвкусными домами новых русских. Я удивленно и выразительно посмотрел на своего сопровождающего. Видимо, я был неоригинален, и Алексей догадался,

что вызвало мое удивление.

— Горькое наследие прихватизации! — объяснил он. — Здесь раньше была вертолетная площадка, но потом кто-то подсуетился. Сейчас, конечно, мы оспариваем законность этой сделки, но суды дело небыстрое, да и не всегда их удается выиграть. Как-никак, люди борются за свои вложения, и им есть чем бороться, но мы все равно их додавим.

— Зачем давить? — удивился я. — Почему просто не выкупить?

— Не принято! — развел руками Громов. — Или, скажем так, ну, не нравится нам этот гражданин, так зачем выкупать, если он это своровал?

— Э-э, дорогой Алексей Алексеевич, — покачал я головой. — Вы бы поаккуратней, а то ведь так никого на свободе из своих знакомых не оставите. У нас ведь в России как бывает: кто у власти последние лет пятнадцать гулял по стране, как по буфету, тому потом мало не покажется.

Господин Громов устало замолчал, видно, ему было физически тяжело находиться рядом со мной. Ну не нравлюсь я ему! А помочь ничем не могу, на Россию я такой один. Однако его муки вскоре прекратились. Мы остановились у последнего пропускного пункта, возле которого, как гигантский фрегат на волнах, стоял автобус «Неоплан», ожидая разрешения на выезд. В его окнах были видны знакомые лица, оживленно обсуждавшие завершившуюся встречу с Президентом.

Алексей Алексеевич вышел и что-то сказал охране, после чего сделал знак моему водителю двигаться дальше и направился к автобусу. Я посмотрел в окно. Президентские угодья оказались довольно большим участком, обезображенным типично советскими постройками. От одного взгляда на эти унылые малоэтажные строения, предназначенные для партийной элиты, становилось неловко за Родину, куда не ступала нога архитектурных гениев. «Мерседес» остановился у крыльца, и вышедший охранник открыл мою дверцу:

— Добро пожаловать! Президент вас уже ждет.

ГЛАВА 5

Вот все меня сегодня раздражает! От неуверенности, что ли? Даже этот здоровый парень, открывший дверь, жутко меня злит. Ведь ясно, что он терпеть меня не может, а туда же: «Добро пожаловать!» Тоже мне, воплощенная вежливость…

Да уж, неудачное начало визита. Настроение у меня препаршивое, да и с чего я, собственно, решил, что это краткосрочная командировка? Даниил ничего подобного не говорил — просто послал на родину наводить порядок, и все. Ни тебе командировочных, ни инструкций. Вот чего я к Президенту полез, а? Сам ведь позвонил из аэропорта по хитрому номерочку: «Владимир Владимирович, повидаться бы! Я тут на родину собрался, вечером буду». Тьфу. Настроение у меня окончательно испортилось. Ну ничего — главное, ни на кого не сорваться. А впрочем, если верить Писанию, у апостолов характер обычно совсем не ангельский — парни мы резкие и жесткие. А как иначе народу объяснишь, что к чему? Надеюсь, что президент не заставит себя долго ждать, а то ведь он у нас любитель опаздывать.

— Владимир, привет!

— Здравствуйте, Владимир Владимирович!

Не опоздал! Ждал в предбаннике, что на него совсем не похоже. Отобрал у меня последний шанс осерчать, хлопнуть дверью и убраться восвояси.

— Вы ведь с дороги, может, пообедаем и заодно поговорим? — проявил участие Путин.

— Хорошо, — ответил я.

Президент вел себя так, будто мы расстались всего пару часов назад, и не было Лондона, его звонка в Иерусалим и маленькой, но победоносной войны с Ираном. Как всегда, строго одет, хотя галстук слишком темный, на грани допустимого. Дорогой костюм сидит не ахти. Видимо, дает о себе знать спортивная травма молодости — спина у Президента болит, и Путин частенько ежится в пиджаке в поисках удобного положения. Само собой, пиджак за такими перемещениями не успевает и начинает жить по своему графику, не совпадающему с расписанием хозяйского торса. Часы на правой руке правильные — скромный «Брегет» на резиновом ремешке, никакого жлобства новорусских. Интересно, а почему он часы так странно носит? Вряд ли следом за Полом Маккартни, да и не похож Путин на левшу.

Мы прошли через комнату ожидания на первом этаже, которую украшал огромный бильярдный стол. Судя по сукну, играли на нем довольно часто, но не Путин — проходя мимо, Президент даже не посмотрел в эту сторону, так что не его это увлечение. Лестница, второй этаж, тяжелая двухстворчатая дверь. Путин по-хозяйски распахнул ее, и мы вошли в большой светлый зал, посреди которого стоял гигантский стол, накрытый на две персоны. По замыслу неизвестного метрдотеля, обедая, мы должны были смотреть друг на друга с расстояния метров в шесть.

— Будем кричать, или раздадут мегафоны? — поинтересовался я.

Путин улыбнулся и тяжело вздохнул:

— У них на все инструкции. Своей головой думать не приучены, беда!

Он взял тарелку и направился ко мне. Моментально появились официанты с лицами прапорщиков, подхватили стул, приборы, бокалы и через мгновение засервировали место для президента рядом со мной.

— За приезд выпьем? — нервно спросил меня Путин.

— С удовольствием, Владимир Владимирович! А что вы так

волнуетесь?

— Заметно? Не уверен, скорее я сосредоточен. — Путин поднял брови, морща лоб. Поискал меня прицелом бледно-голубых глаз, оценил обстановку, должно быть, внося поправку на ветер, и продолжил:

— Посудите сами: в результате вашего появления на меня оказалась возложена гораздо более тяжелая задача, чем любая, когда-либо выпадавшая на долю российских правителей. История не дает мне вразумительных подсказок.

— Соглашусь, — кивнул я. — Не хотелось бы участвовать в инсценировке «Русь — второй Иерусалим», да и роль Понтия Пилата для вас мелковата — он не был государем.

— Вот-вот! Это уж скорее к Лужкову! — Президент натянуто улыбнулся. — Шучу! Мягко, но тема все равно есть. Можно, конечно, сидеть и сопли жевать, ожидая, что скоро все кончится, но что-то мне подсказывает, что по крайней мере три с половиной года у нас есть. Не так ли?

Я почувствовал, как медленно наливаюсь гневом — во мне напористо зрел черный смерч и яростно искал выхода. Я так и знал! С самого начала, с первого момента после прилета в Россию меня не покидало предчувствие большого скандала. Уж больно все гладко складывается: и все сразу выстроились во фрунт, и честь спешат отдать, и все без сучка и задоринки. Готовились? Ждали? Считали, но просчитались, сукины дети! С кем играться вздумали?

Ненависть распирала меня изнутри, и больше не было сил сдерживать ее. Молниеносным движением я вскочил из-за стола. Мой стул, отреагировав на такой пассаж, отлетел к стене и разбился вдребезги. Мои руки, еще секунду назад державшие приборы, взлетели вверх, и на потолке оказались вошедшие в плоть лепнины вилка и нож. Гнев клубился во мне, вырываясь наружу темно-багровыми языками пламени. Огонь образовывал хаотично бурлящий поток, ниспадающий с моего тела и покрывающий пол дышащей пурпурной пеленой. От неожиданности Президент отпрянул и чуть не свалился со стула. Я, еле

сдерживая громовые раскаты в голосе, спросил его:

— И ты звал меня сюда, чтобы раба Спасителя назвать слугой Антихриста? Слепец, не отличающий белого от черного! Я терпел все твои намеки, надеясь, что вера укрепит твой разум, но все тщетно!

Путин враз постарел. Его лицо напряглось, скулы заострились, но он не потерял присутствия духа. С отчаянием идущего на смерть он спросил меня:

— А почему ты решил, что я должен принять Даниила за Христа? Я, конечно, не в религиозной семье вырос, но традиций христианских в России достаточно, да и святых у нас было немало. Многие описывали конец времен. И не случайно большинство людей компетентных считают, что Даниил и есть Антихрист. И кстати, по большому счету, это и есть один из признаков близкого прихода Спасителя!

Гнев покинул меня так же внезапно, как и появился. Темное пламя испарилось, не причинив вреда паркету, но столовые приборы так и остались торчать в потолке. Я огляделся в поисках замены уничтоженному стулу, но потом, решив, что аппетит все равно уже испорчен, промолвил:

— Пошли отсюда! Хватит, трапеза сорвалась.

Лучше погуляем по территории. Наверняка там тоже все пишется, так что покажешь своим консультантам позже. Кто там у тебя главный эксперт по нам — уж точно не Патриарх, небось Еноха поднанял?

Мои слова попали в точку. Президент не смог скрыть своего удивления, и я не дал ему и рта раскрыть:

— Меня не интересует, как он на тебя вышел! Думаю, ты его сам нашел. Человек он грамотный и в Лондоне засветился, так что я был уверен, что испариться из госпиталя ему помогут. Теперь я знаю, кто это сделал. Что, в молодости не наигрался в шпионов? Уважаю, ход правильный. Играть нужно всегда на несколько вариантов. Вот только один вопрос: ведь палестинские террористы не твоих рук дело, зачем

звонил? Не отвечай! После привлечения Еноха понятно — чтобы мы сгоряча не решили, что взрыв ты заказал.

— Я не мог быть уверенным, что Даниил не знает о Енохе.

— М-да, дорогой товарищ! А вы непростой фрукт, очень даже непростой.

Растворившись на глазах у изумленной челяди, мы покинули особняк и уже прогуливались по на редкость уродливому участку. Путин шел рядом и не смотрел мне в глаза — держал паузу. Но потом, тяжело вздохнув, ответил:

— Я же с этого начал! Ответственность у меня гигантская, а подходящих наработок нет. Я не вправе рисковать жизнями миллионов моих сограждан, Владимир! Подумайте — сто сорок семь миллионов человек! И среди них есть люди близкие вам лично: ваши родители, дети… Эльга.

Молодец, товарищ Президент! Вот это тонко! Продемонстрировал высокий класс! Домашнее задание выполнено на отлично! Как легко и грациозно он упомянул Эльгу, будто мы с ним всю жизнь на одной лестничной клетке жили! Но должен вас огорчить, дорогой мой ответственный друг, мы тоже не вчера родились. На грудь с расспросами не кинусь и не зарыдаю в раскаянии. Но, если вам угодно мериться возможностями, то как вам такой поворот?…

Для всех камер, снимавших нас, и всех глаз, устремленных на Президента, мы просто исчезли. Не растворились, как улыбка Чеширского кота, не провалились в сумрак и не накинули волшебный плащ Гарри Поттера. Просто только что господин Президент были здесь, на лужайке Ново-Огарево, и правой ножкой изволили о земельку опираться, а левую вперед вынесли — шажочек делали. И уже практически его заканчивали, ботиночек аж травку приминать начал, а приземлились на паркет, и совсем в другом месте. В прихожей той самой Эльги, о которой господин Президент так заботился.

— Ляля, это мы с Владимиром Владимировичем пришли. Чайку

нальешь? — громко сказал я и сжал губы. Ой, не так, не так я планировал нашу встречу после разлуки! Думал… Да вру я все — ничего я не думал! Вспоминал, конечно, но запрещал себе думать о моей маленькой девочке. Апостол не может быть сентиментальным. Вот только, как увидел ее вновь, сразу растворился в ее глазах. Об остальном умолчу, вдруг дети услышат.

Эльга вышла из комнаты — на лице у нее была написана нешуточная растерянность. Она сделала два шага в нашем направлении и стала медленно оседать на пол. Я бросился вперед и успел подхватить ее. Прижал к себе и поцеловал. Если бы рядом не было президента, то на этом я бы не остановился. Как только я почувствовал ее тело, внутри меня началась такая круговерть, что светлый образ царя Соломона стал мне близок и по-человечески понятен. К счастью, моя «царица Савская» со мной одной веры.

— Прости, солнышко, что так явился — Президента воспитываю! Эльга моментально пришла в себя, поднялась и выпрямила спинку. Как она все-таки хороша — грация, порода! Посмотрела на нас и сказала:

— Проходите! Чай, кофе?

— Спасибо, все хорошо, — ответил Путин.

— Я вижу, вам надо поговорить, — сказала Эльга. — Так что я вас, пожалуй, оставлю. Проходите в гостиную. Я буду в другой комнате, так что, если вам что-то понадобится, зовите!

— Мы не будем тебя смущать, — сказал я. — Вечером увидимся. А сейчас мы отправимся дальше.

В этот раз я не дал Президенту сделать шаг, просто декорации изменились. Только что была замечательная московская квартира, выделенная личным указанием Президента из его фонда на нужды государственной важности, а вот теперь мы уже совсем в другом городе — на родине Путина, в Питере. И стоим в маленькой комнатке Зимнего дворца, в которой с замиранием сердца прислушивались к тяжелой поступи революционных матросиков члены Временного правительства

в ночь Октябрьского переворота.

— Здесь у вас камеры не стоят, — начал я, — так что мы сможем поговорить спокойно. Хотя вывести всю вашу аппаратуру из строя несложно.

Путин устало опустился на подвернувшийся ему стул.

— Итак, Владимир Владимирович, демонстрация моих возможностей не ставит своей задачей убедить вас в том, что Даниил и есть Спаситель, ибо в Писании сказано, что будут творить чудеса и называющиеся именем Его. Енох наверняка вас на эту тему просветил. Просто я хочу, чтобы вы меня поняли, а для этого иногда надо встряхнуться и начать воспринимать жизнь с позиции не умудренного опытом правителя, а наивного ребенка, сердце которого живет предвкушением приключений. Но сначала покончим с формальностями. За квартиру для Эльги спасибо. Понимаю, как нелегко было договориться с московскими властями и получить не каменный мешок, незаслуженно именуемый ими квартирой, а такое чудо современного дизайна. Эльгу сами убеждали или Суркова заслали?

— Владислав Юрьевич сам занимался этим вопросом, как, впрочем, и решением бытовых вопросов всех ваших родственников.

Должно быть, в этот момент меня должны были замучить укоры совести, так как ни о маме, ни о детях я не вспоминал уже давно, а значит, и денег не давал. Одним словом, апостол, твою мать! Хорошо хоть мир не без умных людей — Путин моей семье помог. Молодец, уже я ему должен.

Мудро.

— Святой водой окропляли? — Я строго посмотрел на Президента.

— А не надо было?

— Шутка! Собой освящу жилище. Вся эта чушь с квартирами и помощью очень мила, но не играет никакой роли. Я уже давно не

сентиментален. Поймите, служение жестоко и выжигает из сердца многие былые привязанности. Да и сам Спаситель учит: «…кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот мне брат, и сестра, и матерь». Видите, Владимир Владимирович, у вас есть шанс — можем стать братьями!

— Ну-с, вербуете?

— Можно и так сформулировать. Вы ведь и сами практически готовы. Только вот никак для себя уяснить не можете, кому придется служить. Вот об этом давайте и порассуждаем! Когда у себя в Ново-Огарево (и название-то какое мерзкое — прям Старопогорелово!) вы заговорили о трех с половиной годах, то, очевидно, цитировали довольно известное высказывание апостола первого призыва — Иоанна. Того самого, который написал не только Евангелие, но и Апокалипсис, на основании которого ваши консультанты и делают свои умозаключения. Так вот, сам Иоанн прожил на земле долго и счастливо и единственный из ближнего круга Христа избежал насильственной смерти.

Опять я о смерти. Ну да ладно.

— Кстати, у меня с ним много общего — дурной характер. Не случайно его с братом, тоже апостолом — семейственность процветала и тогда, — прозывали «Воанергес», что значит «сыны Громовы». Гневались ребята частенько. Мальчики хотели особых привилегий в Царствии Господнем в связи с тем, что приходились Спасителю родственниками. Их матушка была сестрой Иосифа, мужа Марии. И, как вы, должно быть, помните, братья потребовали у Христа сидеть по правую и левую руку его, когда он будет в славе своей. Но Иисус сказал им: «Не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую я пью, и крещением, которым я крещусь, будете креститься?» Они отвечали: «Можем». Далее им Христос объяснил, что, где кому сидеть, зависит от Всевышнего, но весь разговор показателен, так как десять остальных учеников сильно разгневались. Именно поэтому ни в «Деяниях апостолов», ни в «Посланиях» вы не найдете упоминаний о добрых отношениях Иоанна ни с Петром, ни с Павлом. Позволю себе крамольную мысль: если бы Иоанн их всех не пережил, отношение к нему в христианском мире могло быть не столь уж и положительным.

Кстати, в своем Евангелии Иоанн о размолвке с десятью апостолами тактично умолчал.

Путин внимательно слушал, не пытаясь вставить свое веское слово. Я продолжил разъяснительную деятельность:

— Все-таки одно удовольствие описывать давно прошедшие события, когда ты остался единственным живым их свидетелем. Никаких шансов на творческую дискуссию с теми, кто не в большом восторге от твоих человеческих качеств, и теми, кто тоже там был. Представляете, если по прошествии двух тысячелетий редакторской работы, проделанной поколениями церковных служителей, в тексте Нового Завета до сих пор читаются отголоски напряженных отношений между апостолами, то какие же страсти бурлили на самом деле?

Я театрально развел руками:

— Простите великодушно, отступление от темы! Уж больно забавны исторические параллели, например, с переосмыслением роли товарища Сталина в Великой Октябрьской социалистической революции по мере выбывания из списков живущих ее непосредственных свидетелей. Ну так вот, все эти рассуждения Иоанна о сроках довольно условны. Притом исходят они от источника, как мы с вами видим, с не самой безупречной репутацией. Ваш главный консультант Енох, пророк во всех отношениях образцово-показательный, об этом знает. При этом сам он никаких иллюзий насчет Иоанна не питает!

— Я заметил, — качнул головой Путин. — В результате наших бесед у меня сложилось стойкое убеждение, что старик довольно резок в суждениях и апостолов искренне недолюбливает. Хотя к вам все же испытывает некоторую симпатию.

— Я всегда щедро платил ему за проезд! — улыбнулся я. — Или он вам не рассказывал историю нашего знакомства?

— Рассказывал, но о финансовой стороне дела умолчал.

— Енох! Его надо принимать таким, каков он есть. Пророк, одним

словом, да еще и не просто из ветхозаветных, а из допотопных. Я имею в виду, до Великого потопа. Считай — чудо-богатырь. В его время апостолов не было, да и есть также некоторый личный момент. Как Енох, так и Илия были призваны Всевышним, минуя физическую смерть. Апокрифы христианские утверждают, что Иоанн тоже не умирал, а, почувствовав приближение конца, попросил закопать его в землю, и наутро там уже бил источник ключевой воды. Эта история, судя по всему, не очень пришлась по душе Еноху. Похоже, пророки считают себя белой костью и к апостолам относятся, как старослужащие к новобранцам.

— Понимаю, — кивнул Путин.

— Не вполне, — возразил я. — Думаю, что вы слышите, но вот на понимание я бы не рассчитывал. Я не пытаюсь быть дерзким, просто считаю нужным удержать вас от скоропалительных выводов. Итак, для Еноха все эти откровения Иоанна — не более чем набор комиксов. Знаете ли, как наши сериалы про войну, имеющие к реальным событиям очень приблизительное отношение.

— Но ведь идеи Конца света обсуждаются и в Ветхом Завете?

— Абсолютно точно, но не самыми важными его персонажами. Видите ли, «ужастики» в литературе всегда считались низким жанром, и Писание не является исключением из этого правила. Читателю, конечно, нравится, когда его пугают, но вот как быть с подтверждением правдивости описанного? Ведь вся эта манера путано выражаться не близка Библии. Таких заморочек, как в Апокалипсисе от Иоанна, вы больше нигде не найдете. Посудите сами — Христос прямолинеен и точен, а если слушатели, что называется, «не догоняют», он переходит к притчам — то есть упрощает, чтобы все поняли его мысль. Моисей, как известно, вообще оратор был никудышный, так что обходился четкими и понятными командами.

В глазах у Путина проблеснул вопрос, но я не дал ему открыть рот:

— Вот только не надо мне сейчас говорить про Каббалу, а то умных слов от сенаторов наслушались, а о чем они, спросить забыли. Модно

сейчас быть каббалистом, примерно как раньше филателистом. Все читали, слушали, на лекции ходили, книжек накупили, ниточек понавязали, ничего не поняли и отправились на поиски следующего модного увлечения. Каббала — мистическая часть иудаизма и к нам не имеет никакого отношения. Забудьте — у Христа и апостолов об этом нет ни слова! Путин, кажется, остался доволен моим ответом, но его явно волновала тема Апокалипсиса. По заинтересованному выражению его лица я понял, что он решил весь сегодняшний вечер посвятить расширению своего кругозора. Ну что же, раз из общества «Знание» прислали меня, то продолжим занятия для Президентов. Апостольский курс продолжается.

— Иоанн для Еноха не является авторитетом, скорее не очень здоровым во всех смыслах этого слова персонажем. Все эти видения, которые описывает евангелист, случались у него в моменты пограничных состояний, которые по симптомам крайне близки к эпилептическим припадкам. Обращу ваше внимание и на тот факт, что, прожив долгую жизнь, Иоанн все время был несколько в стороне от мученичества, хотя свою толику, конечно, тоже получил — ив кипящем масле поварился, и яду испил вдоволь. Римляне, конечно, туповаты: ну если яды не берут евангелиста, так чего все время продолжать его ими пичкать? Поделом империя рухнула.

— Владимир, — покачал головой Президент, — я смотрю, не только Енох апостолов недолюбливает.

— Что за намеки, я им завидую! Они мне как братья старшие! Иоанн так вообще молодец: написал про пришествие Антихриста, а я теперь объясняй, что это он не про Даниила. А ведь он просто сводил сугубо личные счеты с современниками. Да что вы так привязались к этой работе? Ведь в ней сплошные аллегории. Кто что хочет, тот то и видит! Любое буквальное толкование комично. Столетний старик с плохим характером, больной, уставший и погрязший в вечных спорах, понаписал всякого, и вот давай, все кому не лень, читай да анализируй. Уж кто только Антихристом ни был — начиная с Нерона и заканчивая Бушем. Пора бы за ум взяться.

— Так каков ваш ответ?

— Дорогой господин Президент, как вы думаете, зачем мы с вами находимся в этой трогательной маленькой комнатке?

— У меня нет вариантов.

— А напрасно! Я ведь не из города на Неве, не всякий в этом публично признается, но такие еще есть. А вот городок преинтересный. Давайте проанализируем все случившиеся с Россией в XX веке с позиции текста Иоанна. Заметьте, у нас есть еще и факторы наследные. Город трех революций, построенный на костях, костями всю Россию и завалил. Чем вам Ленин не лжепророк, а Сталин не Антихрист? Ведь все признаки совпадают: и своя вера, и признание евреев, пошедших в услужение, даже церковь, и та смирилась? И десять рогов были — республики, их там даже потом поболе насчитали! И война с войсками Гога и Магога (это то ли мы сами, то ли фашисты), и печать дьявола тут как тут — паспорта советские. Да, правил Сталин немало. Не три с половиной года, а тридцать — так кто считает? Чем не враг человеческий? И сидели в этой комнатке, где мы сейчас находимся, образованные люди, члены Временного правительства, и не понимали, что утекают последние секунды эпохи и с грохотом матросских сапог приходит царствие Сатаны. Ну, а чем Ленин не антипророк? А может, он и был Антихристом? Он-то реально правил как раз года три с половиной, а потом все больше в кресле-каталке с отвисшим лицом страдал. Вот уж настоящая махина была — не человек! За всю историю России второго такого не было. Сколько веков правили монархи, и была Русь православной. Конечно, изредка случались дворцовые перевороты или появлялись лжедмитрии, но чтобы вот так, не таясь, одному голодранцу всю Россию забрать — такого не было никогда. Куда там Разину, Пугачеву да Болотину — этот смог! И ведь как все тонко сделал, совратил Россию! Нашел червоточинку в характерах людских и на этом целую идеологию построил. Не случайно и помощников себе набрал с изъяном: смотришь сейчас на их портреты, и оторопь берет, уж больно ликами страшны! Да и какие темные страсти их обуревали! И всем этим командовал он один — уверенный, сильный и страшный. Жизнь других для него ничто, песок сквозь пальцы. И вот ведь что интересно — страну подмял без всяких там новомодных приколов. Ни тебе радио, ни телевидения, ни одного пиарщика, а все состоялось! Россией правили

невидимки. Не случайно ведь, когда бандит Ленька Пантелеев Ленина из «Роллс-Ройса» выгружал, не признал в нем вождя мирового пролетариата. Да и сам пролетариат — чем не войско Антихриста? Вот уж кровушки пролили так пролили! Куда там Нерону с его светильниками из христиан! Чекисты бы могли поделиться с ним настоящими секретами пыток, да боюсь, у Нерона нервишки бы не выдержали. А как они с попами разобрались, а что с церквями поначудили?… Уверенный был гражданин Ленин пассажир, крутой! В наше время быть ему Чубайсом — тоже верит только в себя и людей не замечает. Ну а Сталин? Этот уж точно Антихрист — и шестипалый, и рука ссохшаяся, и семинаристом побывал, а значит, из церкви! Продолжать можно до бесконечности…

— Да, — согласился Президент, — но ведь после них не пришел Спаситель!

— Здрасьте! А Даниил кто, по-вашему?! Он и есть Спаситель, и пришел как раз после всех этих, по дороге отправляя в Ад целый ряд представителей террористических группировок. А вы все продолжаете умничать, пытаясь в нем разглядеть черты Сатаны. Ау-у-у, вот здесь и сейчас прислушайтесь! Слышите — это уходят революционные матросы! Эпоха Сатаны закончилась, круг завершился! Время России идти не своим путем, а предначертанным ей Всевышним. Вот поэтому я здесь, а вы, дружище, вместо того чтобы мне помогать, ведете свои закулисные игры. Нехорошо.

Не уверен, что я убедил президента, зато точно знаю, что примерно такую же беседу предстоит выдержать Биллу с американским коллегой Путина. У него, кстати, нет особой необходимости ссылаться на российский опыт — у них своих чертей хватит. За армию Гога и Магога вполне прокатит Ирак с Ираном, а Антихриста найдет или среди Бен Ладенов, или потормошит своих мерзавцев. Но вывод у него будет таким же: «США как оплот христианства и их лидирующая роль во втором пришествии». Звучит как тема диссертации.

— Хорошо, предположим, что вы правы. Каких действий вы ожидаете от меня? — Путин не потерял самообладания, и было видно, что он уже предвкушает вопросы Еноху, которые задаст сразу после того, как от

него отстану я.

— Если вы переводите разговор в практическую плоскость, то давайте вернемся в вашу резиденцию.

ГЛАВА 6

Мой разбитый стул уже убрали, и на его месте стоял его брат-близнец — такой же неудобный урод. Еды не было — видимо, нас не ждали. Однако как только мы возникли в банкетном зале дома приемов в Ново-Огарево, за дверями послышалось приближение кого-то несущегося со всех лап, и, распахнув уж не знаю чем дверь, в зал вбежала собака Путина. Впервые за весь вечер на лице у Владимира Владимировича появилось выражение искренней симпатии к живому существу. Вслед за собакой показались охранники президента. Они выглядели встревоженно, но, поймав властный взгляд Президента, вопросов задавать не стали и молча ретировались.

— Познакомься, Конни, — это Владимир! — Собака равнодушно скользнула по мне взглядом. — Ну что, запаха серы не чувствуешь?

— Ну у вас и шуточки, господин Президент! Может, еще и в баню вместе сходим, чтобы вы лично смогли убедиться в отсутствии у меня копыт и хвоста, а расспросив вашу «наружку» о поведении Эльги в мое отсутствие, надеюсь, и рогов?

— Все, больше не буду. Олег! — повысил голос Путин. Появился клон предыдущих охранников и увел Лабрадора. — Итак, товарищ Апостол, чем лично я могу вам помочь?

— Хороший вопрос. А поиск ответа мы так и будем вести стоя или все-таки где-нибудь присядем? Только, если можно, не за эту поляну, а то я

на фоне этого гектара белой скатерти чувствую себя маленьким и потерянным человечком!

Путин окинул взглядом стол и ухмыльнулся:

— Не успели разобрать его к вашему приезду. Вы практически на минуту разминулись с вашими бывшими коллегами — журналистами. Я проводил неформальную встречу.

Так вот почему мне показались знакомыми лица людей в автобусе на пропускном пункте!

— Вербовали?

— Зачем? Они и сами рады услужить, да все не знают как…

— Высшая форма цензуры — любовь! — съязвил я.

— Можно и так сказать. Власть любить приятно и выгодно. Конечно, есть еще и оппозиция — это те, кто любит власть бывшую, в надежде, что прежние времена вернутся.

— Уже не вернутся. — Я покачал головой.

— Ну что же, — Путин пожал плечами, — одной проблемой меньше. А собраться надо было, так как не все понимали нашу позицию относительно военной операции в Иране. Пришлось объяснить, а то ведь многие даже не догадывались, что иранские ракеты долетают до городов, расположенных в средней полосе России, так что на самотек процесс пускать было нельзя. И когда эти отморозки решили нанести атомный удар по Израилю, я просто не имел права рисковать, ведь у нас нет никаких гарантий, что следующий удар не пришелся бы по России.

— Классический пример совпадения интересов.

— Да. Ну что же, пройдемте в мой кабинет. Там и продолжим беседу.

Путин на правах хозяина прошел вперед. Я следовал за ним метрах в двух, понимая, что ему — человеку, живущему в постоянном

сопровождении охраны, не очень комфортно ощущать чужое дыхание в затылок. Хотя, с другой стороны, тот факт, что мы с ним примерно одного роста, невольно располагает друг к другу. Хоть шеи при общении не затекают! С его больной спиной это большая радость.

Мы прошли по коридору до кабинета Президента. Распахнув дверь, Путин сделал характерный жест рукой, указывая на зеленый стул, стоящий у журнального столика, а сам присел на такой же, стоящий напротив. Интерьер комнаты был мне знаком по телевизионным репортажам. Именно здесь проходят встречи с членами правительства Кабинет был довольно большой, с камином, тяжелой подставкой под государственный флаг и письменным столом. Однако меня не покидало ощущение казармы — на всем был отпечаток аппаратного прошлого. Вместо Путина здесь легко мог бы находиться и Брежнев, и Андропов, и Черненко — ничего бы не поменялось. Никакого отпечатка личности хозяина. В этом интерьере правит функция — преемственность власти в деле. Личность — ничто, положение — все!

— Я не люблю этот кабинет, — признался Путин, — да и весь этот дом… Но в нем все-таки не так тяжело, как в Москве.

— Соглашусь, — кивнул я. — По ночам привидения не шастают?

— Здесь нет, а вот в Кремле, говорят, бывает.

— Кровушки там пролили немало, нехорошее место. Ну ничего — отмолим.

— Как-то вы особо за молитвой замечены не были. — Путин хитро улыбнулся.

— Ага, значит, все-таки следим по чуть-чуть! Нехорошо. А по поводу вашего замечания — то, как я живу последнее время, и есть молитва. Возвращаясь к вашему вопросу. Итак — чем вы можете помочь?

— Именно так.

— Очевидно, что Царствие Небесное уже не за горами…

— Это то, с чего я начал, — перебил меня Президент, — пока вас не потянуло путешествовать и мебель ломать!

Я пропустил его колкость мимо ушей — не до этого сейчас, а то мы так никогда не дойдем до сути:

— Также очевидно, что мир, если угодно, не готов к подведению финальной черты. Не готов по многим причинам. Не все верят в Бога, и за это с них будет спрошено, но и не все знают о Боге, так что, по всей видимости, предстоит еще какую-то часть населения привести к вере. Но это не мой вопрос. По мне, так можно было уже сегодня все завершить, но у Даниила есть надежда — он считает, что шанс на исправление все-таки есть. Знаете ли, типично христианское обращение к падшим. Вот этот шанс России я и попытаюсь с вашей помощью реализовать.

— Чем могу помочь? Может, точнее было бы обратиться к Патриарху?

— А что мы будем делать с другими гражданами нашей страны? Как быть с мусульманами, иудеями, буддистами, да и просто атеистами? Непорядочек. А смириться с их существованием придется, так и в Евангелии сказано о помощи самаритянам. Поэтому вам не увильнуть — поработать придется!

— Чертовски хочется поработать! — сказал Путин, выражая липом чувства человека, довольно потирающего руки перед колкой отличных сухих дров острейшим топором.

— Господин Президент, ну что вы ерничаете? Вы на Егора Кузьмича совсем не похожи.

— Хорошо, — согласился Путин, — а в каком качестве будем работать?

— В президентском, и не только. Забавно, как много намеков в Новом Завете. Как вы помните, двенадцать апостолов были ближним кругом Христа, но кроме них было немало людей приближенных и очень достойных. Уж никак не меньше ста двадцати, так что ООН в новом свете вполне может учесть христианские рекомендации. При этом, так

как нас с Биллом только двое и уже можно быть уверенными, что это число неизменно, я не исключаю возможности существования некоего мирового правительства из двенадцати избранных, которые также будут осуществлять божественную миссию с помощью уполномоченных граждан.

— Уполномоченных кем?

— Даниилом, кем же еще?! - удивился я. — Продолжаем. Итак, если базироваться на «Деяниях апостолов», то неплохой мне кажется следующая идея для ищущих спасения — продать все свое имущество и вверить его в надежные руки для честного распределения оного среди нуждающихся.

— Звучит как социалистические лозунги, — нахмурился Президент. — Все бы ничего, но есть проблема с исполнителями.

— Согласен — воруют, да и сдавать не захотят. Это вопрос выбора и раскрутки. Кое-кто согласится, а для других все довольно просто — десять заповедей.

— А как же действующие законы, суды, милиция, налоги? Выборы, политические партии, наконец?

— Все таки чувствуется юридическое образование. Выше голову, монсеньор, у России теперь есть я — гарант Второго пришествия. Как-нибудь разберемся. Кстати, есть возможность апелляции по инстанции — Даниил как высший судия. Только давайте обращаться к нему за советом буду я лично, а не всякий, кому заблагорассудится. И вот еще что. Вам бы подготовить обращение к народу — так, пару слов о Конце света. С Енохом советоваться не надо — в его время государств не было, с историей человечества он знаком понаслышке, а Новый Завет вообще не читал. Поэтому вся его доктрина мирового зла совсем не христианская, а скорее иудейская — и звучит она так: «А что тут думать? Перед Мессией придет антимессия!» Так как Енох, помимо его желания, вновь оказался среди живых, значит, последние времена точно пришли. А так как не бичевать он не может, то ему все вокруг видятся врагами. Что происходило в мире за последние сто лет, ему наплевать,

но народ явно мелкий и грешный, только Даниил по уровню личности забивает старика, вот и простой вывод — ату его! Кстати, разрыва контракта с ним я не требую — дело ваше. Может, еще и сгодится — вам ведь надо приводить все религии и конфессии к единому знаменателю — ему и поручите. Заодно и посмеетесь, он-то ни про Магомета, ни про Моисея, ни про Будду, ни про Лютера, ни про Кальвина слыхом не слыхивал.

— Владимир, а каковы ваши личные планы? — неожиданно спросил меня Путин.

— Замечательный вопрос, — хохотнул я, — после которого могу с уверенностью сказать, что журналистская карьера вам не светит! Чувствую, вы не огорчились. Планы? Покинуть вас для начала и встретить утро в объятиях любимой. Ну а с утра начнем разбираться с накопившимися делами. И резиденцию мне искать не надо — я уже выбрал! Кстати, недалеко от вас — дом Пашкова. Засим откланиваюсь. Провожать меня не надо. Как я понимаю, теперь за мной закреплена машина и пара накачанных граждан? Так вот — до дома пусть довезут, а завтра на работу не выходят — своих найду! И номерок у машины смените — «666» уже не в тему, шуточка поднадоела.

— Есть пожелания?

— Проявите сообразительность, господин Президент! Всего хорошего!

Я устал. Мне хотелось прекратить этот тяжелый разговор. Удивительно, насколько никто не желает проявлять инициативу! И ведь даже когда вынуждены хоть что-то делать, ерничают — такая вечная фига в кармане. Мне не хотелось подавать руку Президенту, но я решил, что это выглядело бы оскорбительно. Проявив смирение (Даниил — улыбочка!), я встал из-за стола и, обойдя его, подошел к Путину, который, в свою очередь, сделал несколько шагов мне навстречу. Рукопожатие не для камер светской хроники, так что в фальшивых улыбочках нужды нет. А забавно быть апостолом — мысли читать легко! Все-таки в каждом мужике до старости живет ребенок. В момент рукопожатия Путин думал о том, что мог бы довольно легко бросить меня через спину с колен и перейти на удушение. Я широко ему

улыбнулся и сказал:

— А вот этого делать не надо! У вас и так спина болит. Бросите как-нибудь в другой раз.

Путин еле заметно покраснел и виновато улыбнулся.

ГЛАВА 7

А я раньше и не догадывался, что у меня столько близких знакомых! Оказывается, со мной в школе училось человек пятьсот, и все сидели за моей партой! Да что там — мои институтские «друзья» могут запросто сформировать пару дивизий. Каждый, кто хоть раз включал телевизор во время одной из моих программ или слушал меня по радио, — уже чувствовал себя вправе заявлять о нашем близком знакомстве. Номер моего мобильного продавали чуть ли не во всех привокзальных ларьках, и бойкое народонаселение знало его наизусть сразу после с детства знакомых цифр 01, 02 и 03. Правда, телефоном я не пользуюсь, так что не тратьте ваши деньги. И старых друзей помню сам, без напоминаний. И все школьные годы просидел за одной партой с Сашкой Красавицким, который ныне замечательный ученый-филолог. И если что, я ему сам позвоню.

Великая страна — Россия! Великий град — Москва! Вот только население подкачало — не все, лишь те, кто считает себя элитой, высшим светом и тусой. Весь первый месяц от них в мою сторону делались отчаянные заходы и приглашения на сумасшедшие вечеринки. Меня так ждали! Со мной так мечтали познакомиться! Можно до бесконечности перечислять имена «светских львиц», желавших шаловливо потрепать меня за бока. Дурочки — женщины, рассматривающие свое доработанное докторами тело как общественную собственность, на время сдаваемую в аренду подвернувшимся лохам,

меня никогда не интересовали.

А заискивающие чиновники и политические деятели? А знатоки жизни и доморощенные философы? А милицейские генералы и недобитые олигархи, почему-то именующие себя предпринимателями, хотя по сути они «отниматели»? В течение первых трех месяцев моего пребывания в Москве эти персонажи пытались получить аудиенцию со мной за любые деньги! Но больше всего меня замучили журналисты! Я постоянно чувствовал, как при одном звуке голоса какого-нибудь очередного мэтра, с легкой долей привычного панибратства объясняющего мне все преимущества прихода именно к нему на эфир, к горлу подкатывал приступ тошноты.

С этой стороны город, в котором родился и вырос, я раньше не знал.

В тусовке всегда действовали определенные правила игры — ты помогаешь, значит, тебе должны услугу. Но мне никто и ничем помочь не сможет, а они должны понять, что пришло время, когда связи перестают работать. Некому будет звонить из очереди на Страшный суд даже по телефону «Вирту»! И совсем не важно, достаете вы его из сумочки «Луи Вюттон» наманикюренными коготками в безделушках от Картье или нет. Да, совсем забыл! В Геенне огненной силикон горит так же хорошо, как и ваша родная плоть.

Слава Богу, президент после нашей долгой беседы больше меня не беспокоил. Очевидно, он понимал, что, если мне что-то понадобится, я сам к нему обращусь. Патриарх никаких комментариев относительно моего приезда на родину не давал и, по слухам, пребывал в усердных молитвах, что, бесспорно, было очень мудро с его стороны. А вот широкая общественность совсем потеряла голову. На второй день после моего приезда в квартиру, где я жил с Эльгой, явился фельдкурьер с письмом из Государственной Думы. Слуги народа изъявили желание послушать меня на одном из своих заседаний, для того чтобы, цитирую: «…выработать подходы к законотворческой деятельности в условиях новых политических реалий». Я написал на полях письма «Молитесь и кайтесь!» и вернул посыльному. Тот не смог сдержать улыбку.

Под окнами нашей квартиры, находящейся в особняке в Деевом

переулке, пришлось установить охрану, поскольку все подходы к дому были буквально забиты страждущими. Большинство из них просили жестоко покарать своих соседей, прокуроров, милиционеров, бывших жен и мужей, а также дать им самим побольше денег, чтобы достойно встретить Конец света. Некоторые стремились вызвать меня на дискуссию, чтобы убедительно доказать мне, будто я исчадие ада. Но поскольку время споров уже миновало, я не тратил сил на городских сумасшедших. Да и не только на них.

Мне было важно понаблюдать за реакцией людей и подсказать им верное направление движения.

Идеальным мне виделся срок в сто дней после моего приезда в Россию. Я решил использовать телевизионные возможности, но работать из студии мне показалось неправильным — требовался совсем иной антураж, очень московский и в то же время лишенный традиционной политической окраски. Пожалуй, самым точным местом, на мой взгляд, являлась смотровая площадка на Воробьевых горах. Выступать надо будет в паре с Президентом — сначала он с обращением к народу, а вот потом уже я. Конечно, подготовка к столь грандиозному мероприятию не может быть незаметной, но с другой стороны, любые попытки провокаций мне только на руку. В конце концов, ничто так не поднимает авторитет власти, как публичная казнь!

ГЛАВА 8

И все-таки нельзя мне быть излишне строгим к согражданам. Все же им довольно сложно осознать, что привычная жизнь подходит к концу. И куда сложнее принять в качестве апостола человека, который не так давно был известен совсем в ином качестве. И, скажем прямо, качество было не очень. По крайней мере, точно не библейское — что-то несерьезное и сиюминутное. Вот если бы прилетели инопланетяне,

тогда бы никаких вопросов не возникло! Невольно вспоминаешь строки из Евангелия: «…не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем, и у сродников, и в доме своем».

Больше всего мне поначалу доставалось от коллег-журналистов. Когда стало понятно, что интервью от меня они не дождутся, тон их статей с относительно сдержанного, вызванного ожиданием каких-либо действий с моей стороны, сменился на откровенно глумливый. Проезжались и по мне самому, и по моему прошлому. Дошло даже до попыток откровенного шпионажа Поскольку до меня им было добраться нелегко, основной удар пришелся по родственникам. Мама оказалась, пожалуй, в самом сложном положении. Газетчики и телевизионщики атаковали ее беспрерывно, требуя все новых и новых подробностей моей жизни. Предложения вести программы на радио и телевидении в любом качестве сыпались на ее голову ежечасно.

За три месяца я видел мать только один раз, на следующий день после встречи с Президентом.

Я поехал к маме один, не взяв с собой Эльгу. Даже не знаю почему, должно быть, меня смутил наш телефонный разговор с утра. Я не услышал в ее голосе привычной радости от общения с сыном — договорились, что я подъеду к обеду. Мама не поменяла место жительства, хотя помощь Кремля пришлась кстати и квартиру расширили за счет соседской жилплощади.

Свежий ремонт. Чистый подъезд, охрана.

Не какая-то бабка, вечно читающая газету, а настоящий прапорщик — кровь с молоком. При моем появлении вскочил, вытянулся во весь рост, жрет обожающими глазами. Я поднялся на второй этаж и замер в нерешительности. Что я скажу своей матери? Мы ведь не виделись с начала всей этой эпопеи, и я успел стать совсем другим. Я уже не ее сын, не тот мальчик, которого она знала и любила. Я так не позвонил — мама открыла дверь сама, услышав мои шаги. Она по-прежнему была очень хороша собой: образец еврейской красоты, должно быть, праматерь Сарра была именно такой.

— Здравствуй, сын.

— Привет, мама.

На звуки наших голосов выбежала моя дочь и бросилась мне на шею. Я обнял и поцеловал ее. Потом поцеловал мать. Все это время меня не покидало ощущение иллюзорности происходящего. Я, конечно, дома и со своей семьей, только вот кто этот самый «я»? Тело, бесспорно, похоже, но вот душа принадлежит уже совсем другому человеку.

Мы вошли в дом и обменялись новостями. Странно, но разговоры о моей жизни и рассказы про то, что произошло с мамой и дочерью в мое отсутствие, совершенно не задевали меня. Я их слышал и даже вовремя улыбался или печалился, но все это происходило где-то на границе моего сознания. Внутри я оставался холодным наблюдателем, понимая, что теперь я совершенно чужд этим людям, по странной прихоти Создателя являющимся членами моей семьи. Все как в Писании: «…и те, кто идут за мной, те моя мать и мои братья». Но не только мои кровные родственники далеки от меня, все эти люди, ежедневно оказывающиеся рядом со мной, еще дальше! Они чужды мне. Зачем они все здесь, зачем заискивающе смотрят в глаза в ожидании приговора? Не их общества я жажду. Все эти беседы — мука, утомительное ожидание возможности вернуться наконец в общество, куда более приятное для меня — в компанию Даниила и Билла.

Печально.

Из размышлений над моим изменившимся «я» меня вывел голос дочери. Полька что-то щебетала о своей учебе в институте и о том, как все ее подружки только и говорят обо мне, и как вокруг нее теперь все вьются и заискивают, и что, наверное, она теперь выйдет замуж за своего мальчика, так что в обозримом будущем я могу стать дедом. Когда мама это услышала, она расплакалась. Горько, навзрыд. Поля, не понимая, что вызвало у матери подобную реакцию, тоже захлюпала носом и стала ее утешать.

— Мама, что случилось? — не повышая голоса, пожалуй, даже излишне отчужденно спросил я.

— Сынок, я же все вижу! Мы тебе стали совсем чужие. Ты такой холодный, мы тебе в тягость. Я, конечно, могу понять, что ты страшно устал и ответственность на твоих плечах такая, что никому и не снилась, и что ты теперь не можешь принадлежать никому — ни мне, ни детям, но я даже не знаю, хорошо ли, что я дожила до такого дня. Меня встречают соседи и просят, просят о помощи. Просят, чтобы я тебе рассказала, вдруг услышишь и поможешь. А я не знаю, как им сказать, что мы и не видимся, и не общаемся. Сегодня мне всю ночь снились родители, я была недавно у них на кладбище — там так хорошо, туйки разрослись, все вокруг зелено и чистенько.

— Я давно там не был, надо бы съездить.

— Конечно. — Мама скорее успокаивала меня. Мы оба прекрасно понимали, что вряд ли я найду время для этого. Да и не только в этом дело. Надо ведь «мертвым оставить хоронить своих мертвецов», а у меня куча дел к живым. Мама тяжело вздохнула и продолжила:

— Ты прости, что я расплакалась. Когда Полька о внуках заговорила, я вдруг подумала — а для какой жизни они будут расти? Да и что это будет за жизнь? Или что, рожать их на смерть, на суд? — Мама опять не удержалась и расплакалась. — Я все понимаю: и что люди и так смертны, и что жила я правильно и бояться мне нечего, да и натерпелась так, что меня ничем уже не испугаешь, но вот детки… Как им объяснять, что они никогда не будут взрослыми? Да и каково это — жить в преддверии конца? И как им объяснить, кто ты — пророк, апостол, но для них уже не человек? Ведь, по сути, ты уже умер для всех нас.

— Не смей так говорить о папе, — взвизгнула дочь. — Он у нас самый лучший! Он один такой! Ты не должна так говорить с ним! Он ведь обидится и больше никогда не придет, а он мне нужен, нужен! Я его люблю, мне всю жизнь его так не хватало! — Поля еще продолжала что-то кричать, но слов было не разобрать из-за всхлипываний и рыданий.

Мама не шелохнулась. Она будто превратилась в каменное изваяние. Королевская осанка, высоко поднятый подбородок, точеные черты лица.

— Мам, какая же ты у меня красавица! — восхитился я и повернулся к дочери: — Поля, немедленно прекрати рыдать и никогда больше не повышай голос на свою бабушку. У нас в семье не принято кричать. Тем более, что мама права. Я каждый день задаю себе эти же вопросы, и у меня на них нет ответов. Мне так же больно, как и вам, но я уже не принадлежу себе. Но я не умер, я всегда рядом и всегда приду на помощь. А насчет внуков, как я могу советовать? Разве молодость готова слушать? Да и кто знает, сколько нам еще отпущено. Когда я впервые увидел Даниила, то подумал, что счет по шел на дни, но проходили месяцы… Теперь уже ясно, что и годы впереди, так что нет у меня ответа.

Знаю лишь одно, что завидовать моей судьбе не имеет никакого смысла. Все чаще думаю строчками из Экклезиаста: «Многие знания — многие печали». Знаешь, мам, когда я получил перстень от Даниила, я все никак не мог наиграться. И понимаю я любой язык, и перемещаться могу в пространстве и времени, и мысли читаю, и худею по желанию, и чудеса творю. А потом вдруг понял, что я все реже позволяю себе заглядывать в души людей и бегу их мыслей.

— Страшное разочарование?

— Да, мама, жутчайшее! Мелкие все вокруг. Их даже людьми назвать сложно, так, обрывки душ. Знаешь, я регулярно пересекаюсь с одним стариком, Енохом. Он пророк — настоящий, ветхозаветный! Редкий грубиян, конечно, но какой масштаб! И не любит он меня, а Даниила вообще почитает Антихристом.

— Я его видела, — сказала мама, — во время первого репортажа из Лондона! Он, конечно, очень необычный человек. В нем чувствуется порода…

— Да не порода это, мама! Дело в близости к Создателю. Понимаешь, Господь ведь лично сотворил только Адама и Еву. Никого не было и не может быть лучше их, так как никто не может сравниться с Творцом. Порода сразу пошла с червоточинкой, и дело не только в изгнании из Рая. Посмотри, уже в следующем поколении разразилась страшная трагедия — братоубийство, даже ежедневное присутствие Бога не

удержало Каина от преступления. Так вот, от поколения к поколению личности мельчали. В современной истории уже не встретишь таких гигантов, как Авраам, Моисей или тот же Ной. Всегда вспоминаю эту странную фразу в рассказе о потопе: «И был он праведником во времена свои». А это ведь означает, что, по гамбургскому счету, Ной был очень даже средненький, просто вокруг него людишки были еще хуже — и настал конец времен. Так что Ной — лучший из людей конца времен, но с Адамом его даже сравнивать грешно. А нынешние?… Какие мысли — что за разочарование! Знаешь, мама, самое сложное в апостольском деле — продолжать любить людей.

— Сынок, но ведь говорят, что Бог и есть любовь?

— О да, я наслушался об этом предостаточно! — буркнул я недовольно. — Давай постараемся обойтись без дискуссий на эту тему!

Ох, это я зря! Мама обиделась — я ощутил, как она закрылась.

— Конечно, — сжав губы, ответила она, — я понимаю, ты устал говорить на эту тему по тысячному разу.

Я почувствовал себя виноватым. Ведь, может быть, единственный человек, которому не надо объяснять, что я не исчадие ада, и который всегда готов принять меня и в горе, и в радости, и есть моя мать, и я часами могу молоть языком со всяким людским сбродом, а ей отказываю в малой толике своего времени.

— Виноват, прости, отвык от нормальных человеческих эмоций. Да, мама, Бог есть любовь, но есть и четкое объяснение, данное Иисусом, что это за любовь и к кому она. И на первом месте там стоит Бог, а уж потом все остальные, кого мы именуем ближними. Да и кроме любви там меч, и меч острый. Ох, как востра эта сабелька, и много голов полетит!

Мы еще долго говорили. Так тяжело начавшийся визит закончился довольно благополучно. Только вечером, вернувшись к Эльге, я все никак не мог успокоиться. Глубокой ночью, оторвавшись от обожаемого мною тела, когда страсть уступила место усталости, я

лежал в постели, прижимаясь к моей любимой, а перед глазами продолжало стоять застывшее мамино лицо. Еще одного такого вечера я не переживу — сердце не выдержит. Если я намерен выполнить указания Даниила, то я должен, да нет, просто обязан себя беречь! А то так и до неврастении недалеко. Апостол-психопат — та еще радость для страны. Впрочем, с моим тяжелым характером широчайшей общественности все равно придется ознакомиться, и в самое ближайшее время.

ГЛАВА 9

Новый Завет — это не только описание того, что было, но и путеводитель конца времен. Нет, дорогие мои друзья, я не имею в виду «Откровения Иоанна». Более того, скажу вам прямо: самое важное в этом творении — отсутствие точных дат. Поколения толкователей наивно полагали, что Иоанн конкретную дату знал и зашифровал ее в тексте. Глупцы! Они тратили годы на доскональное изучение текста и попытки расшифровки, а в результате все как один допускали смешную, детскую ошибку. Все они указывали дату, отстоящую от них крайне недалеко. В результате им самим приходилось доживать до этого красного дня календаря и под улюлюканье сограждан убеждаться, что в расчеты закралась обидная ошибочка. То ли дело настоящие мастера своего дела! Астрологи и всякие там Нострадамусы безопасно предсказывали события, отстоящие от них и их современников на века. Хотя и эти на всякий случай не указывали точных дат.

Какие все-таки смешные создания — люди. Все элементарно — никто не знает даты Конца света! Никто. Есть намек в Новом Завете. История с попыткой братьев-апостолов договориться о месте возле престола по окончании земного служения закончилась фразой, что это даже Христу не под силу, а только Всевышнему — то бишь его Папе. Кстати, в оригинальном тексте в этом моменте о триединстве не сказано ни слова.

А то странновато как-то — Христос вдруг начинает говорить о себе в третьем лице, причем это лицо старше его как по званию, так и по возрасту? Ну так вот, ежели даже Христос не на все вопросы знал ответы, то становится понятно, почему, говоря о времени своего возвращения, он не указывает точной даты, а делится некоторыми соображениями о признаках пришествия. Ибо ведомо это только Отцу его.

Поясню.

Любая дата Конца света, указанная в источниках и истекшая до сегодняшнего дня, — очевидное вранье. А если дата точная, то пережить ее все равно никому не удастся, а значит, и будущих поколений, решающих, правильно дата была указана или нет, не будет, так что нечего забивать себе голову расчетами. Живите правильно — и от Страшного суда вы получите сплошное удовольствие! Вам будет уготовано пребывание в райских кущах, а вашим гадким соседям воздастся по заслугам. Вот.

Но в чем же тогда функция путеводителя Нового Завета? Да в датах, точнее, в расстояниях между самыми важными событиями! Именно исходя из этих дат я и решил на пятидесятый день после пришествия Даниила устроить массовое общение с журналистами. Мне не хотелось, чтобы подобная инициатива исходила от меня лично, так что эта же мысль вдруг пришла в голову моему давнему знакомому — Михаилу Гусману, как раз работающему в ИТАР-ТАСС.

Михаил знал меня лет двадцать, так что мог позволить себе обращаться со мной по-дружески. А поскольку сам он был из Баку, где уже в советские годы смог построить капитализм в отдельно взятой семье, то удивить его было довольно сложно. На его глазах складывались карьеры и пострелительней моей, так что фирменная ирония позволила бы ему справиться с проявлением кессонной болезни, если бы признаки оной у меня проявились.

Заболевание, о котором идет речь, свойственно не только излишне поспешно поднимающимся из морских глубин на поверхность, но и многим из тех, кто слишком быстро вырвался «из грязи в князи».

Симптомы ее просты — нос задран, апломб сумасшедший, дозвониться невозможно, при случайных встречах на лице усталая гримаса смутного узнавания и манера подавать кисельную руку. То ли для рукопожатия, то ли сразу для раболепного поцелуя. Особенно часто проявления сего заболевания наблюдаются у провинциальных чиновников, получающих высокие посты в Москве. Кстати, очень эффективное лекарство — отставка. Она тут же приводит к пробуждению всех человеческих проявлений, подавляемых в чиновничьем сознании до этого.

Как это обычно бывает с Михаилом, общение он начал с пары новых анекдотов, один из которых был про меня. Ничего не могу сказать, смешной анекдотец, хотя и довольно злой. По понятным причинам пересказывать его не буду, но, признаюсь, смеялся я от души. Услышав мою реакцию, Миша облегченно выдохнул и констатировал, что я не забронзовел.

Ура.

По делу мы договорились очень быстро: оповещение о такого рода мероприятиях — дело нескольких часов. Я попросил Гусмана быть максимально корректным и не подгонять на встречу только доброжелательно настроенных ко мне журналистов. Миша отреагировал моментально:

— Хорошо, что ты не сказал «не испуганных», а то в зале был бы только ты один!

Когда мы заканчивали разговор, раздался звонок из администрации Президента. Тональность разговора была несколько иной, чем прежде, более официальной, что ли, но результат в целом оказался положительным. Меня попросили о встрече, и я согласился, так как отказать в очной беседе человеку, приложившему столько усилий для разрешения бытовых проблем моей семьи, было бы просто невежливо. Договорились поужинать часов в девять вечера в ресторане «Фиш». Поступило предложение взять с собой жен, но, вспомнив предыдущий опыт совместного поглощения пищи в «Боско Кафе» и завязавшийся там локальный вооруженный конфликт, я решил ограничиться мужской компанией.

Ни малейшего сомнения, что Сурков знает о предстоящей пресс-конференции, у меня не было.

ГЛАВА 10

Рестораны — моя слабость. Я люблю поесть. И не надо меня тыкать носом в Священное Писание — я не чревоугодник, просто кушать надо. Христос, между прочим, придавал этому вопросу не самое последнее значение. Пища духовная неважно усваивается без пищи земной, так что и рыба, и хлеб, и вино — все должно присутствовать в жизни человека. Но, конечно, без фанатизма, как говорит современная молодежь.

Однако не столько еда привлекает меня в ресторанах, сколько сам ритуал поглощения пищи.

Вот ведь удивительное дело — в жизни не так много физиологических надобностей организма, которые человек предпочитает справлять в компании! Заметьте, далеко не самое эстетичное зрелище — жующий человек. Тем не менее понаблюдать за собой во время этого непростого процесса мы приглашаем дам, которые нам понравились, и зачастую на самое первое свидание. Конечно, в этом есть и тайный смысл — если отношения сложатся, вам частенько придется видеть друг друга за едой, так что лучше уж сразу определить, сходитесь ли вы в привычках и пристрастиях. Но тем не менее.

А вообще ресторан — удивительная вещь! Он мгновенно и безболезненно излечит вас от неразумной влюбленности, особенно если объект вашей страсти будет чавкать или прихлебывать. А сколько дам навсегда вычеркнули из своей жизни нерях, умудрившихся испортить тщательно подобранный вечерний наряд вином или капельками подлив! Кстати, о нарядах. Манера держаться за столом и делать заказ говорит о

людях намного больше, чем самый дорогой наряд. Вот уж где не скрыть отсутствия воспитания — все проявится! Пусть времена принцессы на горошине канули в Лету, нынешний тест на аристократизм — поход в ресторан — ничем не хуже.

Рестораны бывают разные. В России они уже давно делятся на вкусные и модные. К сожалению, существует очень немного мест, попадающих в обе категории сразу. Да и во вкусных ресторанах всегда нужно точно знать, что заказывать, иначе возможно горькое во всех смыслах разочарование. Хотя сегодняшний мой поход в ресторан не ставит перед собой задачу знакомства с изысками мастерства местного шефа, да и манеры высокопоставленного чиновника кремлевской администрации меня не очень интересуют — беседа важнее.

Ровно в девять я вошел в ресторан. Метрдотель был предупрежден и проводил меня в дальний зал, где уже обедали несколько нешумных компаний — по виду вполне приличные люди. Подъезжая к ресторану на выделенной президентом машине, я обратил внимание, что автомобиль Суркова уже на месте — догадался по номерам. Также отметил, что у меня машина поновее будет, хотя тоже «Ауди А8». Мы прошли в дальний угол, где у стола вместо стульев были расположены уютные диванчики. На одном из них сидел Владислав Сурков. Увидев меня, он приподнялся и, улыбнувшись, приветственно протянул руку:

— Добрый вечер!

Что меня сразу удивило, так это полное отсутствие охраны вокруг. В отличие от нашей прошлой встречи, нигде не сидели тайные агенты, хотя внутренне я был готов к тому, что все посетители ресторана окажутся приглашенными статистами. Я не опасался провокации, скорее, понимал, что подобное положение вещей может быть вызвано соображениями безопасности. Или, если быть точнее, привычкой ее обеспечивать, так как постоять за себя я мог сам, что в прошлый раз было наглядно* продемонстрировано.

— Добрый, — я пожал протянутую мне руку, — давно ждете?

— Пару минут. Страшно голоден, так что я уже заказал себе салатик.

— Нет проблем.

Мы сели за стол, и я подозвал официанта. Выслушав его рекомендации, я попросил гребешки на закуску и, по совету моего собеседника, фаланги крабов на горячее. Одно из преимуществ христианства над иудаизмом — не такие жесткие ограничения в еде. Вино заказывал Слава — я не возражал. Официант принял заказ и удалился. Представитель ресторанной обслуги был странный — внешне он определенно походил на существо мужского пола, но по манерам его этот факт был не столь заметен. Дань ресторанной моде.

Как только официант, виляя бедрами, удалился восвояси и мы с Сурковым остались вдвоем, Владислав Юрьевич взял инициативу в свои руки:

— Предлагаю перейти на «ты»! Тем более для этого есть некоторые формальные основания.

— С удовольствием, а что за основания? — поинтересовался я.

— Мы учились в одном институте, — улыбнулся Сурков. — Хотя я был на год младше, и на другом факультете. Да и проучился недолго — в армию ушел.

— Засчитывается. А где жил?

— В общаге «Дом Коммуны».

— Тогда тем более! Я там частенько тусовал на дискотеках, вполне могли пересекаться. Хотя с того времени я несколько изменился.

— Я тоже. Надеюсь, что изменения произошли и со времени нашей последней встречи?

— Увидим. Чем могу помочь? — спросил я и с удовольствием сосредоточился на реакции моего собеседника. Думаю, Слава не часто слышал этот вопрос. Напротив, это его постоянно просили о помощи. Как-никак, в течение многих лет именно он во многом определял лицо

политической жизни России, пусть и всегда в жестких рамках курса, указанного Президентом. Интересно — внешне Сурков совсем не был похож на чиновника: подтянутая и одновременно неспортивная, из-за привычки слегка сутулиться, фигура, тонкая кость. Умное, проницательное лицо с некрупными чертами и легким налетом усталости — явное нервное истощение. Манера говорить подчеркнуто ироничная, хотя глаза всегда остаются жесткими и изучающими. На подсознательном уровне, сам того не замечая, Слава копирует некоторые интонации и жесты Путина.

— Помочь? — Владислав Юрьевич издал тяжелый вздох. — Знаешь, а ведь не я должен был с тобой встречаться. После твоей встречи с Волошиным у него как-то не заладилось и он ушел в РАО ЕЭС к Чубайсу. А Громова ты видел.

— Замечательный, очень профессиональный человек! Произвел большое впечатление.

— Конечно, он рассказывал. — Сурков ухмыльнулся. — Не волнуйся, ты ему тоже не понравился! — Блуждающая ухмылочка постоянно гуляла по его лицу, не находя себе постоянного места, и казалась нервным тиком.

— Я старался быть предельно вежливым, — парировал я.

— Тебе это никогда не удавалось, — отрезал Сурков. — Что журналистом ты был наглым, что сейчас… Не подарок.

— Так и ты не цветочек!

— Вот только не начинай, ладно? — Слава поежился, и мне стало не по себе. В отличие от наряда Путина, пиджак Суркова в точности копировал все происходящее с его хозяином. — В моей должности цветочек давно бы завял. Да что я тебе рассказываю, тебе мой контингент хорошо знаком! Итак, возвращаясь к теме нашей беседы, которую я еще даже не обозначил, — общение с прессой не мой вопрос…

— А я все еще воспринимаюсь как представитель второй древнейшей?

— Речь не о тебе, а о завтрашней пресс-конференции. Для нас очень важно, как она пройдет. Конечно, Леша может поработать с участниками, но все-таки, зная тебя, думаю, что от неожиданностей никто не застрахован.

— То есть, переводя с административно-командного на русский, ты хочешь сказать, что вся журналистская свора у вас уже на привязи и за сахарную косточку по нотам лает, а я человек несистемный, поэтому лучше со мной обо всем на берегу договориться? Тем более, учитывая, что я теперь твой должник, так как и квартирами, и деньгами ты моим близким помог. Я тебя правильно понял?

— Нет, неправильно, совсем неправильно! И у меня нет иллюзий насчет твоих возможностей, именно поэтому я сегодня без охраны. Разговор совсем о другом. Скажи, тебе понравился твой номер на машине?

— «008»? О да, я его оценил!

— Я предложил, — обрадовался Сурков. — Догадываешься, почему?

— Слава, неужели ты так привык работать с безграмотными идиотами, что тебе надо растолковывать элементарные вещи?

— Ну, знаешь! Решил же один из наших больших руководителей, что ты теперь следующий после Джеймса Бонда! — Ухмылка замерла на Славином лице, он запрокинул голову назад и неожиданно весело и от души засмеялся. И как ему при этом удается сохранять такой интеллигентный вид?

— Очевидно, ты намекаешь на Великий потоп как первый из Концов света, — сказал я, переждав Славин смех. — Параллели очевидны: Второе пришествие, Второй Конец света. Так как в Писании нет ничего случайного, то очевидно, что в истории Ноя кроются ключи к пониманию Второго пришествия. Страшный суд под номером один уже был — притом это был не ПЕРВЫЙ суд, но первый СТРАШНЫЙ.

— Остроумно! То есть ты считаешь изгнание Адама из Рая приведением в действие первого приговора?

— Конечно. Но все приговоры того суда были сугубо индивидуальными, хотя и поражения в правах на последующие поколения оговаривались. Именно поэтому женщины рожают в муках!

— Я всегда был уверен, что Сталин хорошо учился в семинарии, — Сурков весело хлопнул ладонью по столу, — у него все так и было: коллективная ответственность народов. Мои предки по отцовской линии убедились в этом на своем примере.

— Да, Слав, я помню, что в твоих жилах течет чеченская кровь. Так вот, Ной — свидетель первого СТРАШНОГО суда, потому что Страшный суд не может быть локальным. Он вселенский, глобальный, от него нельзя скрыться и его не проспать. Все, что было до и после, несло в себе надежду. Отчаяние Господа не было столь трагичным, как во времена Ноя. Ни Содом с Гоморрой, ни злоключения евреев в Египте, а потом в пустыне, не идут ни в какое сравнение с потопом. Именно там впервые прозвучало: «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых я сотворил, ибо я раскаялся, что создал их».

— Страшные слова, безысходные.

— А главное, понимаешь, насколько Создатель наивен? Ведь вся история заканчивается довольно оптимистично. Я не имею в виду причаливание ковчега к горе Арарат, я об обещании Господа: «не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как я сделал».

Заказанная еда уже давно стояла перед нами, но мы так увлеклись теософской дискуссией, что даже не попробовали закусок. Официанты, видя, что мы оживленно беседуем, предпочитали нам не мешать.

— Согласен — Творец наивен, — сказал Сурков, — мы постарели на несколько тысячелетий и только усовершенствовались в искусстве делать зло. Так что не в юности дело. Слушай, вот уж не думал, что в такие дебри нас заведет разговор о твоем автомобильном номере!

— Старик, восьмерка — это круто, очень даже круто! Во всех монотеистических религиях это символ спасения, ведь именно столько людей спаслось после потопа. То есть твой номер на моей машине есть прямое указание на то, что и после второго Страшного суда будут уцелевшие граждане. Да, Создатель наивен, но слово свое держит, ведь он сказал, что больше не будет поражать всего живущего.

— Ну-ну, это как читать, — возразил Слава, — может, Он птичек пожалеет или не будет уничтожать всего живущего ТАК — то есть через потоп. А вот другим способом, то есть НЕ ТАК, — очень даже может быть!

— Да ты, я гляжу, оптимист почище моего!

— Есть причины. — Сурков нахмурился. — Но в конечном итоге мы согласились с главной идеей — кто-то да спасется.

— Всенепременно!

— И очевидно, что журналисты этот вопрос тебе зададут.

— Слава, да ты кремень! То есть все это время ты держал в голове генеральную линию?

— Опыт. Уж больно завтрашний день для нас важен.

— Поясни, — не понял я.

— Я не собираюсь тут расточать дифирамбы Президенту, хотя, не скрою, я считаю, что он этого заслуживает…

— Ну-ну! — Пришла моя очередь ухмыляться.

Славу это задело.

— Ну что за дурацкая манера вечно ерничать, я правду говорю!

— Да кто бы сомневался, — засмеялся я, — все знают, что ты служишь ему верой и правдой. Насколько я заметил, своего обожания ты не скрываешь, поэтому кокетство твоей фразы меня и позабавило. Так чего же ты так опасаешься на завтрашней встрече с журналистами?

— Да того, что вместо наших они попробуют протащить своих!

— Куда протащить и кого протащить? — опять не понял я.

— Так ведь люди уже поняли, что одним днем все не образуется. Выборов нет, ты вроде главный в стране, посланец Самого. То есть, если тебя надоумить, что Кремль исчадие ада, а оппозиция вся в белом, вместо Путина ты сможешь поставить другого. Никто и пикнуть не посмеет.

— А другой — это кто?

— Да какая разница! — Сурков поморщился. — Березовский, Ходорковский, Касьянов — да любой из олигархической обоймы. Знаешь, сколько денег было заряжено в СМИ на то, чтобы из Ходорковского вылепить великомученика? Я Мишу знаю много лет, когда-то у него работал, он, конечно, парень необычный и очень талантливый, и по-человечески мне жалко и его, и семью, все-таки тюрьма не сахар, но какой из Ходора святой?! Он же в крови по уши! Конечно, он не сам убивал, у него для этого были отдельные люди. И Невзлин тот еще экспонат!

— А доказать в суде можете? — Я лукаво посмотрел на Суркова.

Слава закипел и чуть не подпрыгнул на диване:

— И ты туда же?! Да брось ты эти жидовские штучки! Если они тебя тоже купили, так и скажи, нечего комедию разыгрывать!

— Здорово, узнаю школу Волошина, — скривился я, — он тоже любил покричать. Но у него еще параллельно проскакивали мыслишки о том,

что меня нужно пытать, а ты молодец — что на уме, то и на языке! Насчет еврейских штучек ты прав — чего еще от меня ждать, только вот с выводами ошибаешься. Я тебе не басманное правосудие, мне наплевать на ваши человеческие доказательства — я правду и так вижу, не утруждай себя сбором улик. Кровь жертв кричит громче протоколов допросов их убийц. Так что меня при всем желании не купить и не запугать. Скорее верблюд пройдет через игольное ушко, чем вышеуказанные граждане окажутся в Царствии Небесном Их участь, как и судьба их слуг, предопределена — и она страшна! И позавидуют они своим жертвам, и будут рыдать, но будет поздно. Закончились игры, а значит, кончилось время политики и судов. Пришло время расплаты! А если говорить о Путине и обо всей вашей команде, то знаешь что, старичок, вы все очень разные, но вот место в Раю я вам не обещаю. Хотя как облегчить свою участь — подскажу.

— Что, «молиться и каяться»? — съязвил Слава. — Не трудись, мне депутаты уже доложили твою резолюцию на их приглашении.

— Вам моей резолюции маловато будет! У вас задача простая — слушаться и повиноваться, а что делать, я подскажу. Так что иди спокойно спать и передай всем ждущим от тебя информации, что не оттуда они ждут проблем. И прекрати тратить деньги на журналистов, кому нужны их продажные слова?!

— Вот здесь я с тобой могу и поспорить! Многих сразу перекупят олигархи…

— Вот и хорошо, — отрезал я, — вместе будут гореть в Геенне огненной! А кое-кто уже завтра.

— Да, — Сурков понизил голос, — прости, что поднимаю эту тему, но когда я ехал на встречу с тобой, мне позвонил Миша Фридман — он тоже наш, МИСиСовский. Говорит, что ты его точно должен помнить по тем годам — «Английский клуб», «Земляничная поляна»…

— Готов разрыдаться! И что угодно одному из самых богатых россиян?

— Не знаю, просил о встрече.

— Слава, ни за что не поверю, чтобы ты, да не знал. А впрочем — неважно. Парень-то он умный, начитанный, только вот в бизнесе всегда был БЕСпределыциком.

— Не он один, — заметил Сурков.

— А в Аду места много!

— И что, нет никаких шансов?

— Шанс есть.

— То есть он может рассчитывать на встречу?

— Пока нет, — усмехнулся я, — а потом, может, он и сам этого не захочет. Пусть лучше читает Новый Завет — там есть парочка рецептов как раз для него.

ГЛАВА 11

К пятидесятому дню моего пребывания в России я успел осуществить немалый объем административной работы. Как правило, такого рода деятельность незаметна, а людям, относящим себя к творческим профессиям, и вовсе не близка, но без нее никаких шансов на эффективное выполнение ответственных поручений высокого руководства нет. Готов поспорить, что моя миссия в России с полным правом может претендовать на ответственность, а уж положение моего начальства в табели о рангах обсуждать и вовсе бессмысленно.

Первым делом я обзавелся офисом и штатом помощников. Переоборудовать Дом Пашкова под Апостольский приказ оказалось несложно. Были некоторые проблемы с вибрацией от проходящего под

домом метро, да и общее состояние здания иначе как запущенным назвать было сложно, но приглашенные итальянцы с реконструкторской задачей легко справились. Набирать людей на службу я решил только из своих знакомых. Так надежнее. Не то чтобы я не мог справиться со всем один, просто сработала вековая традиция.

Директором-распорядителем я поставил Никиту Клебанова. В моих последних телевизионных проектах он занимался продюсированием и показал себя очень активным и ответственным профессионалом Правда, не без доли горячности — спасибо его юношескому максимализму. Тем не менее именно он взял на себя материально-техническое обеспечение нашей деятельности.

Я намеренно ни с кем не хотел вступать в переговоры о финансировании приказа. Слишком хорошо знал — дадут мне все что угодно, но обязательно попросят о любезности взамен. По большому счету, даже просить не надо, достаточно намекнуть и не сильно отказываться. Отработанная практика подкупа должностных лиц тут же будет применена как в отношении меня самого, так и моих помощников. У нас сразу же будет все, и поначалу даже сложится впечатление, что за этими действиями стоят исключительно желание помочь, участие к нашему делу, раскаяние и симпатия. Я прямо слышал их сладкие голоса: «Ведь надо вам на чем-то ездить, а на „Жигулях“ небезопасно. Возьмите вот эти „Майбахи“, мне они ни к чему. Да какие деньги?! Обижаете, я ведь все понимаю! Да ничего мне не надо! Ах, оставьте, вы наносите мне рану в самое сердце! Ну неужели вы не верите в искреннее движение души?! Да вы и знать не будете, откуда что пришло…»

Не верю! Знаю, что и сколько в нашей жизни стоит. Вижу все их гаденькие помыслы. Пытаются затянуть меня в паутину душевных взаиморасчетов. Чем тогда это отличается от продажи индульгенций католиками во времена средневекового мракобесия? В мирской жизни это, конечно, широко принято — заплати налоги и спи спокойно. Смущает наработанная практика. А то ведь что получается: олигархи, конечно, мерзавцы и с ними надо бороться, но вот только все же не надо забывать, что и среди них есть нормальные ребята, с пониманием. Ведь

они и денег дают (ой, это называется «прислушиваются к просьбам») на борьбу с себе подобными. Вот и получается истинная равноудаленность от Кремля: одних мерзавцев за кудыкину гору, в тюрьмы да под замок, а других — в Лондон и в замок. В километрах примерно одинаково и даже звучит похоже, но все равно слух режет.

Я уже умолчу о справедливости. А то если этим путем идти, то единожды «прихватизировав» Россию, можно будет не только прикупить себе футбольные клубы, самолеты, флотилии яхт и дома в Монако и Лондоне, но и райские кущи квадратными километрами захапать. Представляю себе эту картинку — до боли знакомые всей стране лица, прогуливающиеся по своим райским угодьям. Да без адских трезубцев в задницах, а с веночками на головах. И в глотки их льется не расплавленный свинец, а амброзия. И слух их тревожат не вопли грешников, а звуки арф. Это что же за Страшный суд такой получается — жуткий своей несправедливостью?! Мерзавцы окажутся правы — за деньги можно все? Вот уж дудки!

Деньги часто приводят к умопомрачению, искажают представление обо всем на свете. Забавно наблюдать за изменениями в сознании людей по мере обрастания их богатством. Поначалу они еще испытывают чувство вины, пытаются скрывать от соседей своей внезапный достаток и просыпаются каждое утро в ожидании вызова на допрос в прокуратуру со вполне логичным финалом — суд, тюрьма, Сибирь. С ростом благосостояния они вдруг осознают свое право на нынешний образ жизни, объясняя его природными дарованиями, склонностью к риску, умением брать на себя ответственность — дескать, умеют «крутиться» и во многом являются хозяевами жизни. Чем преступней природа богатства, тем активнее эти упыри пытаются утвердить в общественном сознании отношение к себе как к носителям новых ценностей. Зачастую они называют их демократическими, подразумевая тот факт, что большинство западных стран прошло период первоначального ограбления, извините, накопления капитала, довольно давно, и своих акул они простили.

Меня еще в журналистские годы восхищал предложенный олигархами алгоритм. Судить их за недостойное поведение в те лихие годы было

нельзя, так как вся страна трещала по швам и каждый суетился как мог. Воровали все, и если бы не успели эти, то собственность подобрали бы красные директора, и вот тогда-то едва проклюнувшейся свободе пришел бы конец. А теперь их судить и вовсе безнравственно, потому что они и есть столпы новой демократической системы, спонсоры политических партий, хозяева «независимых» средств массовой информации, добрые меценаты — одним словом, соль земли русской. Да и что это за демократия, которая преследует состоятельных граждан, ведь частная собственность священна! Забывают они только об одном — воровать грешно. Ну, а когда в рамках традиционной морали им становится тесно, поскольку это их уже перерастает размер государственных должностей, политических деятелей и даже целых партий, новые русские вдруг осознают, что их богатство — отметка о богоизбранности. Не больше и не меньше. А значит, они угодны Богу, и все, что с ними происходило, не случайно. Это их вел Всевышний! Так что критиковать их никто не смеет — они на прямой линии с Творцом. Но только вот, дружочки мои, одна неувязочка вышла. Деньги эти были для вас испытанием, и вы его не прошли. Был у вас шанс сделать страну и жизнь ее граждан лучше, справедливей, и как вы распорядились этой возможностью? Отвечать не надо, поздно, звоночек уже прозвенел — я приехал в город.

Естественно, с таким подходом к жизни мне не стоило решать бытовые проблемы. Конечно, я мог бы засунуть руку в карман и достать оттуда любое количество купюр, как уже делал не раз (спасибо Даниилу за эту возможность), но, учитывая размах нашей деятельности, несанкционированное печатание денег привело бы к непоправимым инфляционным процессам, а огорчать министра финансов мне не хотелось.

Никита подошел к задаче материально-технического снабжения с основательностью большого телевизионного профессионала. Вначале он задал мне несколько наводящих вопросов. Сводились они к выяснению разрешенных источников финансирования. Из-за того, что, по вполне очевидным причинам, частные пожертвователи отметались, Никита спросил о возможности использования государственного финансирования. Мой негативный ответ на некоторое время поверг его

в недоумение. Пришлось растолковать, что строку в бюджете депутаты обсуждать не будут, а даже если и станут, все равно ни одному из чиновников, даже самого высокого ранга, не гарантировано Царствие Небесное. Скорее, наоборот.

Следующая идея Никиты рассмешила меня до слез. Он предложил начать собственную коммерческую деятельность — святая вода (спасибо, что не газированная!), майки с портретами Даниила, мои автографы. Этакий фан-клуб. Догадываясь о дальнейшем течении его мысли, я был вынужден пояснить, что надпись: Официальный поставщик Апостольского приказа не появится ни на одном продукте. Не дождетесь! Не будет во время телевизионных трансляций надписи «Балтика» — информационный спонсор «Страшного суда» или «Скоротай ожидание приговора с Толстяком». И даже «КОКА-КОЛА — возьми знакомый вкус в новую жизнь» — абсолютно ненаучная фантастика. Бред, короче.

Когда нам обоим стало казаться, что все варианты исчерпаны, к мозговому штурму решили подключиться другие участники команды. Решение финансовой проблемы нашлось изящное, и пришло оно в голову не мне, а Илье Левитову. Илюша совсем незаметно стал моей правой рукой. Талантливый мальчик из хорошей московской семьи с несколько горячечной, захлебывающейся речью, оказался идеальным собеседником для региональных лидеров. В приказе он бывал нечасто, так как его задачей было разъезжать по стране и встречаться, от моего имени и по поручению, с губернаторами и мэрами, крупными промышленниками и ворами в законе, священослужителями и лидерами оппозиций, хотя последних найти было не так просто.

Его внешность классического еврейского интеллигента производила обманчивое впечатление. За добродушным, чуть скептическим и печальным выражением лица, смущенной улыбкой на губах и вечными разговорами о шахматах скрывался очень внимательный, вдумчивый собеседник. И, что было гораздо важнее для меня, безжалостный аналитик, умеющий разглядеть за вечным нытьем и жалобами на жизнь, исходящими от его собеседников, их истинное лицо и намерения.

Так вот, предложение господина Левитова был по-шахматному

изящным:

— Простите, а Церковь у нас отделена от государства?

— Формально, да.

— Но при этом она выступает от имени Бога, не так ли?

— Продолжай, — ответили мы с Клебановым в один голос.

— Но ведь Даниил, — сказал Илья, расплываясь в довольной улыбке, — и есть полноправный представитель Бога! Христос, Мессия — выберите по вкусу. Это де-факто признано как христианами и мусульманами, так и, извините, нами, иудеями.

Следовательно, деньги, получаемые представителями всех этих религий, и должны пойти на финансирование нашего приказа. Много я бы не стал брать, но традиционную десятину мы вполне можем потребовать.

Никиту эта идея порадовала, и, увидев, что я не возражаю, он приступил к ее осуществлению, что оказалось довольно просто, учитывая интегрированность традиционных религий в государственный механизм. Деньги потекли ощутимым потоком. Их было существенно больше, чем нам требовалось, и, чтобы не вводить Никиту в искушение ненадолго пустить деньги в оборот, я приказал все излишки отдать на помощь сирым и убогим. Причем задачи пришлось разделить. Контролем над финансами занималась Зоя Петрова — спокойная, полная барышня, которую не так интересовали вопросы мироздания, как схождение бухгалтерского баланса. В ее исключительной порядочности я мог и не сомневаться, как и в болезненном пристрастии к точности. Ее нахождение в команде не вызвало никаких нареканий даже у Эльги, так как по Зое было видно, что для нее никаких других мужчин на свете, кроме мужа, не существует. Ко мне она относилась как к высшему существу, зато всех остальных нещадно гоняла, заставляя заполнять бесконечные формы отчетности, и разжалобить ее не было никакой возможности.

Решать, кому достанется наша гуманитарная помощь, я снарядил Табриза Шахеди. Единственный мусульманин в нашей компании, Табриз занимался связями с общественностью и анализом публикаций о нашей нескромной деятельности. Он вел интернет-сайт, на котором в форуме шла очень оживленная дискуссия, и отслеживал весь мой график, чтобы, не дай Бог, что-то существенное не пропустить. Идеальный музыкальный слух и консерваторское образование Табриза привели к тому, что в нашем приказе всегда звучала музыка, достойная нашей миссии. Так что как сотрудники, так и просители чувствовали себя возвышенно. Но не только музыкальный слух Табриза был абсолютным Если он чувствовал в словах просителей фальшь, ему всегда становилось физически плохо. Каюсь, с моей стороны было довольно жестоко поручить ему распределение милостыни, но зато это был единственный шанс добиться уверенности в том, что деньги попадут по назначению.

Ребята в моей команде были молоды, никому еще не исполнилось и тридцати, и они были счастливы оказаться в числе избранных. Выбор пал именно на них не потому, что они были лучшими, просто я их знал по моему прошлому. Они не были ангажированы никакими кланами, их не знали широкие общественные массы, и их молодость позволяла им не мучиться вопросами о неизбежно грядущем Конце света. Никита был православным, Илья — евреем, а Табриз мусульманином. Хотя степень их религиозности я бы не стал преувеличивать, что тоже стало одним из плюсов при приглашении их на работу. Как-никак, излишний фанатизм может приводить к непредсказуемым результатам, а ежедневная совместная работа требует прогнозируемости.

Когда в руководстве страны узнали о моих кадровых решениях, представители администрации отнеслись к ним настороженно. У меня даже состоялся телефонный разговор с господином Фрадковым, за которым закрепилась слава не только технического премьер-министра, но и человека очень осторожного. Будучи старше меня по возрасту, он мог позволить себе бархатные, покровительственные нотки при общении:

— Ну что же вы так, Владимир, не посоветовавшись? Мы ведь

волнуемся, можно сказать, переживаем за успех вашей миссии. Ведь весь мир сейчас смотрит на Россию. Такая честь — Даниил лично отправил вас именно к нам, то есть к вам. Ну, я имею в виду вашу историческую родину… То есть нашу общую родину…

Фрадков запутался и напряженно замолчал, восстанавливая дыхание и кислотно-щелочной баланс. С родиной действительно все не так просто. Воспитанный в советское время премьер с трудом расставался со стереотипами. В недавнем прошлом член КПСС, он теперь вынужден был на Пасху стоять церковную службу и даже изредка креститься. Хотя механические действия конечностями никак не сказались на его лингвистических клише. Учитывая национальность Михаила Ефимовича, а она, между прочим, такая же, как и у меня, фраза про «историческую родину», да еще и «нашу общую», сбивала с толку окончательно. О какой все-таки стране идет речь — России или Израиле? Но выяснять мне был недосуг.

— Уважаемый господин председатель правительства, — торжественно, как на параде, произнес я, — благодарю вас за участие! Правильно ли я понимаю, что у кабинета министров есть альтернативные кандидатуры?

— Конечно! Любой будет просто счастлив работать с вами! Как ни странно, слова Фрадкова не вызвали у меня ни малейшего сомнения.

— Кто-то конкретно уже высказал пожелания? — поинтересовался я.

— Не совсем так, но я мог бы рекомендовать вам Кудрина и в особенности Грефа. Они, знаете, очень способные люди.

— Хорошо, что вы не предложили Зурабова, а то бы народ точно решил, что я слуга Врага Человеческого! Ему в пару прекрасно подошел бы Чубайс.

Хитрющий Михаил Ефимович, не дрогнув голосом, заметил:

— О его кандидатуре я тоже задумывался.

— Вынужден вам отказать. Прекрасно понимаю ваш мудрый план сразу

решить как собственную, так и мою проблему, но останусь при собственном выборе.

Михаил Ефимович продолжал еще что-то говорить в трубку, но я его уже не слушал. Не надо лезть ко мне с советами! Мой лучший советчик всегда рядом, лишь только я подумаю о нем. Никто не может сравниться с Даниилом. Единственная реальность — это общение с ним. Проявляются все цвета жизни, запахи, звуки, проявляются тайные смыслы, и жизнь приобретает высший смысл.

Все остальное лишь бледная тень — искаженная, плоская и скучная.

ГЛАВА 12

Пресс-конференция не случайно была назначена на пятидесятый день. Да разве что-либо происходящее в жизни случайно? Конечно нет. Пятидесятый день исхода из Египта — дата дарования евреям Торы, и на пятидесятый день произошло крещение учеников Христа Духом Святым. Я не претендую ни на какие параллели, но стоит отметить, что и Билл, находящийся с апостольской миссией в США, также назначил встречу с журналистами именно на этот день. Мы не сговаривались и даже не обменивались мыслями, настолько наши поступки подчинялись общей задаче и направлялись Даниилом. Я сразу понял, что день этот будет особым, так как с раннего утра перстень Даниила на моей руке налился багрянцем и надпись на нем замерцала холодным огнями: «Да приидет царствие мое».

Проснулся я рано. Я всегда в Москве просыпаюсь рано, точнее, я изо всех сил стараюсь открыть глаза раньше Эльги. Мне нравится засыпать и просыпаться, чувствуя ее тело. Я никак не могу насытиться ею! Что бы ни случилось днем, ночь отдана ей без остатка. Каждое утро, будучи не в силах сдержать себя, я накидываюсь на свою возлюбленную как

зверь, тревожа ее сон поцелуями. Она единственная женщина в моей жизни, с которой я в полной мере понял значение слова «овладевать». Она не ропщет, более того, ее чувство ко мне столь же животно.

Дремучая, первобытная страсть!

Адам и Ева!

Для меня нет и не может быть другой женщины, а для нее не существует другого мужчины.

Когда только начинались наши отношения, я боялся, что из-за служения Даниилу должен буду отказаться от Эльги. К счастью, Учитель никогда не требовал от меня этого и в одной из наших бесед даже обмолвился, что напрасно Евангелие от Петра занесли в список апокрифов. На самом деле отношения между Христом и Марией Магдалиной были куда более плотскими, чем принято считать. Петр писал об этом. И о том, что Иисус любил и частенько целовал Марию в уста, и шутил, и смеялся. А официальная Церковь рисует нам портрет какого-то престарелого монаха, а не сына Божьего, полного сил и здоровья. Он же был молодым и обаятельным мужчиной, за которым пошли сотни и тысячи мужчин и женщин. Он просто не мог быть сексуально непривлекательным для своих последовательниц.

Ум, сила и власть — всегда сексуальны. Я не стеснялся своих отношений с Эльгой, но и не афишировал их. Тем более что попытки папарацци застать нас вдвоем всегда заканчивались неудачей. Фотопленка неизменно оказывалась засвеченной, а цифра просто сходила с ума — мои маленькие защитные шалости. В общем, идиллия в отдельно взятом полусемейном сообществе при сопутствующем содействии божественных сил.

Счастье.

Утром пятидесятого дня все вроде бы начиналось как обычно. Я первым проснулся и, как полагается, набросился! Только вот моя любимая вместо того, чтобы после самой замечательной в мире утренней зарядки пожелать мне доброго дня и вернуться ко сну, неожиданно села в

постели, вся подобралась и начала разговор, которого я давно ждал и боялся.

— Владимир, — сказала Эльга с такой непривычной мне интонацией, что я вздрогнул.

— Ничего себе! — сказать, что я был поражен, значит не сказать ничего. — Спасибо, что хоть не по имени-отчеству, а то после такого официального обращения я начинаю стыдиться своей наготы. Может, мне встать и надеть официальный костюм с галстуком?

Мое ерничанье осталось незамеченным — Эльга хладнокровно пропустила его мимо ушей. Видимо, она давно собиралась с духом для этого разговора, и теперь остановить ее было уже невозможно.

— Кто я тебе? — поджав губы, спросила она.

— Любимая, — ответил я.

— А в глазах родителей, друзей и соседей я так — временная утеха известного человека, или кем ты там себя считаешь?

В душе недоумевая, но понимая, к чему идет разговор, я нежно взял ее за руку и, стараясь говорить как можно спокойнее, произнес:

— Я честно предупреждал тебя, что со мной не может быть простого человеческого семейного счастья.

— Конечно, — Эльга резким движением выдернула руку из моих ладоней, — у твоей бывшей жены оно могло быть, а я недостаточно хороша, да? На ней ты мог жениться и дать свою фамилию, а меня об этом даже не надо спрашивать? Как же — это ведь былое пошлое мещанство, а теперь ты поумнел! Но почему я должна из-за этого страдать? Получается, что мы друг другу никто — детей ты больше не хочешь, жениться не хочешь, а все, для чего я тебе нужна, это банальное удовлетворение твоих сексуальных желаний!

Я никогда не рассматривал наши отношения в таком ракурсе —

благодаря начавшемуся служению Даниилу я просто не успел этого сделать, и оттого наш разговор был мне безумно неприятен. Тем более что, если бы я ответил честно — а именно, что плотская составляющая наших встреч для меня играет не последнюю роль, я тут же схлопотал бы по своей апостольской непричесанной башке и ближайшие полтора часа успокаивал бы рыдающую возлюбленную. Обычный мужской эгоизм — мы тратим все силы на спасение мира, а помочь конкретному, близкому и очень любимому человеку не считаем нужным.

Неужели так сложно уделить пару часов для совершения всех этих дурацких церемоний, столь никчемных для мужчин и невероятно значимых для женщин? Ну, появится штемпель в паспорте, и что? Что — свадебный кортеж, списки приглашенных и толпы обиженных, которые узнали о церемонии только из газет, бесконечные обсуждения наряда, подарков, букетов и прочая чушь, за которой можно будет уже и не вспоминать о начале Страшного суда, меня убьют? Нет. Останусь жив и здоров. Но, с другой стороны, я теперь не просто Вован Соловьев, а апостол и, хотя я очень люблю Эльгу и готов тяжелым постельным трудом доказывать всю глубину своего чувства к ней, Даниил значит для меня несравненно больше, чем все женщины мира. Нет ничего и никого, способного затмить мою любовь к нему, хотя в этом чувстве нет ни малейшего сексуального оттенка.

Я не стал озвучивать свои мысли Эльге, в этом не было никакого смысла. Лучше уж сразу уйти из ее жизни, потому что, услышав такое, вряд ли она сможет, как прежде, быть рядом со мной. И я не смогу осудить ее за это. Терять я ее не хочу, поэтому и не буду тратиться на пустые слова. В конце концов, сегодняшний вечер потребует от меня столько сил и эмоций, что расходовать себя на семейные сцены мне было бы просто нерационально.

К счастью, мое затянувшееся молчание Эльга приняла за раскаяние. Наверное, ей стало меня жалко. Или она просто почувствовала, что мой ответ может привести нас к разрыву, а, значит, поставленная цель не будет ею достигнута. Рыба наживку заглотила, но, если передавить, то может и уйти с крючка. В этом не было хитрого расчета, скорее инстинктивное поведение красивой женщины.

Многовековая традиция.

Игры взрослых мальчиков и девочек.

Танцы вокруг постели.

Молчание — единственное работающее оружие в этой войне. Молчание — это холст, на котором противоположная сторона нарисует любую требуемую ей картину. Я держал паузу, думая о том, что Эльга даже не понимает, насколько мне легко сломить ее волю. Полностью подчинить себе. Но ведь тогда я потеряю все удовольствие от живого общения с ней! Раз, полное подчинение — и навсегда утерян интерес! А чем тогда мой объект страсти будет отличаться от резиновой куклы или ее живого венерического воплощения — проститутки? За деньги клиента, то есть по моей прихоти, она станет старательно охать и ахать. Это даже не пошлость — это жуть какая-то! Никогда не понимал мужиков, снимающих путан. Что за удовольствие тыкаться причиндалом в общественную собственность? Как представишь себе, чего только в этом, с позволения сказать, лоне, не побывало, сразу тошнит. Надо себя на помойке найти, чтобы так опуститься.

В человеке должна быть страсть — только тогда он интересен! Чувства не купишь за деньги, а собственная похоть проходит быстро.

Так что ломать волю Эльги мне не хочется. Захочу насладиться ароматом цветка, подойду и сорву его, но дорогое мне растение после этого медленно умрет. Выходит, что я получу удовольствие, наблюдая за его агонией. Нет уж. Оставлю его расти, только тогда я увижу, как он прекрасен. Радость моя будет долговечна и многогранна, ведь на моих глазах будет происходить его возрождение весной и засыпание осенью.

Засыпание и пробуждение. Таинство рождения — от набухающей почки до раскрывающегося бутона.

Должно быть, поэтому Создатель не сломил нашу волю — он получал удовольствие от наблюдения за нашим страстным и зачастую нелепым существованием. Страшный суд не трактор, гусеницами судьбы разламывающий цветы жизни и несущий смерть всему живому, а

ножницы Великого Садовника. Точный инструмент, которым Господь отсекает сухостой и заболевшие ветки, придавая любимому кусту совершенную форму. Может ли пораженная ветка выздороветь и не быть срезанной — вопрос не к нам, а к тому, «в руке которого и жизнь, и смерть».

ГЛАВА 13

Журналистов собралось много — очень много. Да их и так гораздо больше, чем хотелось бы. Зал в здании на бульварах довольно просторный, хоть съезды проводи, и обычно во время регулярных мероприятий он никогда не бывает заполненным даже наполовину, но сегодня его было не узнать.

Я вошел туда ровно в 17.00, хотя радушный Гусман убеждал меня, что это немодно. Вот, например, Путин, как правило, чуть задерживается. Мне не хотелось параллелей, так что я вежливо настоял на своем решении быть точным. Тем более что столичные журналисты обычно не нарушают своеобразный ритуал, свойственный подобным моментам. Мои собратья по профессии имеют обыкновение приходить впритык к назначенному времени и в течение получаса лениво регистрироваться, пренебрежительно рассматривая коллег. Затем, как правило, они задумчиво курят, стряхивая пепел куда попало, и только вдоволь продемонстрировав презрительное отношение к окружающим и редакционному заданию, нехотя просачиваются в зал. Уверен, что даже мой апостольский сейшн не заставит их изменить старым привычкам.

Журналисты вообще народ особый. На такие встречи у них считается правильным одеваться демократично, что в переводе на русский означает небрежно. Акулы пера относят себя к людям свободных творческих профессий и не признают этикета, прикрывая банальное дурновкусие претензией на оригинальность. Сальные волосы, перхоть

на плечах и потасканная одежда в поистине жутких цветовых сочетаниях — нормальное явление. Представляемые ими издания роли не играют: гламурные журналы или общественно-политические вестники, финансовые сводки или автомобильные страницы — их работники всегда похожи на своих же читателей в дачной одежде, которую те вынужденно носят третьи сутки. Конечно, журналисты, работающие для телевизионных компаний и попадающие в кадр, вынуждены одеваться прилично, но это с лихвой компенсируется «модным» раздолбайством остальной части съемочной группы.

Как я и предполагал, для встречи со мной бывшие коллеги не изменили привычным пристрастиям в одежде, но, понимая что ожидается аншлаг, набились в зал заранее, борясь за наиболее удобные места. Фотографы и операторы застолбили лучшие точки. Треноги штативов противотанковыми ежами перегородили все проходы, а кабели и провода опутали их так, что пробраться к столу, за которым я должен был сидеть, оказалось совсем не просто.

Мы вошли в зал. Служа своеобразным ледоколом, передо мной двигался Михаил Гусман и грудью раздвигал тела любопытствующих. Замыкали нашу процессию какие-то его сотрудники и мои ребята. Конечно, я мог бы сразу материализоваться на отведенном для меня месте, но вспомнил, что в Новом Завете подобные чудеса совершал сам Христос, так что мне при всем желании такие фокусы не по чину. Так и быть, проявлю природную скромность, а то многие уже сомневаются в ее наличии.

Кстати, моя веселая троица — Табриз, Никита и Илья, — крутились в здании ИТАР-ТАСС с самого утра. Особой нужды в этом не было, но они, как молодые задорные щенки, получали страшное удовольствие от всей подготовительной суеты. Особенную радость им доставляло нагло ткнуть в лицо охраннику удостоверением сотрудников Апостольского приказа. Сначала я считал, что официальные удостоверения личности нашим сотрудникам выдавать бессмысленно. Охрана знает всех в лицо, а хамить гаишникам и ездить по разделительной полосе дело мерзкое. Ну, а если при этом еще и размахивать бумажкой за моей подписью, так и вовсе недостойное нашей миссии. Но мальчики меня убедили в

обратном, поскольку во время их поездок в регионы, а также при общении с официальными инстанциями, все равно некие верительные грамоты были необходимы. Так что теперь им было что демонстрировать сотрудникам ТАСС, пытающимся понять, что это за молодые люди, вникающие во все детали организации мероприятия. К началу встречи ребята уже были заметно вымотаны, но глаза их возбужденно блестели в предвкушении действия. Они решили не садиться среди журналистов и скромно встали вдоль стеночки, напротив первых рядов. Должен отметить, что и они не надели костюмов, но все равно выглядели весьма презентабельно.

В любом зале перед появлением главного действующего лица бывает довольно шумно. Воркование и кряхтение, заигрывание с соседками и щелканье кнопок диктофонов, постукивание карандашами по блокнотам, откашливание и чиханье, приглушенный смех и нервическое зевание — все эти звуки сливаются в единый фон напряжения, неотличимый по мощности от гудения линий высоковольтных передач. Во время проведения широкомасштабных президентских пресс-конференций все звуки обычно враз умирают при появлении пресс-секретаря Путина — господина Громова. Наступает гробовая тишина, во время которой Алексей Алексеевич обводит зал глазами. Под его взором журналисты перестают дышать, застывая в ожидании заветной фразы: «Президент Российской Федерации — Владимир Владимирович Путин!» Открываются высокие двухстворчатые двери, и энергично входит Президент. Начинается суматошное цоканье затворов фотоаппаратов. Герой улыбается едва дышащим журналистам и здоровается с ними. Счастье охватывает присутствующих — к ним возвращается жизнь. Производится коллективный вздох облегчения, и зал оживает.

В моем случае все выглядело несколько иначе. Следуя за Гусманом, я появился из-за спин журналистов, что само по себе было довольно неожиданно. При осознании того, что я уже в зале, ряды сковало холодное оцепенение. Звуки зала умирали постепенно, и журналисты стали застывать, как в детской игре «Морская фигура, замри», словно оказавшись в поле зрения Медузы Горгоны. Как мороз прихватывает поверхность воды, сковывая ее паутиной льда, так и я своим

появлением хоть на время, но подавил эмоции собравшихся здесь людей. Правда, от этого их страх и ненависть ко мне не стали меньше. Я всего лишь взвел спусковую пружину, и долго мне ее в этом состоянии было не удержать.

В мертвой тишине я сел рядом с Михаилом. Растущее напряжение зала передалось и ему. Гусман понимал, что должен представить меня аудитории и сказать несколько теплых вступительных слов, но никак не мог этого сделать. Казалось, что у него сердечный приступ: он сгорбился и весь побелел, на лбу выступили крупные капли пота. Торжественное воскрешение сотрудников ИТАР-ТАСС в мои планы на входило, поэтому я решил ему помочь. Подняв глаза на зал, я сказал:

— Здравствуйте! Прошу первый вопрос.

Гусман ожил, задышал, на его щеках появился румянец. Оцепенение прошло:

— Да-да! Прошу, кто желает?

Как всегда, самой смелой оказалась представительница газеты, о которой я ничего не слышал и уж тем более никогда не читал. Молоденькая прыщавая брюнетка в очках стала что-то ворковать о большом счастье, выпавшем нашей стране, а также о величии Даниила и моем собственном. Она путалась в словах и никак не могла определиться с падежными окончаниями. Это был уже не вопрос, а целая хвалебная речь, которая определенно должна была завершиться обычной пошлостью на уровне «Ваши творческие планы?». Присутствующие расслабились и загудели.

Я не слушал ее — мое внимание было приковано к центру зала. В шестом ряду, прямо напротив меня, сидели настолько внешне схожие граждане, что издалека их можно было принять за однояйцевых близнецов-тройняшек. Это ощущение усиливало пристрастие троицы к одинаково безвкусным оправам очков. В центре группы, на месте Ильи Муромца, находилась госпожа Петровская, олицетворяющая собой печатную прессу. Справа от нее сидел господин Павловский, занимающийся телевидением, а на месте Алеши Поповича гордо

восседал плюгавый интернет-персонаж — Мистер Паркер. Яркие прыщи на лице последнего предательски свидетельствовали об отсутствии у их хозяина успеха в любовном реале, хотя его коллеги выглядели не лучше. Однако вовсе не внешний вид этих людей привлек меня, а беседа, которая велась ими на фоне непрекращающегося жужжания все задаваемого вопроса. Их отношение ко мне ни для кого не было секретом. Именно глубокое и искреннее чувство ненависти давно и накрепко спаяло этих неудачников, так что теперь они занимались вполне ожидаемым занятием — обменом желчными высказываниями в мой адрес. Это можно было бы назвать состязанием в остроумии, но тогда мне пришлось бы солгать, и ложь была бы двойная — реплики, которыми они перебрасывались, не были ни острыми, ни умными.

Вообще, в зале было предостаточно моих недоброжелателей. Практически все присутствующие считали меня выскочкой — и я мог их понять, ведь в «доапостольские» годы я отнюдь не вел праведную, в их представлении, жизнь. Но понять — не значит простить. Если угодно, мне вообще было нелегко, если не невозможно, найти в зале журналистов, испытывавших ко мне симпатию. Бесспорно, не надо забывать, что в этом профессиональном сообществе подобное отношение является своего рода нормой. Взаимное шипение и плевки друг в друга воспринимаются как пожелание доброго утра — серпентарий чистой воды!

Но, с другой стороны, кто я для них? Как могут воспринять мой теперешний апостольский статус все те, кто еще не так давно считал себя вершителями судеб, а теперь вынужден отрабатывать гонорар, полученный от богатых ублюдков с политическими амбициями? Как любили эти люди рассказывать о своей близости к власть имущим и о беседах с самим Президентом, хотя зачастую Путин разговаривал не с ними лично, а еще с сотней других журналистов. Но ведь взгляд его был обращен не ко всем ним, а только к рассказчику! Ах!… А теперь появился этот выскочка (то есть я), которого Президент принимает тет-а-тет?! С таким положением дел невозможно мириться! Это несправедливо!!!

Они правы. Вот раньше, когда их продажность была высокооплачиваемой и им не надо было сидеть на всяких там пресс-конференциях неизвестно с кем, жизнь в стране была совсем иной. Лучше. По крайней мере, для них. Но их хозяева поставили не на ту политическую лошадку — и, как результат, одним туманный Альбион, а им потеря статуса. От регулярных телевизионных эфиров к редким газетным статьям и радийным комментариям. Теперь им приходится терять время в этой жуткой компании, чтобы задать лишь один вопрос: «Означает ли это, что Путин останется Президентом пожизненно?» — и, высмеяв любой мой ответ, настрочить что-нибудь о «так называемом» Страшном суде. Конец света для многих из них давно наступил, но они так и не заметили его приближения и, словно обезглавленные куры, все так же продолжают суетливо перебирать лапками.

Но не только эти жалкие создания собрались сейчас передо мной. Пожаловали и молодые волки, готовые прославиться любым способом. Что ж, сегодня у них определенно есть шанс. Конечно, они могли бы написать обо мне какую-нибудь ложь, после чего ждать ответной реакции и тем самым заставить всех запомнить свое имя. Даже не надо особо оригинальничать, сойдет что-нибудь самое простое: «Гейтс — любовник Соловьева?» или «Соловьев — отец моего ребенка-мутанта. Мальчику два месяца, а он уже говорит и у него крылья!» Или, наконец: «Соловьев обматерил своего коллегу! Неужели апостолам можно все?» Но зачем ждать, когда вот он я, на блюдечке с разноцветной каемочкой?

А ведь они ничегошеньки не понимают. Они даже не подозревают, зачем их собрали в этом месте. Сидят тут и наигранно хлопают наивными глазками. Ведь это не они пришли поглазеть на невесть что возомнившего о себе журналиста, это я вызвал их на ковер! Все, что представляется им стечением обстоятельств, приведших их сюда, является частью плана, который задумал я. А помогли его осуществить как мои апостольские способности, так и расторопность Ильи. Именно он проследил по списку приглашенных, чтобы я никого не забыл.

Только не надо сейчас рассуждать о мести, ладно? Апостол не имеет права на столь низменные чувства! А с другой стороны, может, я всего

лишь получаю удовольствие от своей работы? Внезапно что-то вырвало меня из состояния глубокой задумчивости. Ах, да — из разрозненного хора, звучащего где-то на втором плане, исчез запинающийся голос солистки. Отчаянная девушка из неизвестной мне газеты наконец-то завершила свой бесконечный вопрос и преданно ждала комментариев.

Но я не спешил отвечать.

Я молчал.

Не моргая, я продолжал пристально смотреть в зал, и ни один мускул не двигался на моем лице. Неподвижность, царившая во мне, была абсолютной. Со стороны я, наверное, напоминал грозную восковую фигуру. Пауза затянулась настолько, что по залу медленно разлилось недавнее напряжение и слух тяжело сдавила звенящая тишина. Я продолжал молчать. Велась прямая телевизионная трансляция пресс-конференции, и можно было представить, какой ужас сейчас творился в аппаратных и в кабинетах больших начальников. Провал, полнейший телевизионный крах! Что показывать — тишину?

Я ждал. Мне хотелось, чтобы тишина напряжения впиталась камерами и микрофонами, заполнила провода и эфир, насытила пульты и фидеры, передалась через экраны мониторов и телевизоров всем, кто сейчас видел меня. Я знал, что рано или поздно режиссеры поймут мой замысел и прикажут операторам взять и держать мой крупный план. А еще лучше, суперкрупный — одни глаза, во весь экран.

Затягивающая сила молчания.

Все подавляющая энергия тишины.

Стихия и первоэлемент, противопоставляемый Слову, и его предчувствие — бесконечный материал созидания.

Я притягивал к себе взоры сидящих в зале и остро чувствовал, как меняется их настроение. Презрение и пренебрежение, злоба и зависть, ирония и обожание уходили. Под гнетом моего молчания все их эмоции преображались в одну общую — беспощадный, животный,

первобытный страх. Забавно устроен человек — как все-таки просто его испугать! Первая защитная реакция — смех или ирония — мгновенно сменяется отчаянием, накатывающим под воздействием собственных предрассудков и комплексов. Оставьте человека одного, в холодной комнате и непроглядной темноте, и лишите возможности слышать даже собственное дыхание — через несколько часов его психика не выдержит. Отсутствие привычных сигналов от органов чувств организм воспримет как повод для страха.

Так и сейчас. На пресс-конференции главный герой не должен молчать, это противоречит правилам игры, а значит, в мозгах граждан начинается смятение. А учитывая то, что лицо героя не выражает никаких эмоций, ненавидящие меня начинают понимать, что смешки на сегодня закончились. Шуточки не прошли — оказывается, я все вижу и слышу и каждому собираюсь воздать по заслугам. По делам и по мыслям. По их мерзким и гнусным поступочкам и по всем тем псевдоинтеллектуальным потугам, которые эти карикатуры на божественное творение принимали за плод высшей нервной деятельности.

Ваше время пришло.

Я встал. Хотя это не совсем точное описание действия, которое я выполнил. Скорее, я вытянулся вверх, сохраняя свои естественные пропорции. Я мог бы стать любого роста — пробить головой потолок и сравняться с памятником Петру, дать ему по треуголке и вернуться к своему изначальному росту! Но я замер, достигнув двухметровой высоты. Преображение происходило буквально на глазах. Это по-прежнему был я, но мой внешний вид стремительно менялся. Словно бригада талантливых гримеров-невидимок внезапно приступила к работе: из современного человека средних лет я преобразился в эпического героя Ветхого Завета. Прическа удлинилась, волосы оказались расчесаны на прямой пробор, лицо украсили усы и борода. Современный костюм уступил место просторному хитону, а вместо ботинок на ногах оказались сандалии. От меня исходило свечение — неяркое, но вполне ощутимое, похожее на знакомый с детства голубоватый огонь газовых конфорок.

Медленно я развел руки в стороны, на мгновение задержав их и образовав светящийся крест. Затем, продолжив движение, я поднял руки немного выше и направил ладони в сторону зала.

— Пришел для вас час Страшного суда! — Мой голос зазвучал раскатами священного шофара. Это было неестественно, болезненно громко. Стены гулко задрожали, отзываясь на ужасающую вибрацию моего голоса, и люди с силой зажали уши: у некоторых сквозь ладони потекли алые струйки крови. Лица журналистов исказили гримасы страдания.

— Я собрал вас здесь, чтобы свершилась воля пославшего меня. Грешники будут повержены в прах, а раскаявшиеся обретут шанс на спасение. Обратитесь в молитвах к Спасителю, ибо час ваш настал! — Я обвел зал взглядом, полным черного огня. — Порождения ехидны! Продажные твари, питающиеся человеческими несчастьями, отравители умов, сребролюбцы и клеветники, кому как не вам первыми принять Божий суд? «И все тайное станет явным», ничто не скрыть от пастыря! Я ждал пятьдесят дней, ждал и надеялся, что вы одумаетесь и понесете благую весть о возвращении сына Божьего страждущим, но вы по-прежнему глухи и слепы. «На пятидесятый день после воскрешения Христова спустились ученикам его с неба огни, и заговорили апостолы на всех языках, и понимали их народы». И сегодня сойдут на вас с неба языки пламени, но навсегда замолчат ваши лживые уста.

И прекратите вы клеветать на всех ведомых вам языках, и не сможете более одурманивать народы!

Свечение, исходящее от меня, усилилось и поднялось к потолку. Все присутствующие в зале, словно завороженные, следили за тем, как потолок постепенно одевался в светящееся покрывало. Это было похоже на водопад, поставленный с ног на голову. Холодное пламя, поднявшись вверх, растеклось по потолку юркими змейками. Они жили, не подчиняясь общей воле потока огня, и сами выбирали для себя цель. Дойдя до нужной им точки, змейки начинали яростно кружиться и в процессе погони за собственным хвостом меняли свой цвет. Через пару секунд над каждым кружилось разноцветное холодное пламя.

Ангелы небесные… В традиции католической живописи они почему-то предстают в образе трогательных херувимчиков, но на самом-то деле они гонцы Божьи. А бывают еще ангелы-хранители. Только вот кого им здесь хранить, если вот-вот наступит момент, когда из защитников они превратятся в гонцов, несущих дурную весть?

Это были они — ангелы кружились над грешными жертвами! На бесконечно точных весах посланники Божьи производили замер добрых и злых деяний своих подсудимых. И чем страшнее был этот баланс, тем темнее становились их огненные одежды. Подсудимые стояли, вытянувшись во весь рост и дрожа в страшном напряжении. Их головы были неестественно задраны вверх, но они не могли даже вскрикнуть от боли, лишь тихий вой ужаса вырывался из их глоток. Перед каждым из них открывались самые жуткие картины собственных подлостей и предательств. Как ни старалась память услужливо спрятать все это в самые отдаленные уголки того, что могло бы быть их душой, — ан нет, пришло время все подсчитать! Все тайное становится явным, и замаливать грехи поздно. И каяться, и просить о пощаде.

Ангельская круговерть внезапно застыла, и стали отчетливо различимы лики, выпукло проступающие из огня. Все они были разными, не было двух одинаковых — ни по цвету, ни по выражению. И лики эти были суровы. Совсем не такими представляли их живописцы Италии! Не могли они поверить, что срисовывать слуг Божьих надо не с розовощеких детишек, а с неистовых и аскетичных последователей Савонаролы, При взгляде в черные лица ангелов в душу вселялись отчаяние и ужас, а главное, больше некого было обманывать — истина открылась, и суд справедлив!

Не отрываясь, смотрели друг другу в глаза подсудимые и, судьи. Вдруг раздался оглушительный звук труб, и, помимо моей воли, из груди у меня вырвался глас, столь низкий, что казалось, заговорил сам Царь-колокол:

— На все воля Божья! Да воздастся каждому по деяниям его!

Здание вздрогнуло. На глазах у телезрителей, в ужасе прильнувших к экранам, зал оказался пронизан иглами божественного огня. Ангелы

устремились вниз, на ходу безжалостно испепеляя тела и души своих жертв. Все происходило мгновенно — огненный столб сверкающей дорической колонной свергался с небес, и вот уже на месте «вершителя судеб» — серая горстка пепла. Свершилось — каждому воздано по заслугам, Содом и Гоморра погребены!

Наступила саднящая горло тишина.

Еще недавно наполненный до отказа зал оказался вдруг пустым просторным помещением, по щиколотку засыпанным едким пеплом. Я по-прежнему стоял, не шелохнувшись, с раскинутыми в стороны руками. Вдруг где-то в отдалении зародились робкие звуки: пугливо скрипнула входная дверь, с лежащего блокнота вспорхнул бумажный листок, упала чья-то авторучка. Я почувствовал на лице холодное дыхание ветра. Это могло быть похоже на обычный сквозняк, однако поток не по-летнему морозного воздуха становился все сильнее и сильнее. Мгновенно заполнив собой все помещение, он стал набирать скорость и кружиться, жадно вбирая в себя прах осужденных. И вот уже угольно-черный смерч, осыпанный серебристыми нитями молний, танцует в центре зала, и в нем утробно ворчат раскатистые удары сердитого грома!

Ледяная круговерть становилась все стремительней. Внезапно потолок здания ИТАР-ТАСС, бросив мне напоследок в лицо куски грязной штукатурки, разорвался в ошметки, и смертоносный смерч, унося кричащие души осужденных, похотливо ввинтился в обнажившееся небо Москвы — темное, страшное, грозовое. Утром ничто не предвещало такого природного катаклизма, но с начала пресс-конференции погода стала стремительно портиться. Небо затянули свинцовые тучи — они стояли небывало низко, и люди с богатым воображением даже умудрялись углядеть в них непонятных созданий с суровыми лицами.

Я очень устал. Силы стремительно покидали меня. Тело обмякло, руки плетьми повисли вдоль тела, а ноги подкосились — я не мог больше стоять. Земля под ногами вертляво покачнулась, но чьи-то руки поддержали меня. Бережно обняв, несколько человек синхронно подняли более неподвластное мне тело. Значит, не все погибли!

Обессиленный, я не мог повернуть голову, чтобы увидеть моих добрых слуг, да у меня все равно не хватило бы сил поблагодарить их за заботу.

Потом. Все потом.

Я закрыл глаза и потерял сознание.

ГЛАВА 14

Я убил всех этих людей. Прервал их линии жизни. Еще вчера они дышали, болели и похрапывали во сне. Они ругали подчиненных, строили планы на отпуск, звонили родителям и волновались за своих детей, а теперь — они пыль. Даже хоронить нечего. Кто я теперь?…

Душегуб, душегуб, душегуб! Я уничтожил тела и вырвал души, отправив их прямиком в Ад. Они не любили меня, может быть, даже ненавидели, они писали обо мне глупости, но ведь никто из них не пытался лишить меня жизни! Да что там, их самые сильные уколы в мой адрес не сильно отличались от того, что каждый день все живущие — пока еще живущие на Земле — говорят друг о друге. Разве в зале были серийные убийцы, растлители малолетних и отравители? Нет, конечно нет. Собравшиеся — обычные люди, которых всего лишь объединяла нелюбовь ко мне и, как следствие, сомнения в адрес Даниила, но разве этого достаточно для такого финала?! Разве я ответил на ненависть смирением и прощением?! Разве была в моем сердце любовь?

Нет. Я ответил на комариные укусы ударом кувалды. Мне наступили на ногу, а я испепелил их всех. И ведь понимал, что у них нет ни малейшего шанса противостоять мне! Ни одного.

Я не подумал о семьях убитых, но причинил им стократную боль. Я даже не оставил тел, безутешным родственникам нечего будет

положить в могилы! Конечно, уничтожены грешники, и им воздано по заслугам, но в чем провинились любящие их? Как объяснить им, что их папы и мамы, дяди и тети, сыновья и дочери должны были пасть от моей руки? Даже исчадие Ада Геббельс для своих крошек был замечательным, нежным и заботливым отцом! Они любили его, потому что любовь не подразумевает объективного анализа поступков. Чувства существуют вопреки логике. Мы любим, и наши эмоции высвечивают все то доброе, что иные не замечают. Любовь не слепа, а избирательна, что и роднит ее с ненавистью. Белое и черное. Многомерность человеческой души исчезает: любящий видит только вершины, ненавидящий — зияющие провалы. Оба неправы.

А кто я? Разве я был беспристрастен? Нет, я предвкушал этот день! Не раскаяния их я жаждал, а казни. Но разве я лучше тех, кого обратил в пыль? Нет.

Я палач, палач! Плачь не плачь, но я палач, палач, палач…

Я почувствовал, как Эльга прикоснулась губами к моему лбу, и услышал ее голос. Неявственно, как в очень старом кино. Звук был кристально чистым, пожалуй, чуть более резким, чем в реальной жизни, но тем не менее его звучание не раздражало меня:

— Он уже три дня горит. Не открывает глаза, не слышит нас, не ест, не пьет и только иногда вздрагивает.

— Рыдает? — поинтересовался другой, тоже знакомый мне голос.

— Не могу сказать, — ответила Эльга. — Если и плачет, то без слез.

— Ничего, все будет хорошо. Просто ему было очень тяжело и теперь надо отдохнуть.

— Он поправится?

— Владимир не болен, он сострадает. На его долю выпала ноша, непосильная для обычного человека, но он избран, и силы его безграничны, ибо исходят от мышцы пославшего его.

Я узнал его, узнал собеседника Эльги. Но, признаюсь, я никак не ожидал услышать такой текст от одного из моих мальчишек. Не открывая глаз, я произнес:

— Илюша, мой мальчик, скажи мне, что произошло?

— Владимир, — вздохнул Илья, — не мне судить. Я даже не знаю, с чего начать… Скажем так — произошло все!

— Я всегда знал, что ты слишком образован для специалиста по связям с общественностью, — попытался пошутить я. — Не можешь ты скрыть годы обучения в ешиве. Илья улыбнулся:

— Ну, годы — это преувеличение. Так, совсем чуть-чуть: два года здесь и полтора в Америке. Итак, ты спрашиваешь о том, что произошло. Будь любезен, уточни, с какого момента ты хочешь, чтобы я начал.

Я оценил тактичность Ильи. Конечно, мне не хотелось еще раз переживать расправу над грешниками. От одного намека на произошедшее мне вновь стало нехорошо. Сердце испуганным воробьем затрепыхалось в груди и рванулось к горлу. На лбу выступил холодный пот, и я почувствовал, что задыхаюсь — пытаюсь вдохнуть, а не могу. Панический страх вновь равнодушно накинул на меня свое липкое покрывало.

Стоп!

Что ты себе позволяешь, апостольская морда? Живо соберись, слизняк! Дыши медленно: вдох, пауза, выдох, пауза, вдох, пауза, выдох. Видишь, становится легче! Дыши! А теперь снова заставь себя вспомнить крики этих мерзких грешников, которых ты жалеешь больше, чем их жертв. Что? Опять накатывает ужас? Не раскисать! Дыши, дыши, приучай себя к этой боли, закаляй свою душу. Думаешь, что уже все позади? Не надейся, дружочек, это только начало. Изволь соответствовать высокому званию!

Внутренний монолог помог мне. Я открыл глаза и увидел, что нахожусь в нашей с Эльгой спальне. В комнате, кроме моей любимой и Ильи,

были Никита и Табриз. Я попытался приподняться в кровати и неожиданно легко смог это сделать, ребята даже не успели мне помочь. Ожидаемой после болезни слабости не было вовсе. Более того, в теле ощущалась некая новая сила — понимаю, перешел на новый уровень качества. Забавно, ну прямо компьютерная игра — с выполненным заданием получаешь бонус!

— Ну вот что, — мотнув головой, сказал я, — расскажете все за чашкой чая. Брысь все из моей спальни! Приму душ и присоединюсь к вам. И не забудьте к чаю соорудить какой-нибудь еды!

Ребята с радостью бросились выполнять задание и оставили меня наедине с Эльгой. Как же она хороша! Божественная красота, средневековая: утонченное породистое лицо, изящный тонкий нос, очерченные скулы, чувственная линия губ, высокий лоб и длинные светлые волосы, чуть подкрашенные для выразительности, как это иногда позволяют себе натуральные блондинки. Ох, не надо мне продолжать — все эти мысли отвлекают от служения, а я и так совсем не аскет. А с другой стороны, целых три дня я вел себя образцово-показательно — точно не грешил, в бессознательном состоянии это затруднительно делать. И переживал, а значит, очищался! Пора вернуться к своему естественному состоянию.

Эльга почувствовала изменение в моем настроении, но отреагировала сурово:

— Но-но, что это мы себе позволяем? Сначала в ванную, а то три дня не мылся и зубы не чистил, а туда же! Да и мальчики твои ждут. А то ведь сейчас как начнем, звуков будет море, да и быстро ты от меня не отделаешься. Знаешь, как я соскучилась! — Она щелкнула меня по носу.

Я отправился в ванную, чувствуя приятный прилив крови к той самой части тела, о которой один из христианских святых выразился на редкость точно: «Все подвластно мне, кроме малой части плоти, в коей, видимо, и живет грех». В таком игривом настроении я зашел в ванную, но, посмотрев на себя в зеркало, загрустил. Суд не прошел для меня даром, преображение оставило памятку. Я не выглядел ветхозаветным

пророком: седых косм и окладистой бороды нет, как, впрочем, и усов. Вполне легитимная трехдневная щетина. Только в волосах что-то изменилось. Боже, я поседел, да еще и довольно прихотливым образом! Будто какой-то не в меру игривый парикмахер вздумал подшутить надо мной и выкрасил клок волос, от макушки к правой брови, в белый цвет.

Да и черты лица изменились. Заострились. А глаза чуть запали, и цвет их стал темнее — в зрачках появились вспыхивающие багровые искорки.

Ужас!

Я стал придирчиво рассматривать свое тело. Я не стал выше ростом или шире в плечах, но все мышцы отчетливо прорисовались. Стал виден каждый мышечный пучок и сухожилие, причем тело не стало спортивным, скорее боевым. Я был похож на легионера-ветерана, закаленного в тяжелых боях. Или бога войны Марса, хотя это все довольно чуждые нам образы. Ну конечно, должно быть, такими были воители за веру — маккавеи да рыцари Храма. Так и есть, теперь я точно знаю, какая мне уготована роль. Я со стороны архангела Михаила — с огнем и мечом, а книжником и собеседником у нас будет Билл Гейтс. Он от архангела Гавриила.

Надо заметить, работенка выпала — мама не горюй! Учитывая технологию приведения приговора в исполнение — очень даже пыльная. Буквально. Хотя и не мне наводить чистоту в помещениях суда.

Приведя себя в порядок и сменив хитон на уютный домашний халат, я вышел к моей банде в столовую.

ГЛАВА 15

При моем появлении Никита, Табриз и Илья встали из-за стола и подошли меня обнять. Выглядели они очень взволнованными. Шутка ли, все эти три дня я был безумно похож на умирающего. Никита, как самый старший, обратился ко мне первым:

— Ну ты нас и напугал! Хорошо, что ты вернулся.

— А я и не уходил, просто было о чем подумать. — Я натянуто улыбнулся: — Садитесь, пейте чай.

Эльга собрала на стол какую-то снедь, поставила заварной чайник и вышла, предоставив нас самим себе. Я посмотрел на ребят:

— Рассказывайте! Никита, начни ты.

— Было страшно, — выдохнул он, — в какой-то момент я подумал, что мне приходит конец и эти жуткие духи заберут и меня, так что стоял как истукан и боялся пошевелиться. А когда все закончилось, я был весь в прахе грешников, просто весь: в ушах, в носу, между пальцев ног, одним словом, всюду был этот прах! А эти вопли! Б-р-р-р. До сих пор по ночам снятся.

— Кто-нибудь еще уцелел? — спросил я, заранее зная ответ.

— Кроме нас, никто! — Не очень хорошо. Так нам билеты на повторный сеанс не продать. — Я вновь улыбнулся, но, увидев неподдельный ужас на лицах моей команды, передумал шутить. Юморок оказался непонятым. Черноватым.

Нужно было срочно менять тему.

— Никита, с грешниками все понятно, а что произошло со мной?

— Ты потерял сознание, — опередив Никиту, ответил Табриз. — Точнее, ты вдруг как-то осел, а когда все завершилось, словно ушел в себя. Я был рядом. Когда началась свистопляска, я подтянулся к тебе поближе и стоял чуть сбоку, буквально в паре метров, так что успел тебя подхватить. Точнее, я не знаю, как это получилось, меня вдруг

какая-то сила оторвала от стены и подбросила к тебе.

— Спасибо, Табриз. Не очень красивый был бы кадр — рухнувший апостол. Неубедительный. Кстати, какая была пресса после события?

— Да какая там пресса, — Табриз махнул рукой, — все в шоке! Боятся. Репортажи были по всем каналам и статьи во всех газетах, ведь в этом зале были представители почти всех крупнейших изданий, и ты никого из них не пощадил. Так что всем непросто. Были обращения семей погибших к Президенту, кое-кто возмущен: как так — убили людей без суда и следствия? На тебя написали ряд заявлений в прокуратуру, но, насколько я понимаю, их отказались принимать, так как на записи ясно видно, что лично ты ни к кому из пострадавших не прикасался и вооружен не был, так что формально предъявить тебе обвинение никто не сможет.

— Да, кстати, — вмешался Илья, — тебе звонил Президент и всякие разные рангом пониже! Просили с ними связаться, когда ты сочтешь нужным.

— Свяжусь, — поморщившись, кивнул я. — Значит, говоришь, в суд подавали? И газеты с телеканалами своих грешников жалеют? Похоже, так никто ничего и не понял. Поди уже и общество членов семей невинно погибших создают. Ну-ну! — Я почувствовал, как мое лицо начинает наливаться кровью, и с силой сжал кулаки: — Значит, и в прокуратуру обращались? Небось кричали, что не Средние века и что по конституции мы светское государство? Милые, глупые твари земные! — Мною овладел приступ бешенства, и я резко поднялся. Странно, каждый раз, когда во мне зреет черный смерч гнева, я не могу усидеть на одном месте. Мне обязательно хочется вскочить и вытянуться в полный рост, аж до хруста в костях. — Твари! Твари! Твари! — Я что есть мочи лупил кулаками по столу. — Где их души?! Дьяволу и брать-то там нечего! Даже не в Аду их место, а где-нибудь на свалке, рядом с отходами жизнедеятельности крупного рогатого скота!

Илья вскочил вместе со мной и схватил меня за руки:

— Умоляю тебя, Володя, только не надо сейчас ничего делать! Не

трогай этих несчастных, не лишай их жизни!

— Заступничек! — прорычал я ему в ответ. — С чего вдруг такая любовь?! Мы не адвокаты, мы судьи!

Илья ничего не ответил. Остальные тоже молчали. Тем не менее гнев мой постепенно угасал. Я медленно сел на стул, и на кухне воцарилось напряженное молчание. Правда, как только я пришел в себя и почти уже успокоился, где-то в сердце квартиры зазвонил телефон — громко и тревожно. Раньше так звучали междугородние вызовы. Через мгновение в дверях столовой появилась Эльга с переносной трубкой в руках, продолжавшей истошно трезвонить. Не успел я взять у нее аппарат, как он перестал звонить и заговорил хорошо знакомым низким голосом моего давнего знакомого Еноха:

— Трубочку-то возьми, бесовский прихвостень, а то я уже устал тренькать! — Невоспитанный патриарх проявил доселе невиданный такт, заговорив со мной на арамейском. Наверное, решил, что кроме нас двоих им никто не владеет. Я приложил трубку к уху:

— Ты, никак, в бегах, Енох? В Сибири прячешься или сидишь на даче в Подмосковье и консультируешь высшее руководство страны по поводу создания антиклерикального народного форума?

— Окстись, неслух, ты что, совсем рассудок потерял? — Голос Еноха звучал ровно, но выражал немалую степень недовольства. — Лучше скажи мне: тебе не жалко людей-то? Три дня о них горевал, а теперь опять осерчал.

— Так, может, это были не мои, а твои мысли? Ты мне внушал их, пророк? — А что, до этого у тебя было много своих мыслей? — Старик насмешливо хмыкнул.

— Не надо этих пустых разговоров! — выкрикнул я, снова поднявшись на ноги. Мое секундное спокойствие как ветром сдуло. — Что ты мне из себя сейчас овцу невинную строишь? Думаешь, я забыл, как ты в Лондоне призывал своих дружков расправиться с Даниилом и с нами? Почему ты решил, что я хочу с тобой говорить?! Неблагодарный

старик!!! Даниил вернул тебе жизнь, а как ты отплатил ему?

— Спокойней, молодой человек, перестаньте кричать на старших — это невежливо. И потом, что значит — вернул? Не он давал, не ему и распоряжаться! — Енох вздохнул. — А ты сильно изменился, не нравится мне это. Я ведь давно тебя предупреждал — смотреть надо, кому служишь! Мне-то, старому дураку, сперва показалось, что ты неплохой парень, а теперь я вижу, он тебя полностью под себя подмял.

— Прекрати трепаться! — Я кричал в трубку во весь голос: — Ты, да ты жив лишь потому, что Он хочет этого! Не смей противиться Его воле!

— Мальчишка! — возмутился старик. — А ну выйди — поговорим!

Отшвырнув телефон, я бросился к входной двери и прошел ее насквозь, пронзив взбешенным телом послушно поддавшуюся мне материю стены. Отбросив соблазн сразу проследовать по телефонному кабелю до трубки Еноха, я материализовался прямо перед ним.

ГЛАВА 16

Енох не скрывался в ближнем Подмосковье. Он выбрал место под стать своему характеру — Красноярское море. Не надо меня поправлять, может, название и небезупречное, но придумано оно не мной. Енисей перекрыли плотиной, вот и получили море. Красота! Просторы! Масштаб — не чета городскому. Глаз отдыхает, скользя по поверхности бесконечного водного зеркала. Вода чистейшая и все время холодная, да и глубоко. А уж по берегам леса какие дремучие — тайга, редко где мобильные телефоны берут! Да и кому тут звонить? Местные обитатели все больше по старинке живут — охотой да собирательством, трепаться часами в этих местах не принято.

Правда, у Еноха телефон был спутниковый. Модные все-таки парни эти пророки, научно-технический прогресс им явно по душе! Не удивлюсь, если в его избушке на курьих ножках окажутся широкоформатный телевизор и лэптоп с высокоскоростным подсоединением к Интернету. Домишко Еноховский мне тоже пришелся по вкусу. Прямо как с картины «Меншиков в Березове» — добротно срублен!

— С местом ты промахнулся, дружище, — засмеялся я. — Относительно неподалеку тут Шушенское, где Ленин с Наденькой на охоту хаживал со стариком Сосипатычем! Вот это место так место, историческое!

— Это сын того самого святого? — не понял пророк.

— Размечтался! — хмыкнул я. — Просто у кого-то из родителей несчастного было плохо с чувством юмора, вот по святцам и назвали. А как пацану в жизни мучиться с таким имечком придется, и не подумали. Вот такие были на Руси суровые времена. Представляешь кого-нибудь из современных россиян с именем Енох? А дети его — Геннадий Енохович, как звучит!

— Замечательно звучит, — насупился старик, — благородно!

— А планы Ильича особым благородством не отличались. В результате их осуществления вся Россия юшкой умылась, про Бога и вовсе забыли. Так что думай, дед, что ты сделаешь и зачем!

Мы стояли неподалеку от избы пророка, метрах в двадцати от воды. Из соседних домов нас видно не было, что было очень даже хорошо, а то вопросов потом не оберешься. Я как выскочил босой из московской квартиры, так и стоял в одном халатике на голое тело, переминаясь с ноги на ногу. Енох же был принаряжен по последнему писку местной моды. На нем были какие-то невнятные сапоги, замызганные брючки и пиджачок с дырками на локтях, надетый на старую тельняшку. Одним словом — два алкаша! Не хватало только «Беломора» в зубах и трехлитровой бутыли с самогоном.

— Не боишься, что я тебе тут всю репутацию испорчу? — спросил я. —

И кстати, чего это ты без такси?

Енох довольно ухмыльнулся:

— А я тут только на выходных отдыхаю, а так в Красноярске ишачу. Хотя машина, должен тебе сказать, ужас! Все-таки эти ваши «ГАЗы» не чета «фордам». Если бы не кой-какие ветхозаветные штучки, из ремзоны бы не вылезал. А соседей не бойся, их тут немного. В основном старики. Они и не слышали, что царь-батюшка помер.

— Николай Второй? — съязвил я.

— Нет, Леонид Пятизвездный, — невозмутимо парировал Енох.

— Но-но, ты наших не тронь!

— А до своих я по земле еще не дотопал, — гордо ответил старик, — Господь за праведность жизни призвал на небеса до эры царей израильских. Кстати, тебе босиком не холодно, может, в избу пойдем?

— Не пойдем, — огрызнулся я, — ты тут мне зубы не заговаривай! Наговорил мерзостей, вытащил из теплой московской квартиры в какую-то глухомань, по телефону нагрубил, а теперь в гостеприимство играешь? Надавать бы тебе тумаков за такое поведение, неблагодарный старик!

— Но-но, молокосос, не зарывайся! — Пророк по-стариковски погрозил мне кулаком: — Что это ты себе позволяешь? Тумаков ты уже нараздавал — вся страна видела. Милосердия в тебе ни на грош! Да и сила твоя не чета моей, я-то слуга Господа, а вот ты сам понимаешь, кому достался. Смотри, как бы самому по рогам не надавали!

Если поначалу Еноху удалось меня расслабить настолько, что я уже и не жаждал выяснять с ним отношения, то теперь волна холодного гнева стала снова заполнять меня.

Кстати, не могу не отметить, что начинаю получать удовольствие от прихода этого чувства. Когда я был помоложе и не находился на службе

у Даниила, гнев у меня был другой — парообразный. Его зарождение и развитие идеально описывались процессами, происходящими с кипятящейся в чайнике водой. Пар — субстанция легковесная, и гнев мой тогда был похожей консистенции — постоянно уходил в гудок.

Со стороны все это выглядело даже забавно. Толстый дядька (а тогда я был настоящий шарик на жирных ножищах) закипал в момент: рожа краснела, вены на шее взбычивались — прелесть, что за картина! Я походил на самовар! Довольно быстро наступала кульминация — я раскрывал пасть и весь гнев уходил в рев. Орал я самозабвенно, но недолго. И оставалось после всего этого только глубокое чувство неземного опустошения. Да и эффект был недолгим. Граждане пугались, у них даже портилось настроение, но не более того. С годами я даже выяснил, что привыкание людей к моему ору происходит крайне быстро. Уже на второй-третий раз эффективность практически нулевая — не боятся, не пугаются и даже не вздрагивают! Одним словом, провоцируют и в душе хихикают, а я давление для них по жилам гоняю, рожей краснею, вены надуваю — и все без толку! Все равно орал — по поводу и без повода, придумывая себе самые разнообразные оправдания. Самое популярное: если прямо сейчас, именно в эту минуту не выскажу всю правду — умру от инфаркта. Вранье чистой воды! другое пояснение более точное: не наору — хватит апоплексический удар. И действительно — давление подскакивало, затылок начинало ломить, глаза навыкат, пасть растворяется, а оттуда такой жуткий ор… Однако правда гораздо прозаичнее. Я получал колоссальное удовольствие от крика. Физическое, близкое к радости интимных утех. Даже природа этих двух процессов близка. Все дело в приливающей крови, хотя органы и разнятся. Когда я срывался на людей, мне становилось удивительно сладко. Чувство радости и неги наполняло мое тело. Я будто наблюдал за происходящим со стороны. Смысловые нюансы произносимого не имели ни малейшего значения, но вот сам ор был упоителен. Ненадолго я впадал в состояние транса шаманов: все полости начинали резонировать, звуковое давление возрастало и крик начинал свое самостоятельное существование. К сожалению, недолгое. Как я теперь понимаю теток, орущих на своих мужей! Ведь у них кайф от этого посильнее сексуального, и без всяких тебе хлопот с опостылевшим партнером. Однако все это в прошлом. Теперь мой гнев

иной природы. Никакой парообразной субстанции, я весь уплотнился — и духом, и телом. Даниил дал возможность перейти на качественно иной уровень всем моим чувствам и ощущениям. Открылось новое измерение. Мой гнев уже не парообразная субстанция, и сам я не аморфный тюфяк. Я воин, призванный моим Господином, и гнев мой подобен лаве — прекрасен и смертоносен! Не стоит становиться на моем пути — уничтожу! И лик мой будет прекрасен, а не искажен гримасой предыдущих жалких потуг, когда мое предназначение еще не было открыто для меня. Хвала призвавшему меня! И не этому жалкому, выжившему из ума старику становиться у меня на пути. Да что я трачу время на пустые разговоры с ним?.! Уничтожить надо этого беглого врага, не желающего подчиниться воле моего Господина!

Я почувствовал, что мое тело меняется. Как на публичной казни ныне ушедших журналистских мразей, я вновь преображался в ветхозаветного старца. Глаза горели неистовым холодным огнем, и стихия, подчиняясь моему решению, выстраивала в боевые порядки несметные полчища клубящихся облаков. Ангелы — предвестники смерти начали свой ритуальный танец, и их мертвенно-бледные лики высматривали приговоренных к страшной, но справедливой расплате.

ГЛАВА 17

— Мальчишка! — орал на меня пророк, размахивая руками. — Что же ты себе позволяешь? Совсем из ума выжил? Хочешь повоевать — ну давай, покажи, на что способен!

Крики жалкого старика не могли отвлечь меня от принятого решения. У меня на кончиках пальцев уже зарождались молнии, и им не терпелось отыскать свежую плоть для сожжения. Это было новое ощущение — раньше мне не подчинялась огненная стихия, я лишь просил Даниила и через него вершил правосудие. А теперь и сам удостоился чести решать.

Я не спеша поднимал руки вверх, чувствуя, как полчища ангелов, послушные моей воле, ускоряют свое сумасшедшее верчение в предвкушении скорой жертвы. Мой гнев достигал своего апогея, и я получал непередаваемое удовольствие от осознания собственного могущества и возможности свершить казнь над ветхозаветным бунтарем. Гнев очистил меня от сомнений и подсказал единственно верное решение. Даниил вернул этому проходимцу жизнь, но он так ничего и не понял. Ну что же, пусть свершится суд и на все вопросы будут даны ответы. Енох исчезнет в Геенне огненной или воссядет у престола! Хотя, уверен, там все места уже заняты и стульчика с его именем не предусмотрено.

— Ну что, убийца, готов? — спросил пророк. — Давай сразимся!

Енох не стал смиренно ждать часа расплаты. Пока я упивался собственным величием, сельский старикашка преобразился. И так немалых размеров, он, казалось, стал еще выше и шире в плечах. Неопрятная одежда уступила место хитону, сияющему белизной, на плечах появилась накидка из выделанной овчины, место сапог заняли сандалии, а в руках образовался тяжелый посох. Лик его тоже преобразился, но, в отличие от меня, он помолодел. На лице его, еще недавно напоминавшем карту горных разломов, не осталось ни единой морщинки и, как ни странно, никаких следов бороды или усов. Волосы старика расстались с сединой и стали черными как смоль, зачесанными назад и прихваченными кожаным ремешком. По-моему, старый пижон даже успел их набриолинить.

Все эти трансформации вызвали у меня усмешку. Дед из деревенского пьяницы превратился во франтоватого пастуха-чистюлю, явно чуждого красноярским пейзажам.

— Ну ты красавец! — развел я руками, еле сдерживая накатывающий приступ хохота. — Прямо «тетя Ася приехала»! Ишь, как хитон отстирал! Ты по-прежнему кипятишь или замачиваешь?

Никакой реакции на мои слова не последовало. Острослов-таксист остался где-то там, далеко, в ином измерении. Нынешний ветхозаветный патриарх смотрел на меня спокойно и, как мне

показалось, даже с любовью. По крайней мере, в его глазах не было ни капли осуждения.

— Оглох? — раздраженно переспросил я. — Ну ничего, это мы поправим!

Я поднял руки вверх, и небо, подчиняясь моей воле, отозвалось рокочущим громом.

— Ну что, пастушок, Илия-пророк на огненной колеснице приедет к тебе на подмогу, или сам справишься?

— На все воля Божья! — В устах Еноха эти слова не звучали смиренно, в них ощущался вызов.

— Вот как заговорил! Ну что ж, насладись Его милосердием!

Я опустил руки в сторону Еноха и резким движением встряхнул кисти. Разбрасывая искры, молнии выскользнули из моих рук и, продолжая линии пальцев, ринулись к жертве. Однако, вопреки ожиданиям, Енох не превратился в кучку пепла. Он не стал притворяться гением кунг-фу, совершать акробатические прыжки или размахивать шестом, хотя и смиренно принимать удар тоже не собирался. Грациозным движением пастух скинул с плеч овчину, и она переместилась ему на грудь. Мои молнии ворвались в овечий мех, раздирая его в клочья, и в воздухе противно запахло паленым.

Такое активное сопротивление даже позабавило меня.

— Молодец, дедуля, даешь жару! А то было бы слишком скучно. Ну, давай показывай, что у тебя там припасено! Начнешь кидаться камушками в стиле псалмописца Давида? Ах, прости, я забыл, что ты отъехал на небеса до этой разборки с филистимлянами.

Енох не обращал на мои слова никакого внимания. Хорошо понимая, что запас молний у меня неистощим, а с волшебными шкурами у него проблема, он попытался перейти в наступление, используя посох в качестве копья. Я не без интереса наблюдал за его движениями: как-

никак, передо мной открывалась секретная техника владения оружием начала времен. Патриарх двигался довольно умело, но, откровенно говоря, мне это напомнило детскую игру в кошки-мышки. Во-первых, слишком медленно, а во-вторых — очевидно. Увы, в наши дни у д’Артаньяна не было бы никаких шансов против заурядного кандидата в мастера спорта по фехтованию.

Енох определенно уделял недостаточно времени тренировкам. Он настолько вяло пытался меня уколоть, что за это время я мог бы успеть смотаться в Париж на чашечку кофе и вернуться, чтобы прочитать утреннюю газету, но делать этого не стал. Мягким движением я подхватил посох и вырвал его из рук оппонента, ускорив поступательное движение орудия вперед. А в самом конце, когда Енох инстинктивно подался за посохом, перенаправил его импульс вверх, отчего мой соперник презабавно плюхнулся на землю с пустыми руками.

Я ожидал услышать ругательства, но старик сдержался.

Поскольку уверенности в том, что вражеский посох не несет в себе каких-нибудь опасных сюрпризов, у меня не было, я сразу же его отпустил.

Не успев коснуться земли, тот вспыхнул и обратился в горстку серого пепла. Так как мне не очень хотелось продолжения знакомства с этим предметом, легко дунув, я произвел на свет средней силы ураган. Мощная масса вертящегося ветра не только разметала пепел, но и снесла близлежащие сараюшки и подняла на Енисее волну, сравнимую с небольшим цунами. Увидев, что стало с его посохом, старик состроил кислую мину, и мне сразу стало понятно его молчание. Все время нашего недолгого поединка он помалкивал лишь по одной причине — пытался не думать, чтобы я не смог прочитать его мысли. Теперь же, оставшись безоружным, он дал волю своим чувствам. Я оказался прав. Задумка с посохом была простенькой двухходовочкой — если бы я не отбросил его, то вступили бы в действие вышеупомянутые «ветхозаветные штучки», от которых меня на некоторое время могло парализовать. Но — кукиш вам, товарищ пророк.

— Доволен, антихристова сила? — спросил Енох, поднимаясь на ноги и отряхиваясь. — Думаешь, одолел? Мы еще на кулачках сойдемся!

— Побереги силы, старик! Все кончено. Олимпиада для ряженых завершилась. Ты продемонстрировал прекрасную программу упражнений с предметами — можешь претендовать на участие в мужской команде по художественной гимнастике.

— Шутишь, что ли? — внезапно подобревшим голосом ответил пророк. — Они же там все пидорасты! — Геи, — поправил его я, — теперь принято быть терпимыми.

— Кто бы говорил! — махнул рукой старик и улыбнулся.

Я вдруг понял, что Енох в очередной раз пытается заговаривать мне зубы и тянет время. Он явно чего-то ждал и изредка посматривал в небо. Ну, конечно! Старик ждет подмогу. Ведь пока мы здесь тешимся и радостно валтузим друг дружку, его дружок Илия спешит на помощь. Путь-то из Америки неблизкий, так что время работает против меня.

Проследив взгляд Еноха, я посмотрел на небо. Оказалось, что и в воздухе все это время было неспокойно. Мои верные ангелы не теряли времени даром — ни в чем не повинный город Красноярск представлял собой поистине печальную картину. Оказывается, после их работы от человека остается так мало пепла, что его совсем не заметно за всем этим нагромождением уродливых строений, некогда служивших людям пристанищем. Всего за пару минут город полностью опустел. Индустриальный сонм одинаковых панельных и кирпичных строений навсегда утратил своих владельцев. Увы, некому было вести со мной торг о количестве праведников, проживавших здесь. Да это и не важно — я не Господь Бог, а Аврааму тут и взяться неоткуда.

Я вдруг поймал себя на мысли, что совсем не жалею этих людей. И действительно, чего убиваться-то? И зачем я так раскис по первому разу с журналистами? Ведь на все воля Даниила. Праведники себя замечательно чувствуют у престола отца Его, а о грешниках и печалиться не стоит.

Сделав свою работу, мои ангелы чертили небо вороньими крыльями, как будто ждали нового задания. Вдруг где-то вдали зародился нарастающий грохочущий звук, и в самой гуще небесного воинства показались всполохи молний. Мои воины расступились, и я увидел колесницу, запряженную сгустками света, формой напоминающими пегасов. Управлял колесницей Илия. Заметив меня, он попытался швырнуть в меня молнию, но, подняв руку, я легко перенаправил ее в еноховский дом, отчего тот весело загорелся новогодним бенгальским огнем.

— Дедушки, ну вы будто комиксов перечитали! — рассмеялся я. — «Старики-разбойники» — ветхозаветный римейк! Умора!

Разделить со мной радость было некому. Воспользовавшись моей занятостью, Енох отбежал к берегу и, сильно оттолкнувшись, взлетел. Поймав поток восходящего воздуха, он оказался в колеснице рядом с Илией, который, на манер конников времен Гражданской войны, заложил лихой вираж и, дождавшись своего подельника, умчался восвояси. Я было решил бросить им вслед пару молний — поджарить стариковские бедрышки, но перстень у меня на пальце неожиданно сильно запульсировал. Буквы на нем сверкали столь ярко, что у меня не осталось ни малейшего сомнения — Даниил не потерпит моего опоздания.

ГЛАВА 18

В Гефсиманском саду меня ждал на редкость холодный прием. Весь разгоряченный после битвы, я ждал от Даниила слов одобрения, но он не был благодушно настроен. Скорее наоборот. Когда Учитель посмотрел на меня, я сразу вспомнил старинный придворный термин — зыркнул! В его глазах сверкали молнии.

Даниил был не один. Чуть поодаль к стене жался Билл, поникшая голова которого не оставляла сомнений в том, что ему тоже досталось. Выглядели мы с братом по служению на удивление похоже: те же сандалии, хитоны — своего рода боевая униформа апостолов. Только у Билла на носу опять зачем-то были очки.

— Что вы себе позволяете, — гневно спросил Даниил, — как вы смеете таким образом использовать данную вам силу? Разве я сам вершу подобное? Да если бы я хотел смерти этих людей, то устроил бы судилище уже давно! Где ваши мудрость и милосердие? Вы не оставляете этим несчастным ни единого шанса, у них даже нет возможности раскаяться в своих прегрешениях! Вы, как дантисты-извращенцы, вместо того чтобы исправить прикус брэкетами, бьете больного кувалдой по зубам!

Я было подумал, что в столь странном сравнении звучат нотки личного опыта, но пошутить на эту тему не успел. Даниил бросил в мою сторону тяжелый взгляд, и у меня парализовало лицевые мышцы. Мой юмор явно был неуместен, босс был настолько разгневан, что его мелко била нервная дрожь. Он подошел ко мне очень близко, казалось, я чувствовал прикосновение его ресниц, и сказал ледяным голосом:

— Не смей ерничать, палач, не смей! Ты весь в прахе этих несчастных! Ты ничем не лучше, ведь ты не смог их полюбить, как самого себя. Даже не хотел! Что ты, что брат твой. — Он презрительно посмотрел на моментально побелевшего Гейтса. — Отродья гиены! Тщеславные пузыри! Что же вы на делали?

Я не был в курсе похождений Билла Гейтса, так что не мог оценить его подвигов, но, похоже, братец тоже времени не терял. Неожиданно Даниил смягчился, отошел от меня в глубину шатра и сел на камень, служивший ему стулом. Затем поставил руки на колени и уперся в кулаки подбородком.

— Все не так. — Учитель тяжело вздохнул и прикрыл глаза. — Все должно было быть совсем не так. Что же делать? — В его голосе звучали искренняя боль и смятение.

Так, подумал я, началось! Все пошло по кругу — Гефсиманский сад, мольба о чаше… Сейчас дадим слабину и нас порвут на части. К счастью, мои мимические мышцы вновь обрели силу, и я решил попробовать перевести беседу в конструктивное русло:

— Даниил, а что, собственно, случилось? Я не в курсе произошедшего у Билла, но уверен, что он, как и я, придерживался изначально одобренного тобой плана. Неужели ты пытаешься сказать, что Страшному суду подверглись те, чье время еще не пришло? И какие у тебя к нам претензии, если и силу даешь ты, и ангелы смерти подчиняются тебе? — Голова Даниила нервно дернулась, но он промолчал. Я продолжил: — Ты пойми — мы хотели как лучше! Мы ведь и беседы с гражданами вели, и исцеляли, и чудеса являли, а все без толку! Они все равно дерзят и меньше всего на свете похожи на раскаивающихся грешников. А тот факт, что они неправедны, проверен экспериментальным путем, согласен, довольно жестким, но иного ты нам и не предлагал!

— Прекрати, — закричал Даниил, — немедленно прекрати! За все время твоего нахождения в России ты ни минуты не испытывал любви и сострадания к людям. Ты только и делал, что упивался обретенной силой! Зачем ты решил убить Еноха? Разве я о чем-то подобном просил тебя или в моих словах ты услышал намек?

Крыть было нечем, и я замолчал, сосредоточенно изучая земляной пол шатра Даниила. Тот, в свою очередь, встал и принялся ходить из угла в угол:

— Я посылал вас быть судьями, а не палачами, а что сотворили вы? Смерть, ужас и опустошение. Тоже мне — слуги Божьи! И не надо мне говорить, Владимир, о глубине твоих страданий, так как они не удержали тебя от попытки расправиться со стариком.

Молчавший все это время Билл снял запотевшие очки, протер их о край хитона и, словно невзначай, обронил:

— В ошибках подчиненных в первую очередь следует винить менеджмент!

— Ты прав, — встрепенулся Учитель, — я ошибся, но не в вас, а в глубине заблуждения человечества! Я не учел того, как вам будет тяжело, и не смог подставить свои руки, когда чувствовал, что вы оступились. — Даниил тяжело вздохнул. — А может, так все и должно быть, и зря я терзаю себя сомнениями? — Он отвернулся от нас и, взявшись за голову руками, глухим голосом произнес: — Мне надо побыть одному. Ступайте, я сам вас найду.

ГЛАВА 19

Я уже и не вспомню, когда мы вот так по-братски оставались с Биллом вдвоем. Пожалуй, только во время поездки в Рим и первые часы после явления Даниила народу. Дней пятьдесят уж точно не виделись.

Мы шли по улицам Иерусалима, и я с удовольствием отмечал разительные изменения, произошедшие с городом. Так, например, в лавках появились сувениры с изображением Даниила, а у старого кладбища выстроилась гигантская очередь из заранее ждущих своего часа граждан. Правда, большинство из них дежурили явно не ради себя, и за немалые деньги были готовы уступить свое место богатеям из дальних стран. Бизнес — ничего не поделаешь.

Но, пожалуй, самым важным изменением, буквально бросающимся в глаза, стала перемена общего настроения в столице мира. Город успокоился. Традиционно разрываемый религиозными и этническими противоречиями, щетинящийся недоброжелательными взглядами хасидов и арабов, в районы которых чужакам лучше не соваться, Иерусалим переродился и предстал перед нами совсем иным. Он стал лучшим городом в мире, где для беседы с живым Богом не нужны телефоны и даже церкви, и все твои деяния у него на виду. Иерусалим — город, построенный на месте жертвоприношения Авраамом Исаака, вернул себе свое истинное предназначение. Он стал городом

беспрекословного подчинения слову Всевышнего, местом, послушным его воле, полным доверия и любви.

И еще Иерусалим стал городом сплошной субботы. Люди понимали — Мессия пришел, и ему не надо мешать работать. Лучше чуть-чуть подождать — очередь дойдет до всех. А пока еще можно кое-что исправить! Во всем мире было крайне сложно найти людей, более рьяно соблюдающих все мыслимые указания Моисея и Иисуса, чем соседи Даниила. Во многом это было связано с тем, что особо непримиримые были вынуждены покинуть свои жилища, а вновь прибывших не надо было убеждать в Его предназначении.

Забавно — в городе воцарилась мода на хитоны! От этого все вокруг стало напоминать безразмерный голливудский павильон, в котором непрерывно снимается картина на библейские сюжеты. Только постоянно лезущие в кадр автомашины и массовка, болтающая по сотовым телефонам, мешала жить. После теракта в гостинице «Царь Давид» смерть забыла дорогу в этот город. Люди стремились исправиться и жить по заветам, так что нужда в полиции и армии отпала сама собой. Даже политики покинули свои кресла. Правда, магазины продолжали работать, да и деньги по-прежнему были в ходу, но уже скорее по привычке — нуждающихся не осталось. Многие состоятельные граждане, не задумываясь, раздавали свои состояния страждущим. Денег было так много, что специально созданный городской фонд никак не мог их потратить. Жители Иерусалима молили Даниила о беседах, и он стал проповедовать по воскресеньям в мечети Омара. Одним словом — хорошо, хоть где-то жизнь налаживалась.

Гуляя с Биллом по Старому городу, я не без удовольствия рассматривал эту новую для меня реальность и жалел, что не смог в Москве добиться такого же результата. В одной из лавочек я увидел майку с изображением Билла и зашел под навес пообщаться с продавцом. Хитрющий араб расплылся в улыбке и стал тараторить, какая это честь для него, что апостолы нашего Даниила (и он, закатив глаза к небу, произнес — да святится имя его во веки веков!) зашли в его никчемную лавку. Тут же появились традиционный кофе по-восточному, сладости и холодная вода. Я был уверен, что, пока мы будем здесь сидеть, на

ближайшем столбе обязательно прикрутят табличку, гласящую, что это не просто лавка, а официальное место отдыха новоявленных апостолов Божьих.

Уже немолодой мусульманин легко приспособился к новой реальности. Он так же молился, как и все годы до пришествия Даниила, но теперь добавлял к имени Аллаха и его пророка Магомета еще одно. Это, конечно, несколько удлиняло процедуру, зато позволяло оставаться политически корректным. Довольно многие верующие, независимо от церковной и конфессиональной принадлежности, пошли по этому пути.

— Дорогой Хасан, — сказал я, с удовольствием отхлебнув изумительно вкусный кофе, — не мучай нас своим восточным хлебосольством. Просто скажи, в какую цену маечка с Биллом?

— Да как я могу брать с вас деньги? — всполошился араб. — Да пусть отсохнут мои руки, если такая мысль хоть на мгновение промелькнула в моей голове…

Я бросил быстрый взгляд в его сторону и сказал:

— Ты уверен, что этого хочешь? Думай, о чем просишь, а то может и свершиться.

Хасан побелел от страха, но смог выдавить из себя улыбочку:

— Грешен! Возникла одна просьба, но только одна.

— Слушаю тебя, — покровительственно сказал я.

— Можно, я возьму у вас автографы и размещу их на моей апостольской продукции?

— Зачем, — удивились мы, — ведь деньги тебе не нужны?

— При чем здесь деньги, хабиби, — залепетал продавец, — при чем здесь деньги? Просто у всего города такого нет, а у Хасана есть. Знаешь, как приятно?

Я многозначительно посмотрел на Билла — грех тщеславия Даниилу все же не удалось побороть. Моему брату захотелось продолжить игру, и он взял инициативу в свои руки.

— Скажите, уважаемый, — спросил Билл, — а майки с чьими портретами продаются лучше?

Хасан потупил глаза. Я даже не стал пытаться читать его мысли, так как происходящее в его мозгу напоминало круговерть барабана «Спортлото». — Вам не могу врать, — торопливо ответил Хасан, — оба хорошо идут! Но вас, уважаемый, сильно молодежь не любит. Эти ваши «окна», знаете ли, — Хасан долго подыскивал подходящие слова, — виснут постоянно! Так что в сердцах о вас много чего говорят. Некоторые даже покупали майки и рожки вам подрисовывали. Вы только не сердитесь…

Билл ухмыльнулся, достал из глубин хитона фломастер и размашисто расписался на майке со своим изображением. Затем еще раз посмотрел на свой портрет и быстро пририсовал ему симпатичные рожки. Полюбовался содеянным и добавил высунутый язык.

— Вот так в самый раз будет! — сказал Гейтс и отдал майку сияющему от восторга Хасану.

Я вежливо, но довольно решительно взял Билла под руку и вывел его из лавки на улицу. Отойдя шагов на пять, я махнул рукой назад, и майка с политически некорректными каляками, вспыхнув в руках изумленного Хасана, обратилась в пепел. Зато все остальные изделия с нашими изображениями оказались подписанными.

— Так, — улыбнулся я, — судя по не в меру самокритичному поведению, ты у себя в Америке наворочал дел почище моего?

— Ну да, — промямлил Билл, — а ты что натворил? Я был настолько занят, что не следил за происходящим в твоей части света.

— Я был добр: уничтожил весь цвет российской журналистики, провалялся три дня в обмороке, после чего обозлился на Еноха и

попытался его грохнуть. Но так как на помощь ему явился Илия в своей долбаной колеснице, то деды удрали, а я по случайности привел к единому знаменателю все население города Красноярска. Таковы вкратце мои подвиги. Это я еще не беру во внимание созидательную часть — работу с общественностью, властью и прочую лабуду.

— Впечатляет, — присвистнул Билл. — Но я тоже хорош, отличился по полной программе!

— Уничтожил всех нелегальных пользователей твоего софта? — ехидно предположил я. — Или нет, еще хуже: дал интервью вражескому каналу, а не нашему другу Теду, и он довел тебя до истерики?

— Ты недалек от истины, друг мой, совсем недалек. Знаешь, я ведь сначала думал, что после всей мощи, продемонстрированной Даниилом, мне будет довольно легко общаться с согражданами, но оказалось, что я совсем не прав. — Билл обернулся на лавку Хасана, очевидно, вспомнив отзывы о себе, пожал плечами и посмотрел на меня:

— Во многом я повторил твой путь. Решив, что при столь разветвленной сети дистрибьюторов продукции «Майкрософта» мне будет несложно донести слово Даниила до максимального числа пользователей, я первым делом открыл сайт. Посадил туда обученных людей, в задачу которых входили ответы на просьбы страждущих и выдача им советов о том, как вести себя в житейских ситуациях в соответствии с Учением. Идея пошла на ура, и вскоре количество ежесекундных обращений превзошло все самые оптимистические прогнозы. Появились наши колонки в газетах, были запущены программы на радио и телевидении. Конечно, внутренне я был готов к тому, что нелюбовь многих ко мне никуда не делась и рано или поздно она проявится, но они ударили меня по самому больному месту. Гейтс сжался, будто его били прямо сейчас.

— Ты знаешь, как непросто складывалась моя личная жизнь и как счастлив я в браке. Жена для меня столь много значит, что когда они устроили этот… — Билл не смог продолжать. Спазм перехватил его горло, кровь отлила от лица, а на глаза навернулись слезы. Пытаясь их сдержать, он высоко задрал подбородок и учащенно задышал.

— Успокойся, — сказал я, — может, не надо об этом рассказывать?

— Надо, — ответил Билл, — знаешь, как тяжело держать все это в себе?

Я подумал об Эльге, и мне стало стыдно за себя. Вот Билл — молодец, любит свою до беспамятства, заботится. А я — вышел из дома в Москве в домашнем халатике и через Красноярск в Иерусалим нон-стопом. И ни слова домашним — а они там, наверное, с ума сходят. Хотя бойцы у меня грамотные, что-нибудь наплетут. Надо им каких-нибудь сувениров привезти, что ли, да и про подарки Эльге не забыть.

Тем временем Билл справился с волнением и продолжил:

— Так вот, эти ублюдки взломали мой сайт и разместили на нем омерзительную порнуху. Лица всех «актеров» и «актрис» были заменены на наши!

— Твое и мое?! - У меня аж глаза округлились.

— Да нет, конечно, — мотнул головой Гейтс, — мое и Мелинды.

— Боюсь даже представить, что ты натворил.

— Даже не пытайся, — всхлипнул Билл, — это просто фильм ужасов какой-то. Я вспылил сразу! Не думал и не выжидал. Я чувствовал, как эти люди прилипли своими мерзкими рожами к мониторам и стали разглядывать всю эту похоть! Как своими жирными липкими пальчиками они расстегивают брюки, вываливая похотливые фрагменты плоти, и начинают их мять, думая, что вступают в интимные отношения с моей любимой. Как они тянут свои блевотные губы к монитору…

— Прекрати, — меня передернуло, — а то узнаешь, что я ел на завтрак! Мутит от таких подробностей.

— Я возжелал им всем смерти, — продолжал Билл, — страшной смерти, и она пришла! Я физически ощущал, как к своим целям устремились ангелы смерти, ведомые моим желанием. Судя по рассказам

судмедэкспертов, по неизвестной причине у всех, кто наблюдал в тот момент порнуху, взорвались мониторы, и мощнейший разряд неведомой природы обратил их в пепел. Примечательно, что тех, кто посещал этот сайт с нечестивыми мыслями, примерно в то же время посетило такое редкое явление, как одиночная молния. Причем, заметь, не шаровая! Некоторые из этих случаев произошли в закрытых помещениях, но сценарий повсюду оказался одинаковым. Стоит такой подонок где-нибудь в очереди, и вдруг разряд молнии. И все, вместо него серый пепел.

— Правильно ли я понимаю, что молнии — это образное выражение, так как ничего подобного ранее никто из свидетелей не наблюдал?

— Конечно, сам я их не видел… — Билл сделал паузу, смысл которой я оценил несколько позже, и добавил: — В тот момент.

— Должен тебе сказать, — перебил его я, — это прелюбопытнейшее зрелище. Они стремительны! Возникает ощущение, будто молнии сотворены из неведомого металла. Если быть точным, это никакие не электромагнитные разряды, это, братишка, ангелы смерти. С печальными суровыми лицами, пронизывающие своими стрелоподобными телами несчастных грешников. Наблюдать их за работой волнительно и тревожно — они клубятся, выбирая жертв, и от них не убежишь и не спрячешься. Не понимаю, почему их принимают за разряд молнии? Совсем не похоже — скорее это стрелы гнева!

— Согласен, — кивнул Билл. — Я смотрю, ты в России действительно покуролесил!

— Не отвлекайся, — отмахнулся я.

— Так вот, самая тяжелая судьба постигла разработчиков этого похабного контента и хакеров, взломавших мой сайт. Обратились в прах не только они, но и члены их семей. У одного было несколько любовниц, так их всех испепелило!

— А не проклял ли ты, братец, весь их род и всех их близких? — спросил я, состроив наигранно грозную мину.

Вместо ответа Билл опять стал играться со своими очками, снимая и лихорадочно протирая их.

— Слушай, прекрати, а! — не выдержал я. — Мы-то с тобой прекрасно знаем, что у тебя идеальное зрение, так что можешь выбросить свои окуляры!

— А что я тогда буду теребить? — возмутился Гейтс. Прочитав мою очевидную скабрезную мысль, он густо покраснел и укоризненно посмотрел на меня:

— Да, знаешь ли, имидж — в очках я для людей как-то привычнее. Так вот, на этом мои приключения не закончились. Вдруг все вокруг забыли о том, что я помогал любому страждущему и раздал все деньги неимущим. Все добро, когда-либо сделанное мной людям, в момент перечеркнули журналисты. История приняла совершенно неожиданный для меня оборот. Какой-то полицейский из Сан-Франциско озадачился исчезновением стольких людей и умудрился проследить, что единственное объединяющее их обстоятельство — ненависть ко мне и любовь к порнографии.

— Старичок, — засмеялся я, — таких пациентов процентов шестьдесят от всего половозрелого населения земного шара!

— Шути-шути, — обиделся Билл. — Тебе легко, а у меня был настоящий шок, когда газеты стали печатать списки пропавших. При этом сначала никто не связал все эти таинственные случаи поражения самых разных людей со мной, и когда этот полицейский выдвинул свои предположения, его сразу же подняли на смех. Я уже подумал — пронесло, хотя, с другой стороны, чего мне бояться, ведь по заслугам получили грешники, а не какие-нибудь случайные люди? Но не тут-то было. Я и представить себе не мог, сколько народу лазило на мой сайт за мерзкими картинками и, соответственно, скольких постигла кара небесная. Счет шел на сотни тысяч людей, среди которых оказались не только прыщавые программеры, но и сенаторы, конгрессмены, известные деятели культуры, бизнесмены, полицейские и агенты ФБР. Даже пара губернаторов! И что меня особенно огорчило — неслабое количество сотрудников «Майкрософта».

— Не может быть! — Я заломил руки в притворном ужасе.

Билл не почувствовал издевки в моем голосе и продолжал:

— На меня подали в суд и даже вручили повестку! Меня травили во всех газетах и по всем каналам телевидения. Вряд ли это могло пройти мимо тебя. Я потупил глаза. Действительно, о каком-то смешном скандале в Америке мне говорил Илья и даже клал на стол распечатки, но я был настолько погружен в решение своих российских вопросов, что жизнь колорадских жуков меня не интересовала. Билла не очень огорчила моя реакция. Ему надо было выговориться, так что он и не думал останавливаться:

— Меня представили этаким графом Дракулой, а моих обидчиков агнцами, тем более что многих из них было довольно сложно заподозрить в увлечении порносайтами. Мол, они мне на ногу в подземке наступили, а я их молниями по фейсу. Шизофреник, короче. Мне вспомнили все, даже тот факт, что мои друзья, то есть Даниил и ты, — родом из России. Не могу перечислить всех глупостей, озвученных в это время! Конечно, меня поддерживали друзья и даже президент, но когда и он мне на полном серьезе посоветовал взять хорошего адвоката, я вспылил и пошел по твоему пути — созвал пресс-конференцию. И что ты думаешь? Заявки прислало столько желающих, что пришлось снять «Мэдисон Сквер Гарден»! Ну, а там я устроил бойню почище твоей московской.

— Да, переплюнул ты меня! И сколько граждан США ты уконтрапупил, то есть, извините, осудил?

— Да боюсь даже прикинуть, — Билл шмыгнул носом, — но, по-моему, до миллиона недалеко.

— Силен! — Я уважительно посмотрел на Гейтса: — Только вот чего я никак не пойму — ведь мы с тобой действовали не в один день, так? Тогда почему ни тебе, ни мне Даниил даже не пытался подсказать, каким путем идти?

— У меня нет ответа, — сказал Билл, — должно быть, ему было не до

нас. Много дел. Вот ведь вроде в Израиле жизнь наладилась?

— Какая жизнь?! - Меня аж передернуло. — В этом городе нет смертей, но заметь, что и рожать перестали! Что, разом у всех женщин младенцы не хотят вылезать из утробы?

— Не младенцы, — насупился Билл.

— А кто?

— Правильнее говорить — плод.

— Слушай, филолог, ты хоть понимаешь, о чем я говорю? Что ты придираешься по пустякам?! Посмотри — мы живем в странной реальности: апостолы в отдельных странах и для выборочных категорий граждан устроили настоящий геноцид, назвав его Страшным судом. Ничего не напоминает, не смущает? Как к нам могут относиться люди, если мы просто испепеляем их знакомых и родственников? Заметь, мы ведь начали не с преступников всех мастей, а пошли по пути личной мести. Убийц, насильников и казнокрадов мы не тронули…

Я замер — одна и та же мысль одновременно обожгла нас с Биллом. Мы переглянулись.

ГЛАВА 20

Идея была настолько красивой, что даже странно, почему мы ее раньше не воплотили в жизнь. Разумеется — вначале надо было осудить всех преступников! Выгода налицо: впервые в истории неотвратимость наказания будет стопроцентной и произойдет полное очищение общества от асоциальных элементов. А какой будет воспитательный эффект для молодежи, увлекающейся ложной бандитской романтикой!

Вот сказанул! Хоть в многотиражку Управления по делам наказаний отправляй. Одним словом — совок. Видимо, из подкорки советские штампы уже ничем не вытравить.

— А что на это скажет Даниил? — спросил Билл. Его до сих пор трясло от недавно прошедшей взбучки, и перспектива очередного разбора полетов определенно беспокоила. Я хлопнул его по плечу:

— По сравнению с тем, что ты уже натворил, братец, это будет не так страшно. Хотя общее число жертв точно будет под миллион!

— Это если мы ограничимся Штатами и Россией, — заметил Билл, — а если в мировом масштабе?

— Биллушка, ты случаем кино про Чапаева в детстве не смотрел? Уж больно ты Петьку этой фразой напоминаешь! — Я улыбнулся: — Отвечу: в мировом масштабе никому мало не покажется, но на такое со всех сторон правильное деяние Даниилу точно возразить будет нечего.

— Вряд ли, — Гейтс нахмурился, — еще начнет разбойниками, которые вместе с Христом были распяты, попрекать. Один-то покаялся и в Христа уверовал, а вечером уже восседал у престола отца Его.

— Может, — задумался я. — Ну, значит, надо дать им шанс, предупредить заранее. Предоставить определенное время для размышления, а по истечении его привести приговор в исполнение.

— Хорошая задумка, — Билл потер переносицу, — но как нам ее покорректней осуществить? И с каких категорий граждан, нарушивших закон, начинать будем?

— Ты где этой словесной шелухи про граждан нахватался? — Я сурово нахмурил брови и осуждающе посмотрел на младшего апостола: — Ладно я, мне простительно. Я все-таки продукт советской эпохи — октябренок, пионер, комсомолец. «Нерушимый союз партийных и беспартийных», «Партия и Ленин — близнецы-братья», «Решения 25-го съезда КПСС в жизнь», «Слышишь, шпалы гудят — БАМ», «Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги» и все такое. М-да…

А ты, сытый форин, чего так говоришь?

Билл расплылся в самодовольной улыбке. По-солдатски вытянулся, щелкнул каблуками, вытаращил глаза и гаркнул, пародируя собственное представление о Кремлевском карауле: — Виноват, товарищ Первый апостол!

Зрелище было настолько неожиданным и комичным, что удержаться было невозможно. Я прыснул в ответ и легонько ткнул Билла в живот:

— Подтяни пузырь, стоишь, как беременная баба, а не верный защитник Социалистической Родины. Ничего, со мной поведешься, еще не такого наберешься! А теперь о деле. Если незатейливо привести к единому знаменателю абсолютно всех преступников, то мы опять превысим свои полномочия. Ведь, как ни крути, существуют разночтения в уголовных кодексах разных стран. Что, если, скажем, болгарин совершит преступление в Эмиратах, которое в его стране таковым не считается? Какой из кодексов нам с тобой применять? Или наши ребята, взорвавшие террориста в Катаре? По местным законам это тюрьма, а по нашим — ковровая дорожка и правительственная награда.

— Владимир, а зачем нам вообще задумываться на эту тему? Ведь мы же не разбираем оттенки цветов, здесь все гораздо проще. Считай, бинарная система: или-или. Если грешен — душу в Ад, если чист — в Рай.

— Это смотря с кем сравнивать. — Я покачал головой. — Так мы вообще без свидетелей наших подвигов останемся. Увы, дорогой друг, экзамен на сообразительность ты провалил — не предложил объективных критериев отбора.

— Ну, это очевидно, — буркнул обиженный Гейтс, — десять заповедей!

— А вот дуться не надо, рядовой! На обиженных воду возят! — Я настолько вошел в образ отца-командира, что никак не мог сбросить эту солдафонскую словесную шелуху. К счастью, кроме надутых губ, Билл ничем не выказывал своего недовольства моим поведением.

— Предположим, что мы пойдем по предложенному тобой пути, — продолжал я. — Во-первых, заповеди делятся на запрещающие и предписывающие. По поводу «не убий», «не укради», «не возжелай» и «не лжесвидетельствуй» еще более-менее понятно, а вот как быть с соблюдением дня субботнего и почитанием родителей? Что, заставим всех христиан вместо воскресенья ходить в храмы по субботам? Или пусть лучше вообще оттуда не выходят, чтобы не дай бог не промахнуться с календарем?

— Согласен, — моргнул Билл. — Давай тогда начнем с запрещающих заповедей!

— Прелюбодеяния считать преступлением? А гомосексуализм? В Левите сказано, что кровь их на них. Нас с тобой прогрессивная общественность и так на дух не переносит!

Билл улыбнулся:

— А зачем нам их любовь? В исторических хрониках о нас все равно не будет записи — некому будет не только записывать, но и читать. Прелесть нашего положения состоит в том, что мы над законами общества. Даниил назначил нас волей Своей, и никто из субъектов права ничего не сможет с этим поделать. Говоря их языком, мы вне юрисдикции.

— Прекращай умничать, — я снова ткнул Билла в бок, — у меня есть элегантное решение.

— Весь внимание, товарищ командир!

— Предлагаю разбить задачу на две. А именно: кого привлечь и как привлеченных оповестить. Ответ на поверхности. Сказано: «…пришел я исполнить закон». Таким образом, все те, кому по предписаниям в Ветхом и Новом Заветах за их деяния светит смертная казнь, — те ее и получат.

— Разумно, — согласился Билл.

— Спасибо. Теперь давай подумаем о том, как граждан предупредить. Можем каждому из них письмо послать, но не факт, что оно дойдет, так как почта не идеальна, да и что греха таить, не все читать умеют. Так что этот вариант сразу отпадает. Звонить мы тоже никому не станем — несколько миллионов звонков в наши планы определенно не входят. Остается только нетривиальный вариант. Давай каждому в ухо предупреждение нашепчет его личный ангел смерти! Наши смертоносные ребята выйдут на позиции, но перед тем как атаковать, пусть пошепчутся с осужденным и сами на месте оценят глубину раскаяния.

Нам не было суждено завершить свой интеллектуальный поиск именно сейчас, так как кольца Давида засияли и в воздухе возникла надпись на арамейском:

— Время пить кофе!

Билл ошарашенно уставился на сияющие буквы:

— Ни фи… Ничего себе! Мы что, подписали рекламный контракт с Ассоциацией производителей кофе?! Или кто-то нагло присвоил наши технологии передачи сообщений?

— Думаю, все гораздо прозаичнее. Оказывается, у Даниила весьма специфичное чувство юмора, и таким образом нас приглашают на беседу в ближайшую кофейню.

ГЛАВА 21

Даниил был в прекрасном расположении духа. Казалось, что недавнего неприятного разговора не было вовсе. Он был даже слегка кокетлив. Должно быть, именно поэтому выбрал фантастически неудобное для

беседы место.

Наш коллектив сидел в маленькой забегаловке за столиком, стоящем в самом углу. Всего в кондиционированном помещении размещалось столов десять, было мило, чистенько и вкусно пахло ванилью. Судя по всему, кофейня пользовалась заслуженной популярностью у местных жителей — зал был полон. Поэтому мы не смогли приступить к беседе до тех пор, пока Даниил не обошел всех посетителей и не благословил их. Те, естественно, падали ниц, целовали ему ноги, молились и били земные поклоны. Проделывать такое в столь маленьком помещении было крайне неудобно, поэтому ресторанная мебель под напором молящихся тел ходила ходуном. Дело успокоилось коллективной молитвой, и лишь после этого все вновь расселись за свои столы и вернулись к еде.

Слух о том, что Мессия зашел в кофейню, мгновенно облетел весь город, и любопытные толпами бросились к этому заведению, чтобы хоть одним глазком увидеть Спасителя. А если повезет, то и дотронуться до него. Даниила сей факт только радовал:

— Парни, хотите кофейку? Божественный вкус, уверяю вас! — Он отхлебнул из чашки и блаженно прикрыл глаза: — Знаете, я придумал, как нам жить дальше!

— Даниил, ты хочешь, чтобы кроме нас об этом сразу узнал весь Иерусалим? — удивился я. Столь внезапно проснувшаяся любовь Даниила к выходам в свет была для меня полной неожиданностью. — Может, уединимся?

— Владимир, — Учитель укоризненно посмотрел на меня, — я так много времени провел в уединении, а в предыдущие годы в безвестности, что мне приятно вновь оказаться среди людей.

— Ты и так раз в неделю читаешь им проповеди!

— Тогда я «оказываюсь» перед ними! Неужели ты не скучаешь по обычной жизни?

— Все это, — я недоуменным взглядом обвел помещение, — с целованием ног, утрамбовыванием лбом полового покрытия и толпой верующих, облепивших кофейню, ты называешь «обычной жизнью»?

— Нет, но это лучше, чем изо дня в день сидеть в шатре одному. Знаешь, мне здесь нравится! А в тебе говорит ревность. Не забывай, что ни тебе, ни Биллу я не принадлежу!

— При чем здесь ревность? — возразил я. — Конечно, ты не наша собственность, это мы все, живущие и жившие на этой земле, принадлежим тебе.

— У меня было такое замечательное настроение, — вздохнул Даниил, — а ты опять в патетику впадаешь. Знаешь, как я устал от этого? Посмотри, сколько маленьких радостей предлагает нам жизнь! Вот, попробуй-ка эту выпечку.

От того, что Даниил использовал выражение, свойственное питерским жителям, меня, как москвича, передернуло.

— Что и требовалось доказать! — воскликнул он. — Ты живешь в ограниченном мире собственных представлений и не хочешь насладиться вкусом булочки только потому, что тебя коробит название. — Даниил захохотал, с видимым удовольствием наблюдая за нашими изумленными лицами.

Вежливо говоря, мы с Биллом были в шоке. Такого Даниила я видел впервые. К нашему столику подошла хорошенькая рыженькая официантка. Мини-юбка с трудом принимала ее пышные формы, а короткая кофточка явно не справлялась с высокой крепкой грудью, так что оголенный животик похабно поблескивал дешевой сережкой в пупке. Даниил проводил ее взглядом, в котором я не заметил братской любви.

— Сарра, подойди к нам! — подозвал ее Даниил.

Смущенная девушка, отставив в сторону поднос, приблизилась к столу. Судя по всему, Учитель бывал в этом месте уже не раз и официантку

знал хорошо.

— Посмотри на эту красавицу! — сказал он, приобняв Сарру за талию, и прислонился щекой к ее животу. — Разве она не прекрасна? А почему вы так смущены? Что, ты с Эльгой и Билл с Мелиндой можете наслаждаться прелестями плотской любви, а я должен бродить по саду с печальным лицом? — Глаза Даниила загорелись. — Друзья мои, а почему бы нам не устроить совместную посиделку? Давайте доставим сюда ваших дам и проведем прекрасный вечер!

Перебор, явный перебор! Уже пять минут назад мне хотелось себя ущипнуть, чтобы проверить реальность всего происходящего, а теперь это! Ладно, все хорошо — просто я сплю или, может быть, даже сошел с ума. Потому что не может Даниил вот так обращаться с девушками. Подожди, почему не может? Ты хочешь сказать, что до встречи с тобой он не знал радости плотских утех? Почему? Парень он видный, жил среди людей и никогда даже не заикался о своем монашеском статусе. Это я сам решил, что он должен быть аскетом, так как в Евангелии Христос представлен именно таким.

Стоп. В каком Евангелии? В неканонических писаниях о Христе совсем другие свидетельствования. И смеялся, прямо как Даниил, и Марию любил целовать в уста, если верить Евангелию от Петра, так что, может быть, все вовсе и не так страшно? Ведь президент Путин поцеловал маленького мальчика в живот, и ничего, никаких дурных ассоциаций. А Даниил всего лишь щекой прикоснулся. Чего это я в истерике бьюсь?

Все равно, идея о совместной посиделке с женами — это перебор. Вот ведь красавец! Вытащил меня прямо из пекла схватки с Енохом, не дал вернуться домой и привести себя в порядок, отчитал как мальчишку, так что я решил, что сейчас и за мной ангел смерти явится, после чего выставил нас с Биллом восвояси, а спустя какой-то час уже предлагает совместно предаваться радостям жизни. У него с головой все в порядке? Да и хорош я буду в глазах Эльги, когда она увидит Даниила таким вот расслабленным, с рыжей красавицей на коленях. Пи фига она не поверит в мои тяжелые апостольские будни! Решит, что у нас все встречи так проходят, а значит, и моя рыженькая где-то поблизости припасена. Вот тогда нам всем точно будет полный апокалипсис!

Я был увлечен собственными рефлексиями и не следил за происходящим в сознании Билла. Но Билл настолько выразительно смотрел на меня, что я понял — мысли и чувства у нас одинаковые. Однако впервые наши внутренние монологи в присутствии Даниила не вызвали у него никаких комментариев. Нашему учителю было не АО нас. Он с явным удовольствием шептался с Саррой, то и дело поправляя выбивающийся из ее прически локон, и целовал ее в щеки.

Несмотря на жару, меня бросило в пот. Появись снимки из кофейни в газетах — и нам конец! Кто поверит в Христа-бонвивана? Учитывая, что Сарра рыженькая, мы навсегда потеряем поддержку всех блондинок и брюнеток! Хотя с чего я взял, что у него одна только Сарра, может, он подобен царю Соломону или нашему Владимиру Красно Солнышко? Те тоже были большие охотники до дамского общества. А в Великобритании блуд и вовсе привел Генриха Восьмого к необходимости учреждения англиканства.

Наконец-то Даниил вспомнил о нашем существовании. Очевидно, что-то из моего внутричерепного нытья позабавило его, и он посмотрел на нас. Причем руки его по-прежнему находились в тесном контакте с телом Сарры — только теперь он держал их на ее талии.

Интересно, а она потом моется? Как-никак на ее теле отпечатки рук и губ Мессии! Надеюсь, что Моника Левински не ее родственница, а то конфуза точно не избежать. Представляю себе эти заголовки: «На моей кофточке есть пятна страсти!» или «Мое тело — живая икона». Так, предположим худший вариант — это любовь. Таким образом, наше с Биллом место уже не рядом с Даниилом, а, скажем так, чуть дальше. Кстати, я же вообще ничего о нем не знаю, ну, кроме некоторых фактов из его биографии. Странно — ни его мать, ни отчим за все это время не проявились. Если они умерли, где их могилы? И почему Учитель никогда об этом не говорил? А теперь эта Сарра. Интересно, сколько их было до нее? И как быть со свидетельствованием Матфея:

«Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй.

А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой

соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну».

Или что, он неправильно записал за Христом?

Даниил не прерывал моих размышлений, но взгляд его становился все печальней. Когда я дошел до цитирования евангелиста, Учитель убрал руки от Сарры и сделал жест, по которому девушка удалилась. Теперь уже никто нам не мешал. Настроение Даниила менялось стремительно. Он поднял руки, и мы стали невидимы для посетителей кофейни, так как по воле Учителя перенеслись в место, гораздо более приспособленное для откровенной беседы.

ГЛАВА 22

Вопреки моему ожиданию, мы не вернулись в Гефсиманский сад. Судя по всему, это место уже порядком надоело его переменчивому постояльцу. Однако для продолжения беседы с нами Даниил выбрал не менее живописное место. Гора Синай. Именно отсюда смотрел Моисей на Землю обетованную, в которую ему не суждено было войти. Здесь, у часовни святой Екатерины, мы и расположились.

— Владимир, — обратился ко мне Учитель, — как ты думаешь, почему Моисею, которого Господь выбрал в собеседники, не привелось завершить сорокалетний переход со своим народом?

— Ослушался? — предположил я.

— Именно так! — ответил он и обернулся к расстилающимся перед

нами видам: — Посмотри на Землю обетованную. Вот она, как на ладони, простирается перед тобой. Земля, обещанная роду Авраама! И лучший из сынов человеческих, отдавший всю жизнь свою служению, пожертвовавший всем для порабощенного народа своего, оказался наказан Господом. Был ли хоть кто-нибудь тогда или же после, кто мог бы приблизиться к его величию? Нет. Моисей велик, и поэтому наказание ему досталось страшное. Ибо кому многое дано, с того многое и спросится.

Даниил посмотрел на меня:

— Где вера твоя? Во что веришь ты: в меня живого или в тот образ, который в угоду многим был многократно искажен? Ты вспоминал стихи из Евангелия от Матфея, но ведь он не записывал за Христом, так что вряд ли это можно назвать точным цитированием. Посуди сам — вся Библия населена яркими живыми образами. Эмоции хлещут через край, ветхозаветные патриархи предстают объемными, сильными, противоречивыми личностями. Давид, ради любви творящий предосудительные поступки, или Соломон, чуть не поправший веру отцов своих из-за прекрасной чужестранки! Да тот же Моисей — гневающийся и скорый на расправу. Ведь он ни на минуту не задумался, когда убил надсмотрщика, поднявшего руку на еврея! А резня, устроенная им для впавших в искус от Златого тельца? Сравни эти характеры с тем, каким рисуют Христа евангелисты! Никаких живых эмоций. Разве это тридцатилетний мужчина, полный сил и здоровья? Конечно, нет. Какой-то немощный дряхлый старик с вечно устремленными в небеса плаксивыми глазами. Но я не такой, и тогда был иным. Неужели так сложно тебе это понять, ведь ты не косный человек? Ты молодой, полный страстей журналист, в конце концов! Если снимать фильмы по Евангелию, то актерам и играть-то будет неинтересно. Канонический образ Христа слишком плоский, будто в объемную цветную картину подставили черно-белую аппликацию. Не вяжется все это с тем, каким Христос был тогда. Разве из таких людей получаются лидеры? А ведь за ним шли, и одного слова его было достаточно, чтобы оставляли люди дела свои, и семьи, и покойников своих. Такова сила и масштаб его личности. Сравни деяния Христа с описанием его — не вяжется, так как деяния правдивы, а образ сильно

искажен.

Даниил вздохнул:

— Мысли твои были печальны и тревожны, а главное, ты совершаешь ту же ошибку, что и евангелисты. Все это не обо мне, а о тебе и для тебя. Какая разница, что увидят и напишут журналисты? Для меня это уже неважно! Но не для тебя, ибо ты пытаешься казаться, а не быть. Именно поэтому ты волнуешься об отражении жизни, а не о том, что действительно происходит вокруг тебя.

— Даниил, позволь мне сказать хоть слово! — взмолился я. — Конечно, я не вправе поправлять тебя, но разве не ты говорил о том, как важно показать всему миру, что ты и есть Христос? Если журналистика не важна, зачем мы устроили все эти телевизионные шоу? Разве не благодаря им весть о тебе облетела весь мир? Наша профессия так устроена, что мы всегда имеем дело с отражениями. Массовое сознание получает продукт в преобразованном, отраженном и превращенном виде, и тот, в свою очередь, сам становится иной телевизионной реальностью. А спустя некоторое количество времени уже неизвестно, что более реально — история, вызвавшая интерес людей, или их представление о том, что там на самом деле было. — Так было до конца времен! Теперь все изменилось, и не без вашего с Биллом участия, — по лицу Даниила промелькнула усмешка, — вы оба приложили максимум усилий, чтобы обезглавить мировой журналистский корпус! Пойми, Владимир, все эти рассуждения о значимости общественного сознания абсолютно справедливы, но я говорю не об этом. Ты пытаешься убедить меня в том, что Сарра не вызвала у тебя чувство тревоги и ревности, хотя я вижу, что это не так. Не за мою репутацию ты боишься. Под ударом оказались сразу два основополагающих постулата твоего нынешнего бытия. Первый — представления обо мне, построенные на евангелических текстах, и второй — о том, что нет никого ближе ко мне, чем вы с Биллом.

Даниил подошел ко мне вплотную, и я старался не смотреть ему в глаза.

Было больно. Во многом оттого, что Учитель был абсолютно прав. Не о нем я беспокоился — о себе. Мне так нравилось мое предназначение, и

я не хотел терять его. Мы с Биллом не просто апостолы, мы архангелы, и поэтому нас двое! Мы на стороне добра, и нам противостоят силы зла. Тоже двое — Енох и Илья. Все понятно и разумно. Господи, мне так нравится чувствовать силу! Впервые за долгие годы я ни о чем не тревожусь. Я на вершине славы и могущества. Я настолько велик, что могу позволить себе роскошь быть скромным и незаметным, а при знакомстве называть свое имя, будучи полностью уверенным в том, что его и так все знают. Мне нравится ловить на себе восхищенные взгляды. Слава развращает — привыкаешь в минуту.

Но как теперь быть? Наверное, мне должно быть безумно стыдно, но во мне живут совсем другие чувства. Я веду себя как маленький ребенок, капризничаю. Ну, появится кто-нибудь еще у Даниила, и в чем трагедия? Ведь это никак не может отразиться на моем статусе. Формально все останется по-прежнему. В иерархии мужчин мне равных нет. НЕТ, не помогает! Черная зависть жжет меня изнутри. Чувство сродни ревности к женщине — кровь пульсирует в висках! Может быть, и в истории с Нудой все было не так просто? Не деньги, а ревность ученика, который более не был самым любимым? Иуда посмел отвернуться от Христа, но я начинаю чувствовать эту трагическую историю совсем по-другому, ведь и тогда, две тысячи лет назад, не обошлось без участия женщины:

Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову. Увидев это, ученики Его вознегодовали и говорили:

К чему такая трата?

Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим.

Но Иисус, уразумев сие, сказал им:

Что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня:

ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете;

возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению;

истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала.

Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его.

Иоанн называет имя этой женщины — Мария! Хорошо, что хоть не Сарра, все же не прямая аналогия. Иуда ревновал! Должно быть, он свыкся со своим положением среди других апостолов, но появления женщины перенести не смог.

— Владимир, не бойся! — сказал Даниил. — Я помогу тебе, а то сам ты, похоже, не справишься. Ты не предашь меня! Сейчас тебе больно и тяжело, но это чувство пройдет. Никто не заберет твое место по правую руку от меня, ведь не ревную я тебя к Эльге. Мальчик не закричит: «А король-то голый!», и твоего общества все так же будут жаждать сильные мира сего. Сказал же я тебе, что ты камень, на котором я построю здание новой церкви. И от слов своих не откажусь. И чувств своих не пугайся, ибо сказано:

В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном.

Даниил смотрел на меня с любовью:

— Ты ведешь себя как ребенок и был таким, когда я встретил тебя. Поэтому я и выбрал тебя из многих, ведь ты смог уверовать и загореться всем сердцем. Но огонь нелегко укротить, вот и мучаешься ты, и совершаешь поступки, подчас необдуманные, но от сердца. А в сердце — Я!

Мне не удалось сдержать всхлипывания, и я разрыдался как младенец. Даниил обнял меня и, поглаживая мои волосы, сказал:

— Все будет хорошо. Не стыдись своих слез, это очищение.

Я успокоился довольно быстро. Потупил взор, отстранился от Даниила, пару раз глубоко подышал и сказал:

— Прости — накатило! Уж больно много всего случилось за последние дни.

Стоявший все это время в стороне Билл вернул нас к реалиям:

— Учитель, в кофейне ты сказал, что знаешь, как нам жить дальше.

Даниил посмотрел на него и улыбнулся:

— Прошло не так много времени, а ты уже не точно цитируешь. Я сказал, что ПРИДУМАЛ, как нам жить дальше. Надо дать человечеству еще один шанс на исправление. Люди не так глубоко погрязли в пороках, как им кажется. Просто они хотят казаться хуже, чем есть на самом деле. Человечество ведет себя как маленький ребенок. Дети в какой-то момент совершают ошибки и начинают упорствовать в своих заблуждениях. Переходят в этакий ступор и начинают красоваться тем, насколько они плохие. Так что иногда им приходится наподдать, дабы они перестали упорствовать и вышли из этого состояния.

Учитель подмигнул нам:

— Пора начинать жить по заповедям Нового Завета, вернуться к чистоте отношений ранних христианских общин. Вам необходимо блюсти чистоту жизни на Земле, а помогут достойнейшие из нынешних земных правителей. Сказано — Богу Богово, а Кесарю кесарево. Кесари свое уже забрали, пришло время иной жатвы. Оповестим человечество и представим пастырей вскоре, но поначалу паршивых овец из стада надо извести, иначе труд ваш будет пустым. И отчаяние ваше будет сродни страданию Моисея. И повторится печальная история Исхода:

И обратился и сошел Моисей с горы; в руке его [были] две скрижали откровения, на которых написано было с обеих сторон: и на той и на другой стороне написано было; скрижали были дело Божие, и письмена,

начертанные на скрижалях, были письмена Божии.

И услышал Иисус голос народа шумящего и сказал Моисею: военный крик в стане. Но [Моисей] сказал: это не крик побеждающих и не вопль поражаемых; я слышу голос поющих. Когда же он приблизился к стану и увидел тельца и пляски, тогда он воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали, и разбил их под горою; и взял тельца, которого они сделали, и сжег его в огне, и стер в прах, и рассыпал по воде, и дал ее пить сынам Израилевым. И сказал Моисей Аарону: что сделал тебе народ сей, что ты ввел его в грех великий? Но Аарон сказал: да не возгорается гнев господина моего; ты знаешь этот народ, что он буйный.

Они сказали мне: сделай нам бога, который шел бы перед нами; ибо с Моисеем, с этим человеком, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что сделалось. И я сказал им: у кого есть золото, снимите с себя, и отдали мне; я бросил его в огонь, и вышел этот телец.

Моисей увидел, что это народ необузданный, ибо Аарон допустил его до необузданности, к посрамлению пред врагами его. И стал Моисей в воротах стана, и сказал: кто Господень, — ко мне! И собрались к нему все сыны Левиины.

И он сказал им: так говорит Господь Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего. И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек. Ибо Моисей сказал: сегодня посвятите руки ваши Господу, каждый в сыне своем и брате своем, да ниспошлет Он вам сегодня благословение.

— Так вот, — подытожил Даниил, — в ваши руки мечи уже вложены, так что, не дожидаясь, пока выйдет телец из огня, осуществляйте ваш план. И пусть падут грешники необузданные.

Билл в изумлении посмотрел на меня. Воистину, ничто не скроется от Учителя! Все наши чувства и мысли открыты перед ним.

ГЛАВА 23

Возвращение в Москву прошло незаметно. Ни тебе роты Почетного караула, ни ковровой дорожки. Открыл дверь, проорал: «Дорогая, я дома!», и все. Мог бы сразу материализоваться в спальне или на кухне, но зачем так пугать любимую девочку?

Только не надо меня спрашивать, где я все это время был. Зачем тебе волноваться? Просто у меня работа. Есть такая профессия — Бога защищать. Бот и все. А теперь тяжело вздохнуть, стянуть через голову хитон, продемонстрировав замечательную мускулатуру и шрамы — память давних сражений, и опуститься на стул с уставшим видом. Вымученно улыбнуться и… Ой, а под хитоном-то ничего и нет! Дурацкий, наверное, у меня видок.

Эльга не собиралась играть со мной в продолжение «Офицеров». Она просто стояла и молча, со странным выражением лица смотрела на меня. Но когда я разделся, смысл ее взгляда стал мне понятен. Она ждала меня. Но ждала не как сверхчеловека, апостола, архангела или кого-то там еще. Ей нужен был я — и ничего более. Она подошла ко мне…

А вот что было дальше, не расскажу. Люди взрослые сами все поймут. Лишь напомню, что один из выдающихся деятелей христианства переживал — все тело подчинялось его воле, и только один малый орган никак не желал слушаться. Мне повезло больше. В баталии, которая завязалась у нас в прихожей, перекинулась в ванную комнату, прогромыхала в столовой и победоносно завершилась в спальне, малый орган слушался не только меня, но и мою любимую. Так что доволен им остался не я один. Хотя, конечно, лучше бы он был немалым.

Грешен, был соблазн исправить не только вес, но и фигуру. Конечно,

закрадывались мысли и росточку добавить, да и мужскую радость подрастить, но я так и не решился. Забавно, несмотря на все многообразие представителей людской природы, у нас всех, несомненно, есть немало общих черт. Независимо от расы, языка, культурной традиции и уровня жизни, всех женщин мира объединяет недовольство собственной фигурой. Конечно, не в целом, а лишь отдельными ее фрагментами. Вряд ли можно найти хотя бы десяток девушек, одновременно довольных как размером своей груди, так и попочки. Единственное, что спасает ситуацию, — несовершенство всех остальных.

У мужчин все намного сложнее. Во-первых, хитрая нижняя мышца совсем не поддается тренировкам — накачать ее, как бицепс, нельзя. Так что даже самые мощные атлеты порой в бане выглядят на редкость глупо. Этакий славянский шкаф с крохотным ключиком, нелепо торчащим из двери. Все рассказы о том, что размер не имеет значения, важно уметь агрегатом пользоваться — категорически не помогают. Можешь быть академиком, маршалом, чемпионом мира по боксу, директором вселенной, поп-идолом, президентом — не спасает! Снимаешь пиджак с орденами, стягиваешь брюки — и все! Холодный взгляд — и ты понимаешь, что здесь, на этом поле битвы, уже побывал чудо-богатырь с мечом-кладенцом поболее твоего. Жуть! Трагедия! Силикон не вкачаешь. Но и на этом несчастья не заканчиваются. Вот ведь женщины — теоретически у них не может случиться конфуз. А тут — поцелуи, поцелуи, но кто-то сегодня никак не хочет просыпаться и вставать на работу. Все органы уже здесь и ждут, а у этого, видите ли, падучая. Тетки могут, даже когда не хотят, а вот мы порой хотим, но не можем. Несправедливо. Учитывая вышесказанное, во время проведения допроса, чтобы сломить волю мужчины, его надо раздеть. А в случае с женщиной это приведет к обратному эффекту — ферштейн зи мих? Вот как всегда — начал с фильма «Офицеры», а закончил какой-то немецкой порнухой: «Дас ист фантастиш!!!»

Короче говоря, не стал я желать себе всяких агрегатов чудных для сексуальных утех, потому что это пошло. И так сойдет. Хотя, может быть, спроси я у Эльги, результат был бы иным. Шутка. Мои мысли стали путаться и все больше напоминали вечерний бред маленьких

детей перед отходом ко сну. Но последнюю я запомнил вполне отчетливо:

Я ведь ни разу не предохранялся, почему Эльга не беременеет?

Проснулся я за несколько минут до телефонного звонка и, когда аппарат, используемый для связи с президентом Путиным, только приготовился выдать первую трель, тут же ответил:

— Доброе утро, Владимир Владимирович! Да, я в курсе.

— Здравствуете, Владимир, — ответил Президент, — а в курсе чего?

— Во-первых, того, что вы звоните, — улыбнулся я, — а во-вторых — всего!

— Смешно. — Мой собеседник замолчал. Видно, его гамбит складывался не так, как планировалось. — Может быть, нам имеет смысл продолжить разговор во время личной беседы?

— Предлагаю позавтракать, — согласился я, — только, знаете что, я немного устал от чудесных перемещений в пространстве. Давайте по-стариковски, никуда не полетим, а пойдем в хороший ресторан. Вы как к «Ностальжи» относитесь?

— Меня восхищает сам факт того, что вы обращаетесь ко мне с просьбой, а не просто делаете то, что вам в голову взбредет! — ответил Путин. — Ведь вы теперь даже не ставите никого в известность.

— Дорогой Владимир Владимирович, по-моему, вы уже начали беседу, а мы еще даже не договорились о месте ее проведения. Желаете продолжить по телефону или все-таки воочию?

— «Ностальжи», — подтвердил президент. — Через час вас устроит?

— Конечно! Жен берем? — лукаво поинтересовался я.

— В следующий раз! — не без иронии ответил Президент и отключился.

Эльгу разбудил наш с Путиным разговор, и она сразу поняла, с кем я говорю. Приподнявшись в постели, моя любимая с грустью сказала:

— Знаешь, когда ты лежал в беспамятстве, ты был весь мой, а теперь я опять не знаю, когда тебя увижу.

В уголках ее глаз появились слезы, но я не дал им отправиться в их неспешный путь. Высушив их поцелуями, как всегда не смог остановиться — благо до ресторана ехать совсем недалеко. Уже после, отправляясь в ванную, я повернулся к моей любимой и спросил:

— Скажи мне, ты предохраняешься?

— Нет, — ответила Эльга. — А почему ты спрашиваешь, ты не хочешь от меня детей?

— Хочу, — замахал я на нее руками, — конечно, хочу! А кто-нибудь из твоих подруг ждет детей?

— Нет, по-моему, никто, — подумав, сказала она. — Правда, я давно уже ни с кем не встречалась. Хочешь, позвоню и узнаю?

— Не надо! Просто мысль одна промелькнула…

Я быстро привел в себя порядок и выскочил из дома.

Настроение было испорчено.

ГЛАВА 24

Я люблю московское Бульварное кольцо. Хотя это абсолютно иррациональное чувство — тут всегда пробки из-за неуклюжих трамваев. Зато здесь есть пруды. Гладкая поверхность воды притягивает

не только неизвестно что потерявших там птиц, но и молодых и не очень людей, которые ведут себя столь странно, что наблюдать за ними всегда забавно.

Жизнь насекомых.

На травке разыгрываются античные драмы. Единство Времени и Пространства. Любовь, ревность, жуткие мелодии и соответствующее им исполнение. Кумиры и поклонники, сцены братания и взаимного возлияния с последующим мордобоем и лечением. Вокзальная жизнь. Но на воде она протекает чуть мягче и достойнее. Как-никак, вокруг ходят интеллигентные люди — театралы, завсегдатаи ресторанов и посетители модных магазинов. Театралы, конечно, замечаний делать не будут, но вот остальные, в случае чего, могут запросто выговор с занесением в грудную клетку выписать. Не собственноручно, конечно, а посредством охраны. Так что простым обитателям прудов возле мест скопления приличной публики вести себя нужно крайне сдержанно. Здесь жизнь бурлила всегда, но с приходом новых времен и в ожидании Страшного суда чрезвычайно оживились поклонники Булгакова — на Патриках день и ночь продолжались беззлобные мистерии. А на Чистых прудах любители поэзии и мелодекламаций под гитару состязались в остроумии сатирических прогнозов.

Ресторан «Ностальжи» я люблю давно — счастливое сочетание приятельских отношений с хозяевами, удачного месторасположения и хорошей, замечу, стабильно хорошей кухни. В начале двадцать первого века Москва превратилась в ресторанную Мекку. Деньги, хлынувшие в страну вслед за безумным ростом цен на нефть, принесли с собой мишуру роскошной жизни. Публика, ошалевшая от неправедного богатства, вдруг поверила в его заслуженность и, перестав стесняться собственного дурновкусия, возвела его в ранг элитарного образа жизни.

Дорогие рестораны открывались один за другим, соревнуясь в пышности и степени аляповатости интерьеров. Денег никто не считал — какой смысл считать ворованное, если счет любят только свои, кровные денежки, горбом да умом заработанные? Модные рестораны зазывали к себе поваров, завозившихся со всего мира. Ошалевшие от привалившего счастья заезжие итальяно-французско-японские шефы

лихорадочно изучали русский язык по самой проверенной методике — в кровати с местной любовницей. И постепенно привыкали к истерикам со стороны своих хозяев, порой доходящим до рукоприкладства. Политика кнута и пряника действовала как нельзя лучше — иностранцы буквально из кожи вон лезли, стараясь удивить новыми блюдами непритязательную ресторанную публику.

Хотя со временем качество приготовления блюд отошло на второй план. Выяснилось, что умение шефа готовить к популярности ресторана никакого отношения не имеет. Место должно быть модным, а не вкусным! Намного важнее умение хозяина привлечь модную тусовку, задачей которой было демонстрировать себя и сопричастность этому лихорадочному балу мотыльков-пустоцветов нефтяного богатства. Так что шефы все больше превращались в шоуменов — ? им всего-то и нужно было уметь красиво выходить в зал и ослепительно улыбаться. А кто и как готовит, не столь важно — оценить все равно некому. Да и не пойдут в модные рестораны настоящие ценители — зачем время терять?

Все это было. Но теперь, после явления Даниила, жизнь уже никогда не будет такой. Вряд ли в час Страшного суда подсудимым зачтется гламурность в сочетании с нездешним эротизмом и наработанная скорость сворачивания стодолларовой банкноты в трубочку. Удивительно, как только модная тусовка не пыталась оправдать собственную пошлость — создавала себе кумиров, возводила в абсолют ложные идеалы и даже формировала модные политические движения, устраивающие перфомансы.

Для тех, кто не в теме: перфоманс — это модное слово, обозначающее никому не нужное и невероятно глупое действо. Его никто и никогда не заметит, однако если заплатить денег знакомым репортерам, то в газетах упомянут, а значит, можно будет отчитаться за освоенный бюджет, выторгованный у доверчивых политических лохов, которым, в свою очередь, надо отчитаться перед своими политическими боссами хоть в какой-нибудь общественно значимой деятельности. Приведу пример. Пишем ночью матерное слово на памятнике, а утром, все в Дольче — Габбане, модными тряпочками от Роберто Кавалли его стираем. Несостоявшиеся порнозвезды, возомнившие себя

молодежными политическими деятелями, принимая позы, при которых их короткие кривые ноги казались изящными эпилированными рожками, скандировали рифмованный бред, написанный для них по заказу. Меня всегда восхищали эти пассажиры с дипломами приличных вузов (последние по идее должны были платить немалые деньги за сокрытие информации о таких выпускниках). Они выпускают книги под своими именами, но даже не читают их. А литературные негры, посмеиваясь, лепят на заказ то книгу о модной одежде, то о вкусной и здоровой пище, то формулируют постулаты новых философских течений, призванных оправдать всю пошлость бытия их заказчиков.

Что ж, этому мирку пришел конец! По звонку от дяди Вовы в Рай не пробиться. Хотя, не скрою, заходов на меня и моих ребят было немало. Пришлось применить жесткие формы ответа, так что народ со временем подотстал со своими донельзя прогнозируемыми просьбами, за выполнение которых мне на время предлагались скучные силиконовые телеса и губы, готовые к любой форме проведения совместного досуга.

«Ностальжи», учитывая мое сегодняшнее настроение, звучало как-то недостаточно прощально. Точнее было бы — «Реквием по тусовке». Хм, кстати, неплохое название для модного романа.

ГЛАВА 25

Я подъехал вовремя и, как и следовало ожидать, слишком рано. Президент оставался верен себе — раньше чем через полчаса его можно было не ждать. Служба охраны уже была на месте и привычно разворачивалась для штатной работы. Достали рации, проверили частоту, рассредоточились по позициям — ребята проверяли помещение. Собаки, натренированные на поиск взрывчатых веществ, привычно обнюхивали все предметы вокруг. Здоровая суета перед приездом охраняемого объекта. Все в норме. Порадовало, что выгонять

посетителей никто не стал, им даже старались не мешать.

У порога меня встречал Игорь Бухаров, мой давний знакомый и один из владельцев ресторана:

— Какая честь, Владимир! Как теперь прикажете к вам обращаться? — Хитрющая физиономия некогда скромного повара, а теперь одного из самых известных рестораторов, не могла скрыть иронии. Феноменальный запас сарказма помог Игорю выжить и в сложное советское, и в не менее трудное капиталистическое время. Уверен, что и теперь он устроился на загляденье.

— Игорь, не сходи с ума, — сказал я, пожав ему руку. — Как дела? — Замечательно, — ответил Бухаров. — Удивительный у нас народ — после того как ты всех своей мишпухой удивил, нэпманы перестали кушать!

— От страха?

— От набожности, — улыбнулся он. — Слушай, мне на днях роскошный анекдот рассказали! Тебе как, все человеческое по-прежнему не чуждо?

— Валяй, но лучше без упоминания Даниила.

— Да упаси меня, э-э-э, а вот провоцировать не надо. Итак, анекдот: специально для православных коммунистов издали «Капитал» Маркса на церковнославянском языке. — Не дожидаясь моей реакции, Игорь громко рассмеялся.

— Смешно, — скривился я. — А у ресторана-то сейчас как дела? Может, помочь чем?

— Да ладно, все уже наладилось. Клиент как понял, что ты не шутишь, от страха на хавчик пробился. Метут так — пришлось на круглосуточный режим работы переходить! Ну а за сегодняшний визит, так и просто гигантский рахмат лукум to you!

— Any time! — в тон ответил я. — Just whistle, изюм моего сердца.

Лицо моего собеседника вытянулось и стало серьезным, а взгляд его устремился мимо меня. Понятно — Президент уже здесь. Надо отдать ему должное, Игорь не бросился к Президенту за автографом, а, прошептав: «По-моему, к тебе пришли», тихо ретировался.

— Привет, Владимир! — Президент подошел и крепко пожал мне руку- Присядем?

Путин был одет в традиционный строгий костюм, только галстука не хватало. Вид у него был уставший. Никаких сомнений в том, что выдалась бессонная ночь. Мы присели за подготовленный для нас столик. Подошел официант, и Владимир Владимирович, несколько удивленно посмотрев на него, не глядя в меню, попросил черного чаю с лимоном. Я поддержал аскетичный выбор президента. Как только официант отошел от столика, Владимир Владимирович тяжело вздохнул и с ухмылкой спросил меня:

— С чего начнем?

— С городов или персоналий, Владимир Владимирович, — ответил я.

— Действительно, в курсе. Значит, все ваших рук дело!

— Наших!

— Нехорошо. — Президент чуть нагнулся вперед. У него сильно болела спина, и он никак не мог найти удобного положения. — Неправильно это, Владимир. У нас складывались доверительные отношения с первой встречи, и я удивлен таким отношением к себе. Как можно устраивать такое, даже не ставя меня в известность? После всего, сделанного для Даниила, мы вправе рассчитывать хотя бы на элементарную вежливость.

— Спасибо за все, дорогой Владимир Владимирович! — картинно продекламировал я.

— А вот ерничать не надо, — заметил Путин. — Как-то вы слишком быстро сели на шею и свесили ножки. Уже никаких цирлих-манирлих не разводите.

— И ваши претензии? — Да вы убиваете российских граждан, прилюдно, в прямом эфире! — возмутился Президент. — Разве вы не понимаете, что на пресс-конференции были многие достойные люди? Прокуратура просто обязана возбудить уголовные дела по факту исчезновения людей.

— Что-то мне вся эта история напоминает, — ухмыльнулся я.

— Не умничайте. — Путин поежился. — Да, это один в один американский вариант Билла Гейтса!

— Нужны такие же последствия?

— А вы думаете, ваши художества лучше? Взять и уничтожить целый город? За что? Походя, отмахнулся рукой — и нет Красноярска? Это что, месть за предоставление убежища Еноху?

— Не думал об этом в таком ракурсе. Спасибо, что подсказали красивый, хотя и неверный ответ. Надо же, не заметил в пылу сражения такого города! Примерно как охотник за медведем случайно наступит на муравейник, разорит его, а сам и не поймет, что натворил.

— Вот уж и впрямь нечего сказать. — Путин развел руками. — Ведь город был — миллионник!

— Ну что же, — вздохнул я, — общая канва нашей беседы мне понятна. Не скрою — вы правы. С позиции Президента вы и не можете рассуждать иначе. Я ценю ваше хорошее отношение и всегда относился к вам с симпатией. Могу догадаться, что в Уголовном кодексе за деяния, подобные моим, предусмотрено суровое, но справедливое наказание. — Подождите, вы что, намерены каяться? — удивился Путин.

— Отнюдь. Я не Раскольников, а тут не Сенная площадь. При этом ведь не суд над Красноярском заставил вас не спать всю ночь.

— От вас и вправду ничего не утаить. — Путин немного помолчал и продолжил: — Да, не Красноярск, тем более что там оказалось на редкость много выживших. Меня волнует череда странных исчезновений, произошедших поздно вечером. В тюрьмах и СИЗО по всей стране единовременно исчезли осужденные и подозреваемые по ряду статей. В это же время операторы служб 02 и 911 зафиксировали огромное количество звонков от свидетелей странных исчезновений людей, произошедших в самых разных местах — от квартир до концертов и театральных подмостков. Все свидетели описывают происходящее примерно одинаково. За мгновение до инцидента лицо жертвы охватывала маска ужаса, как будто он слышал нечто страшное. Люди вскакивали с мест, и в этот момент в них попадала черная молния, моментально испепеляющая тело. Раздавался страшный крик, после чего наступала тишина. Исследования, проведенные выездными бригадами, не зарегистрировали никаких аномалий. Повышенного радиоактивного или электромагнитного фона не обнаружено, не было даже повреждений материальных объектов — столов, пола, ничего. Просто был человек, и нет — горстка пепла.

— Звучит знакомо, — ответил я. — По-моему, аналогичное действо наблюдала вся страна во время моей пресс-конференции.

— Первое подозрение пало именно на вас, — подтвердил мои слова Президент. — Но нами доподлинно установлено, что в этот момент вы были в Израиле. Кроме всего прочего, я моментально связался с президентом США. Выяснилось, что аналогичные преступления зафиксированы и в Америке.

— Как и во всех других странах, — продолжил я мысль президента.

— Совершенно верно!

— А среди пропавших оказалось значительное число представителей нетрадиционной сексуальной ориентации.

— Не только, — заметил Путин. — Условно говоря, всех погибших можно разбить на категории…

— Которые в точности соответствуют…

— Да, вы действительно в курсе! — Президент задумчиво посмотрел на меня, сделал паузу, но все-таки договорил, хотя у него и так не осталось ни малейших сомнений в моей причастности к происшедшему:

— Которые в точности соответствуют смертным грехам, описанным в Библии, в частности в Левите. Именно поэтому гомосексуалисты, кровосмесители, скотоложцы и прочие, вместе с убийцами и насильниками, оказались уничтожены!

— Так же как и наркоторговцы, — добавил я. — Про них в Библии, правда, ничего нет — это было лично от меня. Творческий вклад, если угодно. Кстати, механизм приведения правосудия подразумевал и возможность спасения. Этих людей вы опрашивали?

— Конечно, — ответил Путин, — причем их было несложно найти, особенно в местах лишения свободы. Вот только смотреть на них не доставляет никакой радости. Это живые трупы, враз поседевшие и сгорбившиеся, из их глаз текут слезы. Скорее всего, они находятся в состоянии глубочайшего раскаяния за свои деяния и, бесспорно, пребывают в религиозном трансе. На связь с внешним миром не выходят и только молятся, причем некоторые из них скончались в течение нескольких часов, но в прах не обратились. Пока рано говорить, но вид трупов крайне необычен.

— Забавно, — сказал я, — об этом я не думал, хотя чего-то подобного следовало ожидать. Дело в том, что их раскаяние дает возможность обретения жизни вечной, но не земной. Они отмаливают себя и уходят в Рай, оставляя уже ненужную, но безгрешную плоть. Не удивлюсь, если вскорости им начнут поклоняться, как святым мощам.

Нам наконец принесли чай. Помешивая сахар ложечкой, я ненадолго задумался, а потом спросил:

— Дорогой господин Президент, а что говорит статистика? Погибло много грешников?

— Точных цифр пока нет, — ответил Путин, делая осторожный глоток, — но речь идет о пяти-шести процентах населения земного шара.

— А сколько выживших?

— В России не более десятка, причем никого с гомосексуальной ориентацией.

— Естественно, — хмыкнул я, — эти считали себя нормальными, а нас сексуальными меньшинствами — за что им каяться? Эх, какой тяжелый удар понесла индустрия моды и мировая эстрада!

Владимир Владимирович посмотрел на меня так, будто впервые видел:

— А вам ведь этих людей совсем не жалко, Владимир Рудольфович. Довольно странно для вашего положения.

— Жалко, очень жалко. — Я наигранно покачал головой: — Как-никак, в Геенне огненной горят, вечным огнем. И их, и всех тех, кому еще предстоит к ним присоединиться — и вас, и меня жалко, и Россию, и все мировое прогрессивное человечество, даже отсталую его часть. Но больше всего мне жалко нашего Создателя. Пять с лишним тысячелетий мы только и делали, что огорчали его, и вот теперь, когда пришло время платить по счетам, вы мне говорите о жалости? Я вам не институтка, начитавшаяся Блока. Вы много лет прослужили в системе, так что меня поймете. Я выполняю приказы моего командования и пытаюсь это делать максимально хорошо. Мною движет высший долг!

— Понятно, — кивнул Путин, — вот только сострадания в вас не видно.

— Давайте оставим этот разговор, — отрезал я, начиная злиться. — Ведь кроме заботы о моем душевном здоровье у нас накопились и вполне практические вопросы?

— Да-а, Владимир Рудольфович, — протянул Президент, — а вы сильно изменились! Я не могу вот так вот, как вы, взять и пренебречь людьми. Знаете, цинизм никогда не был моей сильной чертой. Вот так, без суда и

следствия, лишать людей жизни, не вынося никакого формального приговора, не давая возможности обжаловать решение и даже высказаться перед смертью, привести в порядок свои земные дела, подготовить своих близких?! Все это противоречит тому, чему я учился и во что я верю! Объективно говоря, после всего случившегося я должен подать в отставку, так как де-факто власть в стране уже не принадлежит мне. В России больше не действуют конституция и все базирующиеся на ней законы…

Президент не был расстроен, напротив — он выглядел абсолютно уверенным в собственной правоте. Решение об отставке не было спонтанным, хотя, уверен, далось ему нелегко. Подозреваю, что причина колебаний крылась не в любви к власти, а скорее в избыточном чувстве ответственности.

— Дорогой Владимир Владимирович, — я улыбнулся, — ну зачем вы так? Конечно, мир уже никогда не будет прежним, и я понимаю ваши переживания и разделяю тревогу. Еще двое суток тому назад я страдал так же, как и вы сейчас, но у меня есть лекарь — Даниил. Вы вправе рассчитывать на его помощь! И позвольте мне посвятить вас в его видение дальнейшего развития событий. Путин усмехнулся, причем глаза остались холодными, но от реплики воздержался.

— Итак, — продолжил я, — теперь, когда козлища уничтожены, у всего человечества наконец-то появился шанс начать вести библейский образ жизни. Конституции и весь прочий юридический мусор уступят место главной книге всех времен и народов, в случае возникновения принципиальных разногласий с прошлыми законами Даниил ее поправит. Жить станет предельно просто — ответы на все вопросы можно найти в Новом Завете. Роль президентов остается принципиально значимой, но теперь вы будете уже не доверенными лицами народа, а помазанниками Божьими, сиречь императорами. Кстати, соответствующую церемонию я вам гарантирую. Если я правильно понимаю, а в этом я могу вас уверить, в Москву для ее проведения Даниил прибудет лично. Обратится к верующим с проповедью и коронует вас. Наверняка вместе с помазанием вы обретете ряд сверхъестественных возможностей. Можно с

уверенностью сказать, что начнется новая эра Праведной жизни под руководством Правителя и Судьи в одном лице. Я не намерен вам мешать, скорее, наоборот, с радостью помогу, но в зону моих интересов войдет только старушка Европа. С Азией, уверен, вы справитесь сами. Так что решение об отставке разумно и своевременно, ведь вас ждет повышение!

— В данный момент аналогичная беседа проходит и у Президента США с господином Гейтсом? — поинтересовался Путин.

— Уверен! — ответил я.

— А количество мировых царей?

— Двенадцать.

— Все — действующие президенты?

— Нет, совсем нет. Но я думаю, вам об этом скажет лично Даниил.

— Должность пожизненная?

— Да.

— Есть ли у меня возможность подумать?

— Нет, так же как и нет возможности отказаться!

— Когда планируется приезд господина Давида в Москву?

— Он даст об этом знать, но уверен, что в ближайшее время. Счет идет на дни.

— Забавно, — ухмыльнулся Путин. — Русь Святая началась Владимиром, и вот теперь круг замкнулся.

— Во многом от вас зависит, каким будет это завершение, — заметил я. — Сколько людей спасется — неизвестно. Число, данное в Апокалипсисе, надо понимать аллегорически. Надеюсь, учитывая вашу

мудрость и заслуженный авторитет, вам удастся многое.

— Что я должен сказать — благодарю за доверие?

— А вот сарказм и ирония сейчас ни к чему! Я понимаю, что прозвучавшее для вас неожиданно, но вам придется свыкнуться с новыми реалиями.

— Да ладно, кто же от такого отказывается? — Путин неожиданно широко улыбнулся. — Кстати, с этим вашим приговором преступникам получилось довольно много трагикомичного.

— Что вы говорите?

— Так, например, один популярный эстрадный исполнитель, не оставлявший ни малейшего сомнения в своей гомосексуальности, оказался не тронут, и стало ясно, что все это была легенда, придуманная для успешного существования в жанре. А вот многие влиятельные деятели предыдущей президентской администрации, Церкви, новостные ведущие и многие другие оказались содомитами.

— И не говорите! В Европе освободилось множество должностей — от мэров до президентов.

— Итак, давайте подведем итог нашей встречи! — Президент посерьезнел и попытался вернуть себе инициативу, но сегодня явно был не самый подходящий для этого день. Я не поддержал его порыва и довольно просто ответил:

— Да ладно, вроде и так все ясно. Думаю, что Даниил сам все прояснит и подведет итоги.

Путин встал из-за стола, и я последовал его примеру. Обменявшись рукопожатиями, мы уже собирались расстаться, но хозяин ресторана, делавший до этого мне знаки руками с такой скоростью, что мог бы отвечать в правительстве Москвы за разгон облаков, набрался смелости и бросился к Президенту. Он был не один, рядом находилась милая девушка, держащая на вытянутых руках книгу для почетных гостей.

Игорь, не теряя достоинства, красивым, бархатным баритоном заворковал:

— Для нас такая честь, господин Президент! Не будете ли вы столь любезны оставить запись в нашей книге?

Президент улыбнулся и спросил девушку:

— А зовут-то тебя как?

— Надя, — ответила та и почему-то густо покраснела.

— Хорошенькая, — прищурился Путин, — ну, да ладно. Владимир Владимирович уже было собрался что-то написать, но посмотрел на всю ресторанную обслугу, забывшую о выучке и вылезшую на свет из подсобных помещений, чтобы взглянуть на Президента.

— Идите все сюда, — сказал Путин, — что вы там по углам шаритесь? Фотоаппарат у кого-нибудь есть? Давайте сфотографируемся.

Завязалась веселая суета, все сгрудились в кучу, и я оказался зажат между Игорем и Президентом. Сначала думал пококетничать, сказать, что, мол, давайте без меня, лучше я вас всех сниму, но решил, что это уже будет слишком. Когда пару снимков сделали и страсти улеглись, Владимир Владимирович подошел к лежащей на столе Книге почетных гостей и размашисто написал — ПУТИН! Я поморщился: это был самоповтор, такой же автограф я уже видел в аналогичной книге ресторана «Узбекистан».

Забегала охрана. Подали машины. Люди с проводками в ушах о чем-то говорили друг с другом, развивая фантастическую деятельность, что ни в коей мере не повышало вероятность выживания охраняемого объекта в случае появления ангела смерти.

ГЛАВА 26

Не следует думать, что апостольский хлеб сладок. Куда там — работаешь на износ! Вредно для здоровья. Одна радость — неограниченные возможности. Но, даже несмотря на это, делать все самому быстро надоедает. Когда я неосторожно брякнул Президенту, что он теперь будет царем-пророком, да еще и не одним, а в окружении одиннадцати счастливцев, то невольно ужаснулся. Поймите меня правильно, я не против дополнительного набора, но ведь не самому же мне теперь ездить и проводить душеспасительные беседы! Допустим, что вместе с Биллом мы поделим эту высокую миссию, все равно на мою долю выпадает еще пять вербовок. А я устал, хочется побыть с женой и друзьями. Хотя, с какими такими друзьями?! С этой работой у меня и времени-то на них нет. Я уже и не вспомню, когда последний раз в компании гулял. Все дела да дела. К маме зайти некогда.

Вру. Нагло вру самому себе. Не могу я к маме зайти. Боюсь. Душа болит. Прямо чувствую, как кто-то хватает меня тяжелой дланью за сердце и начинает из него соки выжимать. Ни вздохнуть, ни выдохнуть. Может, себя я и смог убедить, что был прав, когда людей карал, но мама мне этого точно не простит. Ее не убедить, даже не хочу разговор этот начинать, чувствую, как у нее душа кровоточит, как ночи она не спит, грехи мои замаливая. Не объяснить ей. Сам я не смогу. Может быть, потом, когда Даниил будет в Москве, мы с ним вместе попробуем? А сейчас даже звонить не буду. Ведь тонкая корочка на моих ранах только стала нарастать. С каким трудом мама убедила себя, что все равно ей надо жить, хотя бы ради внуков! Когда она увидела тот прямой эфир с пресс-конференции, чуть у экрана не умерла. Каково это — всю жизнь обожать сына и вдруг увидеть, что вырастила убийцу? Так что, если позвоню или приду, разговор будет эмоциональным. По-другому и не бывает. И чем он закончится, лучше не выяснять.

Не хочу об этом думать. Надо все выбросить из головы. Не я первый, хотя вполне может быть, что последний. Ведь говорил Христос:

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее.

Все будет по предсказанному, хотя надежда и остается. Может, потом все и образуется. Эх, увлекся я личными переживаниями. Напрасно. Не ко времени все это. В любом случае, жизнь продолжается, господа присяжные заседатели!

Значится, так: вывод один — нельзя повторять ошибки откровенно слабых менеджеров и пытаться все сделать самому. Чушь, бред, детская болезнь левизны в апостольском движении! Лозунг сегодняшнего дня — ни единого отстающего рядом! То есть — делегируем полномочия. Раздаем указания налево и направо. Зона моей ответственности очевидна — Европа и Азия. С меня пять лидеров, и сам я к ним не поеду.

Не хочу.

Следовательно, на повестке дня сразу два вопроса: кого послать и к кому. Подойдем системно — кого я знаю? Ответ лежит на поверхности — знаю многих. Кого послать? Некого. Замечательно, продуктивный подход, ничего не скажешь! Пойдем другим путем. Кого я не знаю? Здесь ответ еще проще. А тогда какой смысл о них думать, если я их даже не знаю?

Результат — ноль целых, ноль десятых.

Хорошо, поставим вопрос по-другому — кто хочет? Думаю, что миллионов так несколько. Особенно из числа бездельников, сидящих на печи и рассуждающих о том, каких идиотов им показывают по телевизору. Стоит ли на них терять время? Конечно. С какой целью? Чтобы безжалостно превратить их в горстки серого пепла!

Следовательно, на роль вербовщиков они не годятся — кто из уважаемых политиков согласится беседовать с горсткой пепла? Это вам не куст горящий — вмиг санитаров вызовут. А значит, задание партии и лично дорогого товарища Даниила будет провалено, чего допустить никак нельзя.

Только ведите себя прилично, не надо мне подсказывать и подсовывать ваших любимых политиков! Посудите трезво. Подхожу я, скажем, к Юрию Михайловичу Лужкову. И так по-братски, с чувством, с толком, с расстановкой беру его за пуговицу и начинаю спич:

— Дорогой Юрий Михайлович! Вы, конечно, человек во всех отношениях замечательный — прекрасный мэр, муж, отец. Спортсмен, политик, пчеловод. Писатель, певец, трибун. Химик, строитель, изобретатель.

Подчеркните в анкете что-нибудь одно. А впрочем, чего там мелочиться, лучше сразу все подчеркните — единой чертой. Кхм, опять я отвлекаюсь.

— Так вот, дорогой вы мой Юрий Михайлович, у нас к вам дело. Не согласитесь ли вы поехать в Тьмутаракань вербануть одного гражданина на должность царя-пророка?

Откашляется Юрий Михайлович, посмотрит на меня хитро, с прищуром, приподнимет вверх правую ручку и сам за ней потянется, аж на мысочки привстанет. Обведет взором свою свиту, набирая воздух, а те уже в предвкушении и от обожания чуть сознание не теряют, и рубанет правду-матку, вернувшись взором ко мне, а пяточками к земле-матушке:

— Это что же, Владимир, прикажете быть почтовым голубем — весточки разносить?! Нет уж, мы и сами с усами, есть еще порох в пороховницах! Вот вы все с Путиным носитесь, а ведь квартирку вам он не сам справил, а меня попросил! Не забывайте об этом. А впрочем, я на вас не обижаюсь, да и к Президенту отношусь хорошо, просто окружения его не одобряю. Я, знаете ли, и сам хотя и не хочу, но если надо, еще многое могу! А вы тут меня до почтальона низводите.

Несолидно.

Вот так-то. Хочешь не хочешь, а должен я учитывать наличие у политических деятелей собственных амбиций, так что гонцами они не поедут. А если и согласятся, то сами себя и завербуют, а зачем нам пророк-голубь? Достаточно апостола-соловья. Шутка! Киргуду. Звезд шоу-бизнеса, писателей, артистов, танцоров балета и прочих пи… э-э, лидеров не предлагать. Не по чину. Это здесь они кумиры, а за границу Московской области на пару километров отъедут, и все — звезды вьетнамской эстрады. Папа, папа, смотри! Такой урод, а поет, да так плохо! Ну надо же!…

Таким посланцам веры нет.

Итак, подведем промежуточный итог — ужас!

От грустных мыслей, которым я предавался на рабочем месте в Апостольском приказе, меня отвлек стук в дверь. Вовремя. В самый раз мне последовать путем русских народных сказок — кто первым войдет, тот и суженый. На пороге кабинета стояли три моих богатыря. Надежа и опора государева, молодцы, мушкетеры — Никита, Илья и Табриз. Я почувствовал, как мой рот сам собой разъезжается в широченной улыбке до ушей. Все правильно! Как это я раньше не догадался?! Вот она, моя птица-тройка! Молодые, ладные, умные, преданные. От добра добра не ищут. Не ребята — огонь! Посланцы из них выйдут замечательные.

Я решил выдержать театральную паузу, дать им возможность сказать первыми. Инициативу на себя взял Никита:

— Дорогой Владимир, как самочувствие?

— Замечательное, — быстро ответил я. — А теперь к делу. Что вы хотели у меня спросить?

— Да мы, понимаешь, не знаем, что делать, — начал Никита. — Нам нужны твои четкие указания, не тыкаться же постоянно по углам как слепые котята. Мы, конечно, в тебя верим, но работать довольно

тяжело. Живем как на вулкане — голова от забот раскалывается, родные задают море вопросов…

Нет, молодежь вконец озверела! Дети, блин, цветы жизни! Вопросы им, видите ли, задают?! Я им практически сам предлагаю сумасшедший карьерный рост и невиданные возможности, а они мне тут нюни разводят.

— Хорошо, мои дорогие, — потер я руки. — Указания будут. Думаю, они вам понравятся. Итак, как вы, наверное, знаете, наступили долгожданные последние времена и наша страна дружно готовится встретить светлый день Страшного суда. Даниил, будучи божественно добрым (ха-ха!), решил помочь человечеству, дав ему еще один шанс. В целях помощи были уничтожены злодеи, а всем оставшимся предложено жить строго по Писанию. Система государственной власти меняется, теперь у нас будет что-то вроде наследной монархии. Теократической я ее назвать не могу, зато могу быть до конца уверен в ее суверенности и недемократичности. Правит царь — он же пророк. С ним вы хорошо знакомы по предыдущей работе.

— И это? — наклонил голову мой самый смелый мушкетер.

— Дорогой Никита, конечно же, это ныне действующий Президент.

— Круто! — обрадовались ребята. — А он в курсе?

— Уже да, — ответил я, — а вот его коллеги еще нет.

— А кто будут эти люди? — поинтересовался Табриз.

— Молодец, старик. Как раз об этом я и размышлял до вашего прихода — кто они и как им сообщить…

— И что, все главы государств автоматически становятся царями? — спросил Никита. — Даже президенты-женщины?

— Это лишнее, — ответил я, — государств уже и так многовато. Всем миром будут править двенадцать царей, по шесть на долю Билла и мою.

Одного мы уже знаем, остается еще пять. И радостную весть принесете им вы! Не так уж и много работы — пять вербовок на троих. Пустячок, голуби вы мои почтовые!

— Понятно, то есть добрые новости доставим мы, — повторил Никита и посмотрел на Табриза с Ильей. Те выглядели вполне жизнерадостно.

— Это тяжелая работа — быть царем, — заметил я, — не так много приколов, как кажется. Свободы ноль — в одиночестве даже задницу в туалете не подотрешь. Все от тебя чего-то хотят, лезут с просьбами, а ты и в ресторан с друзьями не можешь выбраться, и в лом не напьешься, и к девчонкам не попристаешь. Однако вербовать вам их все равно надо.

Я думал, что у моих ребят промелькнет хотя бы тень сомнения в собственных силах, но оказалось, что беспокоился я напрасно. Они были готовы действовать сию минуту.

— Понятно, — сказал Никита. — А как мы поделимся с Биллом? И кого вербовать?

Я не успел ответить на его вопросы, потому что Илья, стоявший рядом с Никитой и молчавший все это время, вдруг решил, что наступает Новый год и всем покупают подарки, так что нечего скромничать. В самый раз огласить весь список желаний.

— Володь, — сказал он, — а ведь нам могут не поверить, что мы от тебя. Никакие грамоты не помогут. Может, подкинешь нам по парочке каких-нибудь явных умений, чтобы у граждан не возникали сомнения.

— Нахал, но молодец! — ответил я и мысленно обратился к Даниилу. Не было никаких сомнений в том, что он прекрасно знает, что сейчас происходит. Через мгновение я ощутил приятное тепло, разливающееся в груди, появилось состояние легкости, несколько изменилось цветовое восприятие окружающего мира и голос Учителя зазвучал у меня в голове. Довольно приятное ощущение и несколько неожиданное. Легкий массаж головы изнутри.

— Способные ребята, — произнес Даниил, — и в данной ситуации они

правы. Пусть подойдут к тебе и встанут на колени.

— Ты с ними сам будешь говорить? — спросил я.

— Да, но через тебя и твоим голосом, — было мне ответом, — а то вдруг у них психика не выдержит. А наносить неофициальный визит в Москву в свете предстоящей коронации Президента было бы некорректно.

— И что, — удивился я, — вот в этом кабинете и будем совершать такое таинство? Неудобно. Это как жениться в джинсах и в поселковом совете. Надо все красиво сделать, ну там фата, платье белое…

— Ну, если ты на этом настаиваешь, — ответил Учитель. — Хотя не уверен, что парням будет комфортно в таком одеянии, ведь они не трансвеститы, учитывая, что до сих пор живы.

— Даниил, не будь занудой, я образно выражаюсь!

— Да и я шучу! — И в моей голове зазвучал его смех.

Надо отметить, что смеется Учитель довольно странно. Не скажу, что неприятно, но все же. Бывают люди, смех которых напоминает омерзительное ритмичное гыканье. Они его, понятное дело, смущаются и пытаются сдержать, но гык оказывается сильнее и вырывается наружу, производя впечатление пука. Таким образом, их смех — это вереница прорвавшихся пуков, другие напоминают осликов, икающих пулеметными очередями; третьи гамадрилов, протестующих против отбора у них бананов. Даниил не из их числа (что и неудивительно), и по формальным признакам у него очень приятный смех. Негромкий, интеллигентный и мелодичный, но именно последнее меня и настораживает. Мелодия не меняется. Как звонок мобильного телефона — раз за разом идеальное повторение. Ой, что-то я снова отвлекся! Какой, право, пустяк.

— Володь, — Илья говорил настороженно, — прости, если я что-то не то сказал.

Мою беседу с Даниилом ребята слышать не могли и, очевидно, трактовали затянувшуюся паузу как недовольство с моей стороны.

— Все хорошо! — ответил я. — В вашем пожелании есть рациональное зерно. — Я встал из-за стола и вышел на середину кабинета к ребятам. Они стояли как на разводе, плечом к плечу. При моем приближении парни невольно подтянули животы и приподняли подбородки. Забавно. Видно, в каждом мальчишке живет солдат.

— Опуститесь на левое колено, — торжественно произнес я.

Вот за что я люблю Даниила, так это за открытость моим идеям. Не дал он превратить обряд инициации в тривиальную процедуру, проявил заботу, хоть и по-своему. Как только колено последнего из моих мальчишек коснулось пола, кто-то резким движением сдернул декорации. Мы оказались в прохладе высокого, темного помещения. Я сразу узнал его — храм Гроба Господня. Мы стояли у места, где почти две тысячи лет назад стоял крест, и мы были не одни. Рядом с тремя моими помощниками, также коленопреклоненные, стояли незнакомые мне молодые люди. Я почувствовал присутствие Даниила и Билла.

На мне опять оказался хитон — неудивительно, это уже вошло в добрую традицию. Билл, стоявший подле меня, также был вынужден мириться с рабочей экипировкой. Ребята тоже переоделись. Конечно, не сами. Я отметил, что хитоны им идут, а покрой и качество материала были такими же, как у нас. Разумно, а все равно чуточку обидно. Я не требую погон, лампасов и прочих знаков отличия, но, согласитесь, меня никто в Иерусалим на инициацию не возил и модных хитончиков не выдавал.

Надо же, чувствую себя как старый большевик, которого вдруг уравняли с рабочим призывом конца 20-х годов. Конечно, чтобы сейчас быть на стороне Даниила, много ума не надо — все понимают, что он Спаситель! То ли дело мы с Биллом — в наше время риски были другие, и все могло повернуться иначе. Одним словом, к победителям примазываться — невелика заслуга. Не спорю, ребята мои просто замечательные, однако можно было бы устроить им обряд поскромнее. Есть ведь трогательная отечественная традиция — давать клятву на

Воробьевых горах. Герцен и Огарев — чем не пример для молодежи? Красота, и ехать недалеко!

Эх, балуем мы молодежь.

К счастью, мое ворчание не оскверняло тишину храма, так как монолог был внутренним. Итак, что мы имеем? Два апостола? Здесь, ставим галочку. Шесть граждан, стоящих на коленях в ожидании приема в пионеры евангелического движения и ниспослания чудесных возможностей? Здесь! Даниил-Спаситель? Пока не вижу. Куда это он запропастился, в тени, что ли, прячется? Раз уж вытащил всех нас сюда, то, значит, сам за все и должен отдуваться. Не думаю, что молодежь поймет, если Спаситель не уделит им хотя бы пару минут.

Даниил не прятался в тени. Он возник практически ниоткуда, материализовавшись из воздуха одновременно с первыми звуками его голоса, восклицавшего:

— Да приидет царствие Мое!

Голос звучал мощно, но без надрыва. Звук не умирал эхом в отдаленных уголках помещения, а продолжал свой путь, достигнув стен и потолка, и увлекал за собой все лишнее, нанесенное и построенное за две с лишним тысячи лет, по пути своего следования освещая пространство. Я наблюдал физическую границу распространения звуковой волны. Свет, побеждающий тьму. Символично. Успокаивает. Все-таки приятно чувствовать себя на стороне хороших парней. Зрелище впечатляющее, однако ужасно похожее на рекламу новомодных средств для чистки столового серебра — помещаем почерневшую ложечку в раствор, и на наших глазах она начинает сиять заново. Ох, доиграюсь я однажды со своими аллюзиями!

Судя по выражению лиц нашей шестерки и Билла, дурные мысли посещали меня одного. Остальные пребывали в состоянии экзальтации — полного и всеобъемлющего восторга. Понять их было можно. Мои хлопцы стояли на двух ногах в Москве, опустились на колени в Иерусалиме и, услышав голос Учителя, оказались свидетелями возвращения горе Голгофе первоначального исторического вида.

«Дети мои, — сказал Иисус, обращаясь к ученикам своим, перед тем как облако взяло его из виду, — не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме, и во всей Иудее и Самарии, и даже до края земли».

Все шестеро так и стояли на коленях, боясь вздохнуть. И повторилось описанное в деяниях апостолов:

Они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились.

И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них.

И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать. Милость Даниила этим не ограничилась. Кроме лингвистических способностей, каждый из принявших огненную присягу мог теперь творить небольшие чудеса и читать мысли. Отмечу с некоторой долей облегчения, что только у граждан рангом пониже их собственного. То есть мы с Биллом им не по зубам. Мне казался принципиально важным вопрос о кольцах. Я понимал, что без их раздачи не обойтись, но очень не хотел, чтобы им достались такие же, как и нам с Биллом.

Даниил посмотрел на меня и Билла, и жестом подозвал нас к себе. Мы подошли и, повинуясь его воле, повернулись к стоявшим на коленях ученикам.

— Это братья ваши, — сказал он. — Любите их и не оставляйте в своих наставлениях! Поднимите ваши руки!

Мы послушно подняли руки, и, как только они достигли верхней точки, на кончиках наших пальцев зародились веселые огоньки, становившиеся все ярче и объемнее. Не прошло и пары секунд, как перстни, родившись в огне, устремились к своим владельцам. С облегчением я констатировал, что дизайн их колец значительно

отличался от наших. Они были тоньше и выглядели новыми, в то время как от наших с Биллом перстней веяло тысячелетней историей.

На Голгофу спустилась безлунная ночь, и только восемь колец одиноко горели во тьме. Восемь — правильное число. Именно столько человек спаслось во время потопа: Ной с тремя сыновьями и их жены. Огненные змейки чертили на перстнях арамейские буквы, складывавшиеся в надпись: «Да приидет царствие твое».

ГЛАВА 27

Ах, дорогие мои друзья, право, интересно все на свете устроено! Чтобы завершить всю эту катавасию, имени кота Васеньки, друга моего забавного, поэта великого Мишанечки Генеделева, все-таки потребуется бюрократический аппарат.

Ведь без него, без чрезвычайного, сирень опричного, многофункционального, даже под снос Вселенную не организовать никак. И будет ор, и будет газ, получит кто-то где-то в глаз, спасенья в поисках ключей ища не в первый раз. Потом забьется в экзальтации, простит себя в ажиотации и будет к нам ломиться в строй, где всяк с кольцом и всяк герой.

Дело в том, что дерзкая молодежь восприняла свое повышение с пугающим меня оптимизмом. К счастью, мальчики помнили, от кого им достались кольца, так что с субординацией проблем не было, но эксцессов на стороне избежать не удалось. Такие мелочи, как испепеленные гаишники, вставшие на пути кортежа Апостольского приказа, не в счет. Судьба этих граждан и так очевидна! Но после пары инцидентов в ресторанах, где провести грань между лекцией во спасение души, встречей с кумирами и откровенной оргией было довольно сложно, пришлось мне цыкнуть и даже бровь поднять. Ничто

человеческое мне, конечно, не чуждо, но то, что устраивает молодежь, начинает напоминать лабораторные занятия по познанию зла. Невольно возникают вопросы — не перепутали ли мои мальчики призвание на службу с пожизненным отпущением грехов? В истории такие примеры не раз случались и заканчивались они, как правило, кровавыми слезками зарвавшихся дурачков.

Мне как мужчине, роскошному во всех отношениях…

В этом месте попрошу сделать легкую паузу, исключительно для набора воздуха и осознания всех моих прелестей. OK, выдыхайте, и продолжим!

Так вот, лично мне претит использование редкой способности чтения мыслей для соблазнения смазливых официанток. А вас, моралисты, читавшие «Евангелие от Соловьева», я попрошу не вспоминать, какие мысли посещали меня в Детройте сразу после получения перстня. Я, между прочим, сдержался! А вот мои молодые — нет. Позор.

Короче, мальчики порезвились на славу. Но дело-то продолжать было надо, так что, спустя дней десять, когда к ним наконец вернулся рассудок, они виновато приползли в Апостольский приказ за ценными указаниями. Хотя что толку? Свою порцию звездюлей они, понятное дело, получили, но где мне самому брать искомые указания? Хорошо хоть с Президентом Путиным все определилось — он у нас будет царь number one! А вот где еще пятерых набрать?

У Билла задачка тоже не из легких. Президента США он, разумеется, коронует, а где ему искать других претендентов? Ох, чует мое сердце, не справится он сам. И помощники у него, как назло, на загляденье тщедушные. Хорошо хоть Гейтс обошелся без дешевой политкорректности и афроамериканцев себе в секретари не набрал. Не советую искать в этом проявления расизма, в Ветхом Завете, между прочим, на эту тему недвусмысленно сказано:

Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и [лежал] обнаженным в шатре своем.

И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и выйдя рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего. Ной проспался от вина своего и узнал, что сделал над ним меньший сын его, и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих.

Потом сказал: благословен Господь Бог Симов; Ханаан же будет рабом ему; да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему.

Умники могут возразить, что у Хама, прародителя негров, и в их числе афроамериканцев, было немало детей, точнее, еще трое — Хуш, Мицраим и Фут. А быть рабом досталось Ханаану. Тонкие знатоки даже процитируют Ветхий Завет:

Хуш родил также Нимрода: сей начал быть силен на земле.

Он был сильный зверолов пред Господом; потому и говорится: сильный зверолов, как Нимрод, пред Господом.

А я вам отвечу простенько, но внятно. Может быть, Билл и ошибся, но кто сказал, что среди апостолов обязательно должен быть негр? Вот в первом призыве ни одного негра не наблюдалось, как, впрочем, и китайца, кельта, русского или латиноса. Так почему истерика только у афроамериканцев? Не спешите делать далеко идущие выводы.

Я вот тоже много с чем не согласен, но это еще не повод обвинять всех в заговоре и антисемитизме. Рост у меня, между прочим, совсем не два метра, и в футбол я играю не так, как хотелось бы. Да мало ли кем я хотел стать и не смог, потому что таланта не хватило, что — всех теперь обвинять в расизме? Когда в профессиональных баскетбольных командах на площадку выходит стартовая пятерка, вы ведь не бросаетесь определять цвет их кожи, тем более что он и так очевиден, и не требуете немедленного включения в команду белых игроков. В этот момент разум вам не отказывает, ведь принцип отбора очевиден — играют лучшие! Вот и у нас действует такой же подход. И тыкать меня мордочкой в недостойное поведение мальчишек не стоит. Оглянитесь!

Посмотрите, в какое время мы живем. На дворе закат цивилизации, так что мои ребята еще не самый худший вариант. Не обессудьте — с момента рождения Адама души человеческие неудержимо мельчали. И кроме того, поймите — если вам не нравятся мои коллеги, это еще полбеды. А вот если вы им не нравитесь, это уже катастрофа. Для вас, разумеется. Так что поаккуратнее, граждане, с высказываниями.

Троица моих орлов завалилась ко мне в офис на редкость довольная собой. Их лица сияли. Было очевидно, что они решили задачу.

— Илья, — взмолился я, — постарайтесь меня не разочаровать!

— Это трудно, — улыбнулся он, — потому что зависит сие не только от нас, но и от твоего настроения!

Неисправим. Все-таки характер не может изменить даже самая высокая должность. Хотя чему я удивляюсь, когда было иначе? Придется наказывать лишением слова.

— Умничать не надо! Давай я лучше Никиту послушаю. Так что вы придумали?

Никита, довольный тем, что я признал его главенство в тройке, выдержал небольшую паузу и сказал:

— Если я правильно понимаю, нам нужно определить пять кандидатов на оставшиеся вакансии царей-пророков и позже убедить их не отказываться от предложения? — В этом месте он не смог сдержать сардонической ухмылки, обозначавшей, что от таких предложений обычно никто не отказывается.

— Продолжай, — ответил я.

— Конечно, для начала мы рассмотрели демократический вариант, — сказал Илья, — разделить подведомственную территорию на пять округов и провести в каждом из них выборы.

— На редкость идиотическая мысль, — поморщился я.

— Согласен, — кивнул Никита, — зато открываются фантастические возможности при проведении избирательной кампании.

— Бессмысленно! — возразил я. — Деньги вам уже не нужны, достаточно пожелать, и исполнится.

— Это нам как-то в голову не приходило. — Никита замялся и оглянулся на товарищей.

— Но это не основная проблема, — продолжил я. — Мне здорово не нравится, что вы вообще допустили возможность использования демократических методов. Неужели непонятно, что такой подход не сработает?! Человечество порочно и ожидает суда, с чего вы взяли, что сборище грешников способно избрать праведника в Президенты?

— Надеялись на силу раскаяния. — Никита виновато улыбнулся.

— Смешно! Посмотри на себя и своих коллег — не больно-то вы и раскаиваетесь. Наоборот, ведете себя так, что впору кино для взрослых снимать!

— Прости, увлеклись! — извинился Никита, потупив взор. — Стыдно. Хотя было прикольно.

— Ясно. Надеюсь, что Даниил не будет к вам слишком строг. — Я замолчал и строго посмотрел на мою нашкодившую троицу: — Ну, я уже начинаю терять терпение! Даю последний шанс — что вы придумали?

— Лукашенко, Назарбаев, Коль, Ширак, Берлускони! — отчеканили они в один голос.

— Ого, прямо рота Почетного караула! — У меня даже уши заложило. — Постойте, а вы вообще в своем уме? Это же дурной анекдот какой-то, почему именно эти граждане?

— Логика простая, — ответил Никита. — Коль и Берлускони — друзья Путина, а он уже в обойме. Ширак — строгий пацан, а Назарбаев просто

крут!

— А Лукашенко? — спросил я.

— Прикольный. — Никита улыбнулся. — Должно же у Бога быть чувство юмора, а Лукашенко смешной пассажир, веселый и статный. Правда, он вроде бы не особо верит в Бога, но, учитывая привлекательность предложения, наверняка быстро опомнится.

— Мальчики, вы сошли с ума, — я всплеснул руками, — и кандидатура Батьки яркое тому подтверждение! С остальными тоже — они ж не все действующие Президенты! Проиграв выборы, короноваться? Сомнительная ситуация. Получается какой-то клуб друзей Путина, а не бригада царей-пророков. Назарбаев и Ширак мне нравятся, пожалуй, тут вы попали в точку, но с остальными нужно думать.

— Неплохо, — подытожил Никита, и они с Ильей хитро переглянулись. — Двое из пяти прошло.

— Табриз, а ты о чем задумался? — спросил я.

Самый скромный из тройки апостолов, практически никогда не высказывающий своего мнения, и в этот раз не изменял себе. Широко улыбнувшись, так что в глазах его сверкнуло нескрываемое обожание, пугающее своей искренностью, он произнес:

— Зачем говорить, Володя, если ты и так читаешь наши мысли? Скажи лучше, кого тебе привезти, и считай, что они уже согласились.

— Справедливо. Но ты же у меня отслеживаешь настроения людей, общаешься с ними на нашем сайте, так что хотелось бы припасть к живительному источнику народной мудрости. Тост — понимаешь? — сказал я с кавказским акцентом и сделал характерный восклицающий жест.

— Выражение «народная мудрость» звучит так же несуразно, как порядочный депутат или военная смекалка. — Табриз горько вздохнул. Он не любил, когда я шутил и говорил с акцентом. Во многом потому,

что, как и у большинства людей, у меня это не получалось. Но я почему-то всегда пребывал в твердой уверенности, что подобная художественная форма уместна и украшает мою речь.

Из всей моей тройки Табриз был, пожалуй, наиболее тонким и чувствительным. Рожденный в семье музыкантов, он с раннего детства осознал колоссальную ответственность семейной профессии. Ему было тяжело. Дедушка — гений, отец — гений, оба композиторы мирового уровня, боготворимые у себя на родине. А Табриз, несмотря на блестящее музыкальное образование, особыми талантами не блистал, с чем смириться никак не мог. Унаследованный абсолютный слух не доставлял ему радости, скорее наоборот, был причиной страданий — любая фальшь вызывала у него почти физическую боль. Именно поэтому интернет-общение оказалось для Табриза идеальным — природная безграмотность раздражала его существенно меньше, чем повсеместное музыкальное дурновкусие.

— Интернет полон придурков, — сказал Табриз, скривившись так, будто слышал отчаянно фальшивящего скрипача, играющего серьезную симфоническую музыку в переходе метро. — Если проанализировать всю ту чушь, которую пишут люди, станет ясно, что идей у них нет. Многие предлагают себя, кое-кто — кота Гарфилда, некоторые — актеров и юмористов. Одним словом — чушь!

Илюха, лишенный слова в самом начале нашей беседы, чуть не подпрыгнул от внезапно пришедшей к нему в голову идеи. Робко, но с некой обидой в голосе, он попытался поучаствовать в обсуждении.

— Мы идем по ложному пути! — занудил он. — При чем здесь ныне действующие политики? Если рассмотреть историю Израиля, то царями и пророками там становились не избранники народа, а помазанники Божьи. Что мы все играемся? Вот Билл, к примеру, ничтоже сумняшеся, взял да и старика Теда назначил пророком-царем. За заслуги в борьбе. Нехило, между прочим! А у нас этих Тернеров навалом. В Англию можем Рому Абрамовича послать!

— Точнее, оставить, — отметил Никита, — он и так там все время тусует.

— Не суть, — отмахнулся Илья, — чем он хуже Теда? — И другие ребята есть, — ответил ему Никита, — с мозгами, талантливые. Чем не цари?

— Илюха, — сказал я, — и ради такой хрени ты прервал мою беседу с Табризом?! Абрамович — пророк! Смешно. Уж лучше Лукашенко, он, как вы изволили сформулировать, хотя бы смешной. А этот что? За всю жизнь и пяти слов подряд связно не вымолвил — тот еще пророк! Не хочу тебе ничего говорить про игольное ушко, так как ты мне сразу начнешь тыкать в глаза Биллом и Тедом, но эти пацаны хоть что-то в жизни сделали сами, а этот что-нибудь создал? Вовремя тырнул, кинул, затаился, подружился, избрался, переназначался, подлизался — ив цари-пророки. Смотри, Илюха, еще одна такая идея, и прокляну! Положишь кольцо на полочку и пойдешь в общую очередь ждать Страшного суда. Совсем нюх потеряли, мерзавцы! Лукашенко с Абрамовичем им подавай.

— Володь, — заканючил Илья, — ну ведь все совсем не так! Рома нормальный парень: и Чукотку содержит, и синагогам помогает, и каббалой в последнее время увлекся. Ты к нему несправедлив. Время было такое — все тащили, как могли.

Я не мог больше терпеть этот бред. Бедный мальчик, неужели он действительно думает, что сможет меня обмануть? Как смеет он испытывать судьбу? Типичная еврейская болезнь — все подвергать сомнению и из всего стремиться извлечь выгоду. Я явственно видел — кто-то из ближайшего окружения Абрамовича дружит с Ильей, так что не деньги движут моим помощником, а товарищеские обязательства Что несколько смягчает его вину. — Рома хотя бы делился, — продолжал Илья, — и всегда выполнял любые просьбы Президента. Может быть, дашь ему шанс?

Надо же, слушаю его и вспоминаю Авраама, который во вред себе торговался с Господом:

Неужели Ты погубишь праведного с нечестивым? может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? неужели Ты погубишь и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников в нем? не может

быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно?

Господь сказал: если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие.

Авраам сказал в ответ: вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел: может быть, до пятидесяти праведников недостанет пяти, неужели за [недостатком] пяти Ты истребишь весь город? Он сказал: не истреблю, если найду там сорок пять. [Авраам] продолжал говорить с Ним и сказал: может быть, найдется там сорок? Он сказал: не сделаю [того] и ради сорока. И сказал [Авраам]: да не прогневается Владыка, что я буду говорить: может быть, найдется там тридцать? Он сказал: не сделаю, если найдется там тридцать. [Авраам] сказал: вот, я решился говорить Владыке: может быть, найдется там двадцать? Он сказал: не истреблю ради двадцати. [Авраам] сказал: да не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды: может быть, найдется там десять? Он сказал: не истреблю ради десяти.

И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом; Авраам же возвратился в свое место.

Вот только не мог Авраам понять, что бессмысленный разговор затеял, ибо ответ Божий был давно известен — нет там праведников! А у меня терпение точно не как у Господа, молчать я не буду.

— Замолчи, Илья, — прикрикнул я на него, — и передай своему другу и его хозяину слова Иоанна:

Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих.

Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател, и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг. Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы

твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть.

— Не смей больше возвращаться к этой теме!

Мне противно даже слышать об этом грешнике.

Я разошелся не на шутку, в глазах у меня засверкали молнии — видел бы Енох, бежал бы в страхе. Неудивительно, даже в глазах моих мальчишек, которых я люблю и ценю, ужас был неподдельным. Но, как это уже не раз случалось, неадекватность моей реакции была связана не столько с происходящим здесь и сейчас, сколько с предчувствием надвигающейся беды. Щемящая тревога, за последние пятнадцать минут появившаяся в моем сердце, не обманула меня. Перстни на наших руках одновременно засветились, и в воздухе вспыхнула уже знакомая команда — срочно ко мне! Я подошел к ребятам и поднял руки вверх. Пространство вокруг нас дрогнуло полуденным маревом, и мы оказались в Гефсиманском саду, прямо в шатре Даниила, больше напоминавшем палатку полководца, готовящегося к битве.

ГЛАВА 28

— Друзья, нам бросили вызов! — Даниил, склонившись над картой мира, стоял посередине шатра, окруженный многочисленной группой людей. На наше появление никто из них не обратил внимания.

— Это довольно забавно, — продолжал Даниил, — и я бы даже сказал, смешно. Нет никакого сомнения в том, что грешники будут повержены, вопрос лишь в выборе оружия возмездия.

Учитель говорил приподнято, я бы даже сказал, молодецки, что мне совсем не понравилось.

— Здравствуй, Даниил, — сказал я, подойдя поближе.

— А, вот и ты! Замечательно. — Учитель обернулся, и его примеру последовали все остальные. Публика была разношерстная: кроме Билла и его парней, я разглядел Теда Тернера, ужасно похожего на постаревшего таракана, Президента США Джорджа Буша-младшего и, к немалому моему удивлению, господ Путина и Назарбаева.

— Как это понимать? — нахмурился я.

Мой вопрос заставил Даниила поморщиться:

— Ты собираешься сейчас, перед лицом войны, устроить мне сцену ревности?

— Какой войны? — процедил я сквозь зубы. —

Кто может тягаться с тобой? Как всегда, будет обыкновенная бойня…

— А вот и нет, — возразил Даниил, — будет необыкновенная бойня. Видишь ли, не все народы готовы отказаться от своих заблуждений и даже пытаются нам дерзить. Их нравы несовместимы с христианскими догмами. Более того, гордыня подталкивает неразумных на дерзкие поступки.

— Кто на этот раз? — спросил я, глядя в упор на Путина с Бушем.

— Китайцы, друг мой, — ответил Даниил. — Они возмущаются, что мы почистили их ряды, уничтожив многих грешников. Нам прислали ноту протеста и объявили ультиматум.

— И что, теперь ты их ВСЕХ уничтожишь? — спросил я, переводя взгляд на Даниила.

— А ты предлагаешь сначала поиграть с ними в считалочку? — поднял брови Учитель. — «Ради скольких праведников ты сохранишь…» и прочее Авраамово занудство?

— Может, хотя бы предупредишь? — мрачно предложил я.

— Ну конечно, — ухмыльнулся Даниил. — Выбирай: землетрясения, ураганы, наводнения, цунами, лесные пожары, эпидемии. Тебе что больше нравится? А, — махнул он рукой, — к чему мелочиться, давай нашлем сразу все!

Стоявший в общей толпе Тед Тернер, услышав последнюю фразу Даниила, выхватил сотовый телефон и начал набирать на нем какой-то номер.

— Старичок, — повернулся я к Теду, — неужели ты решил кого-то спасти?

Я не сомневался в том, что телевизионный магнат думал только о рейтингах и собирался позвонить своим телевизионщикам, чтобы те успели подготовиться к сумасшедшему эфиру. Меня охватило чувство брезгливости. Тоже мне, кандидат в цари-пророки новоявленный! Не по чину тебе такими мелочами заниматься! Я сделал едва уловимое движение кистью и выдохнул теплый воздух в сторону презренного медиамагната. Телефон в его руке стал похож на шоколадную плитку и липко стек на землю. Тед вскрикнул от неожиданности, но, уловив недовольный взгляд Даниила, постарался заглотить изданный им звук назад. Получился нелепый всхлип, напоминающий усиленный мощной аппаратурой звук лопающегося мыльного пузыря.

Даниил укоризненно посмотрел на меня и с напряжением произнес:

— Хорошо, чего ты хочешь от меня?

— Ничего не хочу! — буркнул я. — Все просто замечательно! Раз с Китаем и прочими у вас тут все само собой разрешилось, надеюсь, я могу вернуться к себе в далекую и холодную страну? Мне к инаугурации первого царя-пророка Владимира свет Владимировича готовиться надо!

Не дожидаясь ответа, я повернулся к выходу и уже было собрался сделать первый шаг, но почувствовал, что не касаюсь земли. Мое тело, помимо моей же воли, оказалось висящим сантиметрах в пятнадцати над землей. Что-то развернуло меня и ощутимо больно потянуло к

Даниилу. Я приближался и приближался к нему, но он не стал поднимать руки или выставлять их вперед, стараясь избежать столкновения. Движение прекратилось только тогда, когда наши глаза уперлись друг в друга ресницами.

— Мои любовь и терпение безграничны, — четко выговаривая каждое слово, прошипел мне в лицо Даниил. — Я могу и понимаю все. Но хотелось бы увидеть ответные усилия и с твоей стороны. Как смеешь ТЫ поворачиваться ко мне спиной? Кто позволил тебе отворачиваться от МЕНЯ?

Ужасно неудобно смотреть на человека, когда он так близко. Глаза начинают слезиться, сбивается дыхание, сердце трепещет, как воробей, того и гляди вырвется из груди. Пробивает противный, липкий, холодный пот. Хотя не думаю, что подобные реакции моего организма связаны только с неудобством. Паника, друзья мои, самая что ни на есть тривиальная паника! И мне не стыдно. А что вы хотите от апостола в такой ситуации'? Шуток, песен, анекдотов и мелодекламации? Довольно затруднительно это воспроизвести — ноги болтаются в воздухе, как, впрочем, и тело, приставленное к ним, пошевелить не могу даже пальчиком, моргнуть — и то не под силу. А в голове чугунным колоколом звучит голос Спасителя. Вот уж точно — сто раз подумаешь, прежде чем спиной к таким крутым хлопцам поворачиваться! Примечательно, что мысли в голову приходят исключительно ернические. Наверное, ирония разрушает страх. Начнешь относиться к происходящему серьезно — пиши пропало. А может, эту область мозга Даниил не контролирует, ведь он сам никогда не шутит, по крайней мере удачно. Можно, конечно, к происходящему отнестись как к доброй шутке, но это только в случае фантасмагорического отсутствия чувства юмора. А ведь в Евангелиях Христос нигде не шутил. И Даниил смеется скорее на всякий случай, как это делают люди, лишенные чувства юмора, но понимающие, что молчать не очень прилично. Бедный, бедный, безвременно ушедший Папа! Ведь он был практически в том же состоянии, что и я сейчас. Как тело, так и воля его были поражены, и последние слова произносил он не сам, а подчиняясь голосу Даниила, звучащему внутри и озвученному связками, отказавшими в доверии своему хозяину. А со мной этот фокус почему-то не проходит! Ая-ля-ля

— вот какой я молодец!

Ох, не будь во мне врожденной иронии, уже наверняка нес бы что-нибудь высокопарное для всей почтенной публики, находящейся в шатре. Ну а потом сгинул бы героем на первом китайском фронте… Хорохорюсь, а все равно страшно — жуть!

Уверен, что со стороны все выглядит благообразно. Никто ведь ничего не слышит и, что гораздо важнее, не может мысли читать. Даниилу волю мою пока сломить не удается (или он этого еще не хочет), а следовательно, Учитель ставит блоки на выход информации в эфир, так что там, как в России при развитом социализме, царит информационный вакуум. Наверняка умной свите, как с американской, так и с нашей стороны, от этого становится еще страшнее, так что благообразная тишина потихонечку начинает перевоплощаться в зловещую.

Хоть бы муха пролетела, что ли. А то начинает казаться, что я слуха лишаюсь. Мама, папа, кто-нибудь? Господи, что же так страшно становится? И тело мое, далекое от совершенства, уже не послушно. Холодно, а мурашки побежать не могут. Только слезки и текут по небритым щекам. Я терял волю. Чувствовал, как вместе со слезами у меня самопроизвольно вытекает всякое желание сопротивляться. Отчаяние, бездонное, темное и страшное, заполнив душу до краев, привело с собой панику. Господи, я больше не могу вот так вот висеть в воздухе! Не могу, не могу! Кто-то маленький и испуганный орал во все горло в моем мозгу, и от крика его моя черепная коробка готова была разлететься на куски. Да сделай уже что-нибудь, только прекрати эту муку! Нет, это не те слова. Надо молиться, просить у Спасителя прощения за дерзость, авось простит и дарует избавление — любое, хоть небытие. Все лучше, чем эта мука.

Прости меня, Господи, прости меня, прости меня. Прости меня!

Вопль, раздирающий мою голову, постепенно стих, и я услышал голос Даниила:

— Не бойся, Владимир, все будет хорошо. Ты прощен.

Даниил поднял руки и обнял меня, прижав к себе. Моя голова оказалась у него на плече, ноги плавно опустились на землю, и я весь обмяк, прижавшись к Учителю.

— Все хорошо, — сказал он, — тебе скоро ста нет лучше. Присядь рядом с братьями и продол жим обсуждение наших планов.

ГЛАВА 29

Я никогда не был в Китае, да, кажется, уже и не буду — через пару дней смотреть там будет не на что. Зайти в настоящий китайский ресторанчик теперь уже не получится. А жаль.

После того как я успокоился, Даниил представил нам всем на обсуждение ряд вопросов. Вряд ли чье-то мнение, даже коллективное, могло бы поколебать его решимость — отнюдь, наверное, ему просто нравился процесс поиска правильного ответа. Учитель играл с нами. Игра «Что, где, когда?» для избранных — вопросы задает зритель Даниил, а мы в поте лица пытаемся найти правильный ответ. Хорошо хоть количество попыток у нас не ограничено, и проигравшую команду не исключат из клуба.

Вопросик был прост на загляденье — кого будем судить? В том плане, что приговор-то очевиден, но вот кому его выносить? Всем китайцам? Замечательно, а можно еще и всем зайцам, и с тревогой ждать Деда Мазая. И потом, все китайцы — это кто? Билл Гейтс, как представитель великой демократической державы, бахромой распустив слюни, предлагал какие-то детские варианты. Побелев от собственной дерзости, он прекратил сверлить глазами карту Китая, вокруг которой столпилась наша группка, распрямился и посмотрел в глаза Даниилу.

— Учитель, а зачем нам уничтожать их всех? — спросил он.

— Судить, — было ему ответом.

— Какой же это суд, — возмутился Билл, — разве мы сможем услышать каждого?

— Мы — нет, — ответил Даниил, — а ангелы смерти — сколько угодно.

Если не знать Даниила, можно было подумать, что он так шутит. Но, к сожалению, Учитель был абсолютно серьезен, отчего присутствующим сделалось жутко.

— Прости мне мою дерзость, — продолжил Гейтс, — я осознаю, что суд свершится для каждого и он будет справедлив, но почему мы собираемся извести всю нацию? Ведь неуважение к тебе проявили только руководители Китая, так давай с ними и разберемся. Даже мы после освобождения Ирака от Саддама Хусейна не стали уничтожать всех его жителей. Судили только Саддама и приговорили его к повешению, что и свершилось. Согласись, что довольно странно подвергать Китай репрессиям, после того как мы с Владимиром уничтожили там всех тех, кто попадает под категорию страшных грешников. Мне в этом видится нарушение формальной логики, как и основных гуманистических принципов! Затянувшееся удивленное молчание Даниила Билл наивно принял за предложение продолжать речь. Ошалев от собственной лихости, он обвел взглядом стоявших у карты мира, пытаясь разглядеть в их лицах признаки одобрения. Американская фракция действительно пыталась хорохориться. Ученики Билла, выпятившие грудь колесом, походили на пионеров на линейке — глаза глупые, выражение лиц испепеляюще-торжественное. Сверлили они своего вождя настолько обожающими взглядами, что аж слюнявчики хотелось повязать, иначе бы их розовощекий идиотизм с минуты на минуту привел к самопроизвольному слюноотделению. Мои хлопцы, слава богу, прекрасно понимали, что сейчас кто-то получит по шапке, и этот кто-то продолжает пороть чушь, но особого негодования у них сей факт не вызывал. Все-таки внутренняя конкуренция в организации присутствует, как ни крути.

Совершенно иная реакция наблюдалась у кандидатов в цари-пророки.

Буш очевидно скучал и ждал, когда же нас будут кормить. Однако опыт политического борца проявлялся у него даже в мелочах, поэтому лицом американский Президент яростно хлопотал, во все стороны демонстрируя свою заботу о судьбах человечества. А когда речь зашла об Ираке, так и вовсе подбоченился, но скучать и думать о еде не перестал. Мозг, как обычно, жил у него отдельно от мимических мышц, напряженно изображающих внимание. Жак Ширак не сводил с Даниила глаз, натужно пытаясь предугадать развитие дискуссии. Путин же, каким-то образом оказавшись рядом со мной, произнес, практически не шевеля губами:

— Вы что, сговорились? Не самый лучший день для праздника непослушания.

Я решил не отвечать, разумно полагая, что свой лимит фронды на сегодня я уже исчерпал, а жить по-прежнему хочется. Тед Тернер всем своим видом показывал, что страшно рад всех видеть, жаль только, никак не может понять, что же здесь происходит. Дескать, оказался он в нашей компании совершенно случайно, так что делайте что хотите. Вы все просто замечательные ребята, и удачи вам в личной жизни, творческих успехов, а мне пора. Ой-ой-ой, как же я мог забыть? Ну конечно, ко мне бабушка приезжает из Коннектикута, а ее на вокзале и встретить-то некому, так что я побегу, а вы не обращайте, на меня внимания! Типичное поведение белого ботаника в черном квартале. Беседа хлипкого очкарика с невменяемой командой уличных баскетболистов. Однако, когда взгляд Даниила, подобно прожектору, освещающему запретную зону тюремного лагеря, высветил лицо Теда, тот прямо на глазах стал выше ростом. Его усы воинственно встопорщились, ноздри приготовились изрыгать огонь, а глаза стали наливаться кровью и выпучиваться.

Прям Аника-воин.

Я не смог удержаться и помог напряжению, скопившемуся в теле героя, найти клапан, предназначенный природой для стравливания давления. Громкий звук подтвердил, что давление в системе пришло в норму. От неловкости ситуации Тед залился краской, а все окружающие подавили смешки. Только по лицу Назарбаева нельзя было ничего прочитать —

он хранил холодное спокойствие. Очевидно, его колоссальный опыт подсказывал, что продолжение следует. И, разумеется, он оказался прав. Дождавшись, пока мы успокоимся, Билл не придумал ничего глупее, чем все-таки продолжить.

— Может, просто долбанем по Политбюро, — предложил он, — таким образом осудив их лидеров. Китайцы все сразу поймут и пойдут по пути добра!

— Таким же уверенным шагом, как они шли до этого по пути коммунизма, — подумал, но не решился озвучить я.

Даниил тяжело вздохнул:

— Прав был Путин — вы что, сговорились? Или сегодня звезды как-то не так встали, и от этого в ваших мозгах начался отлив? Билл, каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает.

Фраза столь расхожая, что давно воспринимается как одна из догм вашего образа жизни. Вот ты приводил в пример Ирак, но ведь твой бараноподобный и прожорливый ковбой не послал в Багдад пару умельцев для ликвидации Хусейна, а затеял полномасштабную войну, в которой погибли сотни. Таким образом, народ иракский ответил за то, что их правительство не понравилось внешней силе.

Буш-младший втянул голову в плечи, и глаза его забегали, подобно теннисному мячу на финале Australian Open. Даниил подошел к нему и, глядя куда-то в переносицу (взгляд Президента поймать не представлялось никакой возможности), сказал:

— Вам не угодил Саддам, и вы раздолбали все его государство, а его самого вздернули на виселицу. Мне неугодны члены китайского Политбюро с именами, звучащими как матерные частушки, — и за них тоже ответит все население Китая. Ну а гостям Поднебесной не мешало бы подумать, перед тем как отправляться в столь богопротивное место. — Даниил почему-то посмотрел на меня. Буш, воспользовавшись паузой, мелкими шагами самоустранился куда-то в сторонку.

— Наш торг закончен, но, уступая вашей просьбе, — Учитель выдержал актерскую паузу, удостоив нас с Биллом продолжительным взглядом, — я дам китайцам шанс. В течение некоторого времени на территории КНР будут происходить абсолютно все напасти, ярко описанные святым эпилептиком Иоанном в своем Откровении. Благодаря столь явному намеку у понявших и покаявшихся появится шанс на спасение. Чтобы было понятно, о чем речь, разрешите процитировать классика:

Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела.

Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью, и умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла. Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки. Четвертый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была — так, как и ночи.

И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить!

Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя бездны.

Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя. И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы.

И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. По виду своему саранча была подобна

коням, приготовленным на войну; на ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее — как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну; у ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала; власть же ее была — вредить людям пять месяцев.

Даниил замолчал, наблюдая нашу реакцию на откровения Иоанна.

— Положим, на все про все у них будет не пять, а семь месяцев. Точного следования классике я вам не обещаю, как-никак не для одного Китая писано. Будет так: первое число месяца — новая напасть! Но учтите, что результат известен заранее:

Прочие же люди, которые не умерли от этих язв, не раскаялись в делах рук своих, так чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить.

— Так что придется прибегнуть к крайним мерам и спасти только раскаявшихся. Уверен, что их наберется не больше десятка. Да, кстати, — Учитель обернулся ко мне с мальчиками, — до завершения операции в Китае никаких коронаций не будет! Тем не менее ваши кандидаты мне понравились и все утверждены — так что по возвращении в свои владения приступайте к делам немедленно. Торжественное помазание на царствование проведем в Иерусалиме. О сроках я вас оповещу дополнительно.

Даниил отвернулся от нас и сделал жест рукой, понятный во всем мире без перевода. В зависимости от настроения его можно было бы трактовать как «покиньте меня» или «вы свободны». Хотя точнее все-таки — ПОШЛИ ВОН! Почему я так уверен в эмоциональной окраске? Элементарно, Ватсон. Посудите сами: при вежливом варианте мы бы успели сделать опечаленное расставанием выражение лиц, пожать друг другу руки, взметнуть вверх брови и смущенно улыбнуться, а тут пространство жадно втянуло нас в себя и выплюнуло в Москве, в моем просторном кабинете Апостольского приказа.

ГЛАВА 30

М-да, таким Даниила я еще не видел. Резок Спаситель — суров и горяч. Как стоял я у него в шатре с тупым выражением лица, так и теперь в Москве впечатление философа-мудреца не произвожу. Какое там — пошевелиться боюсь! Тихонечко скосил глаза влево, чтобы разглядеть моих хлопцев. Слава Богу, на месте, такие же вдумчивые. Уф, ну и поездочка у нас вышла! Менять туроператора к чертовой матери (прости, прости!). Стояли мы молча минут пять. Первым голос подал Илья:

— Володь, все нормально?

Его вопрос неожиданно поставил меня в тупик. Вот как на него ответить, не матерясь, а? Все это время мальчики были со мной, сами все видели, да и в Москву прибыли тем же жестким способом, что и я, так что, вежливо говоря, вопрос неуместен.

От возникшего диссонанса между колоссальным внутренним напряжением, сжимающим меня, и наивным Илюхиным вопросом, за которым звучала детская надежда, что произошедшее — это страшный сон и сейчас взрослые все объяснят, во мне что-то надломилось. Лицо мое затряслось, я схватился за голову и беззвучно засмеялся. Подсознательное желание свести все произошедшее с нами в шутку внезапно обрело черты инфекционного заболевания. Смех мой не прекращался, а начал упрямо нарастать, вырываясь наружу странными каркающими выхлопами. Сначала вполголоса, а затем уже не сдерживаясь, я громко смеялся. Остановиться я не мог. Мой смех звучал настолько нервно, провокационно и одновременно заразительно, что уже через пару секунд мальчишки смеялись вместе со мной. При взгляде друг на друга нам становилось еще смешнее, и от невероятного напряжения лицевых мышц в глазах у нас стояли слезы. Но мы не умолкали и корчились от боли в припадках сумасшедшего веселья.

Не будучи способны удержаться на ногах, ребята один за одним попадали на пол. Давясь от смеха, они катались по земле, извиваясь, как раненные в живот солдаты, а я сидел на корточках и, задрав подбородок, смеялся во весь голос, захлебываясь, выплевывая из себя смех. Не в силах остановиться, я вдруг понял, что это наваждение само по себе никуда не уйдет и сейчас я так и умру, надорвавшись в приступе болезненного веселья. Мне стало страшно. Я смеялся, но из глаз у меня били потоки слез, и смех стал прерываться истерическими всхлипываниями. Тело сотрясали конвульсии. От спазмов, сковавших мои ноги, я дернулся и упал на спину, корчась в рыдающих приступах того, что только похоже было на смех.

Мысленно я умолял о помощи.

Внезапно хлынувший в лицо поток холодной воды оказался ответом на мои молитвы. Дернувшись в последний раз, я замолчал и открыл глаза — надо мной стояли обеспокоенные ребята. Табриз держал в руках офисное ведро для бумаг — его он использовал для тушения пожара моей истерики. Боже, наверняка напугал я их не на шутку! Молодцы, хоть сообразили прийти на помощь, а то бы так и загнулся, апостол хренов. Не без труда сев на корточки и гордо отказавшись от помощи, я собрал волю в кулак, распрямился, самостоятельно дошел до кресла и, довольный собой, обессилено рухнул в него.

— Дорогой Илья, — сказал я после того, как мое дыхание пришло в норму и живот перестали мучить спазмы перенапряжения, — как ты уже, наверное, понял — ВСЕ СОВСЕМ НЕ В ПОРЯДКЕ! — Последнюю фразу я буквально рявкнул, отчего Илюха непроизвольно дернулся. — Более чем. Мне не хочется даже думать о том, что сейчас творится в Китае. Если и после этого человечество не опомнится, я не представляю, что с ним делать.

— Не думаю, что люди что-то поймут, — ответил Илья, — не так они устроены. Да и был ли вообще этот Китай? Я так ни разу там и не был. — Разведя руками, он улыбнулся.

— Молодец, — с издевкой в голосе сказал я, — с такой здоровой психикой ты далеко пойдешь. Идеальный ликвидатор: зажмурился — и

ни страны, ни угрызений совести! — От досады я стукнул ладонью по столу, вновь повысив голос.

— Ну зачем ты так, — Илья отстранился от меня, сделав шаг назад, — они ведь сами напросились?

— Конечно. Сами. Люди всегда во всем виноваты сами, — сказал я, сдерживая вновь подкатывающую к горлу горечь.

Прервав назревающий скандал, зазвонил мой мобильный. Взяв его в руки, я не без изумления обнаружил, что на дисплее отображен номер дочери. Девочка не говорила со мной уже довольно давно — мы не ссорились, просто графики жизни не совпадали.

— Пап, привет! — беззаботно сказала она. — Все нормально?

Я зажмурился, с силой сжавшись в невосприимчивый комок омертвевших нервов, опасаясь, что этот вопрос вызовет у меня повторный приступ истерики. Смешок, зародившийся во мне, булькнул и исчез.

— Более или менее, — ответил я, — как ты?

Какой-то пустой разговор получается. Холодный я все-таки — ни на что не годный отец.

— Я ничего. Замуж пока не вышла, так что дедом ты еще не скоро станешь, — засмеялась она. — Просто собрались с ребятами из группы в Китай, а бабушка сказала, чтобы я сначала с тобой посоветовалась. Может, подскажешь, что там лучше посмотреть, куда поехать?…

Молодец, денег не попросила — знает, что я и сам предложу!

— А в какую часть Китая вы собираетесь?

Услышав вопрос, троица моих парней враз побелела, став похожей на три испуганных холодильника.

— Ребята, что с вами? — спросил я, и тут до меня наконец дошло, о чем

я говорю. — Поля, — сглотнул я, — что ты сказала? Куда вы собираетесь?

— Па-а-п, ну в Китай, — недовольно цокнула языком дочь. — Прилетим в Пекин, а дальше — как посоветуешь.

Ну и денек сегодня — дешевый голливудский фильм какой-то! Наверняка Даниил все это заварил. Намеки присылает презабавные, взглядики бросает — все играется, а у меня тут кровь бурлит.

— Дочка, давай пока повременим с поездкой! — Меня бросило в пот, и я расстегнул воротник. — Что-то мне подсказывает, что погода в ближайшее время там сильно испортится. Град вроде. Может, лучше в Европу поедете, например в Париж?

— Ой, пап, как скажешь — Париж так Париж! Просто ребята вроде так настроились.

— Перестроятся! — отрезал я и вновь чуть не саданул ладонью по столу. — Ты им просто скажи — папа, мол, не думает, что это хорошая идея. Уверен, что этого будет достаточно! — Я перевел дух и, стараясь говорить как можно радужней, сказал: — Целую тебя, доченька, мне надо идти работать.

— Папа, спасибо! — ответила дочь. — Я тебя люблю.

Я медленно положил телефон на стол. Выдохнул, посмотрел на застывших в ужасе ребят и сказал:

— Ничего себе совпаденьице! Хорошо еще, что догадалась позвонить… Какой я все-таки типичный еврейский отец. Бытует мнение, что мы очень привязаны к семье — маме, жене, детям. Чистая правда. Однако требуются кое-какие уточнения. Маму не трогаем — это святое! От нас тут ничего не зависит — это данность, поэтому любовь — единственный возможный вариант. Во многом это связано с самооценкой. Кто из нас не уверен в собственной исключительности? А так как известно, что яблоко от яблоньки недалеко падает, то шанс для яблони быть «так себе» практически исключается. К счастью, наши

жены — это совсем другая песня. Все-таки их нам посылает Господь для самосовершенствования. А так как мы делаем работу над ошибками крайне неспешно, то и смысла их менять нет абсолютно. Кроме того, жизнью многих поколений доказано, что исключения из «Закона постоянного ухудшения жен в последовательности» крайне редки — каждая последующая жена обязательно будет хуже предыдущей. Хотя даже из этого правила бывают могучие исключения. Говорю об этом специально, чтобы сохранить мир во многих семьях. Ложь во спасение. Примерно как теория о бытовом сифилисе, который якобы можно подхватить, выпив из невымытого стаканчика.

Конечно, из данной последовательности жен обязательно выпадают бросившие нас. Здесь любая последующая будет существенно лучше прежней, по крайней мере до момента расставания. Но вообще-то от еврейских жен, как правило, не уходят. И не потому, что они замечательные матери (что бесспорно), прекрасные любовницы (в чем сильно сомневаюсь) или верные боевые подруги (что не дай бог узнать). Причина в ином. Они чемпионки мира по выпиванию мужской крови при расставании. Еврейская жена вместе с ее многочисленными родственниками при разводе устроят тебе такой ад, что бежать из него будет просто некуда. Куда ни пойдешь — обязательно там окажутся ее тети, дяди, племянники и знакомые, смотрящие на тебя со значением. Уж лучше бы сразу застрелили!

Ее папа и мама (не смей, мерзавец, так говорить о моих родителях!) будут нудеть по телефону и при встрече. Доведут до истерики вашу маму и на этом не успокоятся. Будут писать письма протеста в партком, местком, профком, кнессет, Думу, ООН, Кремль, местную газету, на радио и даже на телевидение «самому Андрюшеньке Малахову»! Забудьте о работе и нажитом состоянии. Если вам и удастся вырваться из цепких еврейских лапок, то только голым и в кровоточащих ранах. Бездомным, безработным изгоем общества с тремя приводами в милицию за хулиганку. Всем общим друзьям ваша бывшая позвонит и раскроет глаза — какой вы изверг на самом деле. А под конец, переступив через себя, позвонит этой подколодной змеюке-разлучнице и поведает ей обо всем, в том числе и о случаях недержания мочи в пятилетнем возрасте, о которых вы самонадеянно забыли. Кому вы

такой красивый после всего этого будете нужны?

Поэтому пуганый еврей как муж всегда второсортен. Пройдя чистилище развода, он пытается в следующем браке заранее подготовиться к грядущей войне и, как хомяк, прячет имущество, превращая свою жизнь в бесконечное ожидание бури. При этом всегда оказывается не готов. Так что с годами прыть угасает, а похоть находит выход в череде романов на стороне. И уж если евреи и вырываются на свободу, то, как правило, во времена глобальных катаклизмов, когда традиционные иерархические структуры оказываются разрушенными и письма в местком и профком не то что не доходят, но даже не возвращаются адресату — сама почта не работает, и испортить репутацию уже ничто не может, так как и сама-то она никому не нужна.

Только не надо нас принимать за борцов за свободу мужчин! Мы просто самовлюбленные лентяи, предпочитающие виртуальные прожитые жизни изменениям в настоящей. Заметьте, я ни разу не упомянул о таком тяжелом якоре в семейных отношениях, как дети. Ну чем не фактор стабильности? Хотя, с другой стороны, они никуда не денутся и при разводе, ведь им по-прежнему будут нужны деньги и мудрый совет. Тем не менее общеизвестно, что евреи любят своих детей.

Да-да, детей, а вовсе не свежую кровь невинно убиенных христианских младенцев по утрам на голодный желудок. И откуда только эта чушь появилась? Как же тогда жили евреи до появления христианства? Что, не завтракали пару тысяч лет, а потом выделили из своих же рядов апостолов и первых христиан для прокорма? Какими же идиотами надо было быть, чтобы такое придумать? Уж точно еще большими, в это поверит только дитя неразумное размером пятьдесят на пятьдесят сантиметров.

С уверенностью могу сказать, что антисемитизм — это форма душевного расстройства. Ничем иным объяснить маниакальную уверенность в существующем заговоре, к которому евреи подключаются по факту рождения, невозможно. Причем заметьте — к сговорившимся евреям относят любых граждан при наличии у них самого дальнего родственника с любой стороны. Родится ребенок с капелькой еврейской крови, и все — он уже носитель тайного знания и

подлый заговорщик. Опровергать все это — себе дороже, при разговорах с душевнобольными логика бессмысленна. Хотя можно попробовать еще разок. Итак, в современной Европе на конец двадцатого века жило аж шестнадцать миллионов прямых потомков Чингисхана. Учитывая, что Авраам жил за тысячелетия до него, несложно понять, что людей без его капельки у себя в крови практически нет. Примите мои поздравления.

Итак, евреи любят своих детей, но скорее умозрительно. Прикольно, что они есть и иногда на нас похожи. Приятно, что ими можно гордиться как продолжением себя, и замечательно, что они могут принести стакан воды и сходить за газетой. Здорово. Как очень точно заметила одна умная еврейская девочка в разговоре со своими родителями: «Папа любит, когда мы с мамой дома, но в соседней комнате». Это очень точное определение.

Воспитательный процесс ограничивается выделением финансов и личным примером. Сходить с детьми куда-то, где ими можно похвастаться или и без них интересно — еще куда ни шло, но выполнять тяжелую работу по воспитанию на ежедневной основе — увольте, это не для нас. При этом мы детей обожаем. На расстоянии, изредка подходя к карапузу и делая «козу». Интерес к ним просыпается позже, когда они становятся личностями, способными осознать, как им повезло родиться именно в этой семье, от такого замечательного отца, и умеют поддержать беседу точными и ненавязчивыми фразами.

При этом необходимо учитывать, что при всей легкой циничности данного подхода мы разительно преображаемся, когда возникает реальная угроза семье. Болезнь или враги вызывают к жизни механизмы мобилизации, и на ваших глазах амебоподобный, безответственный отец превращается в решительного бесстрашного стратега, разрабатывающего эффективный план действий и немедленно его реализующего. Сюсюкающий еврей — редкость, но могучий воин, скинувший личину зашуганного и испуганного ботаника — вполне обыденное явление.

ГЛАВА 31

Удивительно — как люди умудряются жить и заниматься обычными делами, когда сравнительно недалеко от них, всего в паре часов лета, мучительно гибнет древнейшая цивилизация? Уже через несколько дней после нашего не самого удачного визита к Даниилу жизнь вошла в прежний размеренный ритм. На наши шеи развязно взгромоздилась истосковавшаяся по чужому горбу рутина. Приходилось решать множество задач, о которых мы раньше даже подумать не могли. Во многом стал понятен груз, прежде лежавший на плечах большевиков: взять власть еще полдела, вот как распорядиться — это вопрос!

Неожиданно возникли вопросы экономики и политики. Хотя мы и заручились полным пониманием со стороны Кремля, со временем выяснилось, что и он не всесилен. К сожалению, существует множество вопросов, на которые не найти ответа в Библии. Передать функцию разъяснения было некому, так что пришлось нам самим разгребать кучу запросов от органов власти разного уровня. К счастью, для этой работы идеально подошел Никита — вот уж где его таланты проявились полностью. Особенно он любил вопросы землеотводов и разрешений на строительство в Москве. Поначалу его решения пытались блокировать местные начальники, но Никита нашел довольно эффективный способ убедить их в собственной правоте. Собрав весь кагал в здании Моссовета, он воздел руки к небу и потребовал, чтобы волосы тех, кто принимает решение за взятки, покинули головы своих хозяев. А для пущей убедительности добавил: «И пусть кожа почернеет у них и у тех, кто принимает решения в интересах своих родственников!» Очевидно, что после этого все московские чиновники стали донельзя узнаваемыми людьми. Зрелище из негров-муниципалов с зеркально лысыми головами некоторое время забавляло всю столицу, но по просьбе Путина я все же вернул им прежний облик. Повременив пару дней из вредности. После этого все проблемы с коррупцией в Москве оказались решены.

Никита оказался совершенно незаменим и в разрешении бесконечных коммерческих споров, которыми я категорически не хотел заниматься. Да ко мне и не обращались после одного довольно комичного случая. С этим сумасшедшим графиком я уже не помню когда, но точно совсем недавно, раздается звонок. Звонит Слава Сурков. Чувствую по голосу, что в комнате он не один.

— Владимир Рудольфович? — говорит он. — Привет, как дела? Как Эльга, все ли нормально?

Одним словом, обычная вежливая прелюдия. Активно поддерживаю беседу и жду развития событий.

— Знаешь, тут у меня сейчас Миша Фридман, — через некоторое время выдавливает из себя Сурков, — и у него к тебе есть один короткий разговор. Ты не мог бы уделить ему минут десять-пятнадцать?

Я не стал спрашивать о том, кто такой этот господин Фридман. Я и так знаю — банкир, нефтяник, один из самых богатых людей страны. Не могу сказать, что встреча с ним входила в мои планы, но никакого повода отказывать Суркову я не видел. Так что решили встретиться, но от предложения заехать в банк я отказался категорически — остался ждать у себя в Апостольском приказе. Не прошло и пятнадцати минут, как мне доложили, что гость в приемной. Я попросил проводить его ко мне.

Конечно, Фридмана я видел не раз и был с ним хорошо знаком еще по своей журналистской работе. Сильный, волевой, очень умный, абсолютно безжалостный и феноменально жадный человек. Каждый раз, когда он смотрит на тебя, возникает живое ощущение, что он решает, как бы к тебе так подобраться, чтобы поудобней слопать. В его обществе чувствуешь себя кузнечиком, к которому уже пришла лягушка — прожорливое брюшко. Одет Фридман был так, что сходство с земноводной обжорой только усиливалось. Строгий костюм от Китона, идеально подобранные рубашка и галстук все равно не сидели, так как явно были куплены в надежде на то, что их хозяин похудеет. Но в борьбе с животом победителем вышел живот, который теперь гордо рвался на свободу, оттопыривая пуговички. Михаил был предельно

честен и перешел в наступление сразу после приветствия:

— Владимир, я бизнесмен и могу сказать, что не самый плохой. — Он ухмыльнулся. Очевидно, ухмылка должна была означать, что проявленная им скромность — это намек на самоиронию. — Я не хочу лезть в ваши дела и выяснять, кто вы есть на самом деле. Христос, Антихрист? По мне — хорошо, что евреи и не коммунисты. Но есть у меня к вам пара вопросов. Все-таки коммерция в мире осталась. Не знаю, каким образом к вам приблизился Билл Гейтс, но «Майкрософт» точно в выигрыше.

— Билл — избранный! — напомнил я.

Михаил сделал жест плечами, который должен был означать, что он с этим и не спорит, хотя сам выбор и не одобряет.

— Хорошо, с этим понятно, — согласился Фридман, — но ведь и Тед Тернер сумел выправить свои дела и резко усилиться. Поймите, я не жалуюсь, но и мы, как группа компаний, вполне могли бы поучаствовать в вашем проекте.

— Каким образом? — поинтересовался я. Разговор становился забавным.

— У нас есть и собственные телевизионные каналы, и банки, и большой опыт работы с судами и с государственными органами управления.

— Взятки даете? — то ли спросил, то ли подсказал ему я.

— Нет! — возразил Фридман, да так, что я почти ему поверил.

— А что так, денег жалко?

— Жалко, — сказал Фридман, и вот тут я поверил ему сразу.

— Так как же тогда?! - удивился я.

— Очень по-разному, — ответил Михаил и тяжело вздохнул.

— Так от меня-то вы что хотите? У вас и так все есть.

— Понимаете, — вкрадчивым голосом произнес не самый плохой бизнесмен, испытующе глядя мне в глаза, — в нашей среде от близости к первому лицу зависит очень многое, практически все! С вашим появлением расстановка сил кардинально изменилась. Все традиционные схемы и понятия ушли. Ну, скажем, раньше Рома высоко стоял, потом Олег. Боролись они вместе то с Ходором, то с Гусем, то с Березой. Кто к Игорю зайдет, кто к Славе — ну, в общем, это наша внутренняя кухня, и так сразу ее не понять.

— Ну почему же, — задорно возразил я, — очень даже ясно! Кто с Христом ходит, тот и авторитет. Кто к нему ближе всех сидит, кто голову ему на грудь кладет, кого он словом удостаивает — тот и в законе. То Петр, то Павел, то Иоанн, то Матфей. Видите, Михаил, — у нас с вами подходы не сильно отличаются.

Фридман понял, что я над ним подшучиваю, и это ему не понравилось. Он сделал паузу и пожевал губы. Я услышал, как он мысленно приказал себе ни о чем не думать, «ведь Сурков предупреждал, что Владимир их читает».

— Молодец, Михаил! — сказал я. — И удар держите, и домашнюю работу выполняете. Не буду я вас мучить. Я не замена Путину, это он ваш Президент. Мне от вас никакой помощи не надо, хотя не удивлюсь, если выяснится, что от моего имени вы уже и обращались, и воспользовались.

По промелькнувшей ухмылке я понял, что угадал.

— Поймите меня правильно, — продолжал я, — тот факт, что вы сейчас живы и стоите передо мной, означает, что, в отличие от многих ваших коллег, вы не совершали смертных грехов. По крайней мере, лично. Но вопрос остается открытым — как насчет чистоты ваших помыслов? Если вы жаждете наживы — то я вам помогать не собираюсь, а вот если спасения — то сначала вам надо покаяться, причем чистосердечно. Вам есть в чем каяться?

— Это очень сложный вопрос, — ответил Фридман, повторно кусая нижнюю губу.

— Простейший! — воскликнул я. — Давайте я вам помогу.

С этого момента у нас с Михаилом и возникли основные расхождения. Все то, что он считал достижениями, по моим представлениям требовало глубочайшего раскаяния. Чем глубже я вникал в прошлое и настоящее моего гостя, тем грустнее становился. После последнего факта его отнюдь не безупречной истории христианской жизни, я понял, что больше не могу продолжать.

— Вот что, Михаил, — произнес я, давая понять Фридману, что подвожу итог нашей беседы, — я все понял. Единственное, что я могу для вас сделать, это посоветовать следующее: раздайте все ваше имущество и ступайте замаливать грехи в пустыню.

— У меня были иные планы, — насупился он.

— А мне наплевать, — ответил я и, подняв руки, отправил Фридмана, как он был, в своем Китоне, прямиком в Иорданскую пустыню. А имущество его, в том числе и заботливо запрятанное в оффшорах, перевел в распоряжение Никиты — он разберется, что к чему. Вот после этой истории предприниматели мне на глаза старались не попадаться и все как один толпились в приемной у Никиты.

Тем не менее было бы неправильно считать, что все мои бойцы отсиживались в кабинетах. Рады бы, но с прискорбием должен сообщить, что люди не способны делать даже самые элементарные выводы. Так что Илье и Табризу также пришлось самолично учить граждан уму-разуму. Каждый месяц все новые напасти обрушивались на Китай, а люди ни в самой Поднебесной, ни в других уголках планеты не делали выводов. Не каются, и все тут! Первую неделю после начала черной полосы в жизни КНР все телевизионные репортажи стартовали со сводки событий на Дальнем Востоке, но постепенно успокоились. Теперь гак, изредка, перед прогнозом погоды вспоминают об удивительных природных катаклизмах в Китае и о том, что еще одна пара сотен миллионов от очередной напасти погибла.

Цифры жертв потрясали людей только поначалу, а потом исчез даже спортивный интерес. Все благотворительные организации вдруг куда-то подевались. Да и кто будет оказывать помощь во времена Божьего суда — как-никак, все не случайно. Удивительно, но по всей территории России и ближнего зарубежья регулярно возникали разнообразные ереси, с которыми приходилось жесточайшим образом бороться. Нюх на таких отщепенцев развился у Табриза, а уж приводил их в чувство Илья. Тандем получился — загляденье! Всему виной была людская тяга к чтению и любомудрствованию. Наши граждане с диким рвением принялись постигать основы христианства и тут же воплощать их в жизнь. Остановиться никто не мог — лоб уже синий, колени в мозолях, но этого все равно было мало. Развелось множество лжепророков, которые стали требовать буквального воплощения всего написанного в Евангелии. Их последователи перестали хоронить мертвых, добывать себе хлеб насущный и, раздав собственное имущество, стали требовать того же от всех остальных, безжалостно забивая камнями сопротивляющихся. К счастью, в условиях низких температур такие шалости не приводили к появлению и распространению инфекций, а попробуй где-нибудь по жаре сотенку-другую трупов не захорони, и все — прощай, Краснодарский край! Тут-то и появлялись мои мальчишки.

Табриз действовал первым. Потихонечку и ненавязчиво он выяснял, что творится и кто баламутит. Искренне пытался помочь советом, пояснял, что самодеятельности не надо, что счастье большое уже наступило. Если что непонятно, можно спросить у апостолов и те все объяснят. Или, на худой конец, обратиться в церковь — с этой организацией работа уже была проведена. Случалось, люди вменяемые и сами наводили порядок. Таких мои ребята продвигали по иерархической лестнице, обещали поездку в Москву и аудиенцию с Царем-пророком. А кто упорствовал, знакомился с Ильей.

Ни в коем случае не стоит думать, что Илюша злой или жестокий. Совсем нет. Просто работа тяжелая, да и имя обязывает. Ведь и Илья-пророк был человеком, мягко говоря, не сахарным. Вон детишки как-то раз дразнили его плешивым, так он медведя позвал из леса и тот детишек задрал. А все равно ведь праведником считается, да еще и из первостатейных. Вот ведь какой чести удостоился — нетленный! Еде-то

до сих пор с Енохом бегают да коварные планы строят — ну прямо как дети. Старики-разбойники. Так вот, Илья каждый раз относился к каре творчески — сначала внимательно определял, кого ему напоминает враг, и только потом решал его судьбу. Кому бесчувственным оземь грохнуться, кому в соляной столб превратиться, а кому каменьями побитым быть.

Больше всего ему нравилось посмотреть задумчиво на очередного бесноватого и спросить со значением: «А что, милейший, на работе горите? Ну так горите-горите…» И посмотреть, как несчастный оборачивается грудой пепла. К чести Ильи, прибегал он к этим мерам крайне редко и всегда страшно переживал, отчего мне то и дело приходилось его успокаивать. Что, впрочем, довольно легко получалось.

Собственный опыт помогал.

ГЛАВА 32

Я наслаждаюсь непростыми законами течения времени. То день мой тянется бесконечно, то не успеваешь оглянуться, как на дворе уже лето и шуба на моих плечах вызывает улыбки у случайных прохожих. Я не удивляюсь — переживание скачков ритма жизни свойственно любому человеку, правда, скорость у всех своя. Иногда можно годами жить с человеком в одной квартире, а темп будет настолько не совпадать, что вы оба проживете совершенно разные жизни.

Особенность человеческого восприятия жизни состоит в том, что себя мы не оставляем ни на мгновение — наша память пытается услужливо спрятать негативные воспоминания, прерывая работу сознания забвением и на ходу расставляя удобные эмоциональные акценты. Только тело, подвластное неукротимому процессу старения,

продолжает вести последовательный отсчет времени и не желает поддаваться спасительному самообману. Когда я вижу людей, подносимых мне течением времени, я задумываюсь: какими они пришли к этой встрече, каждый из них? Вот сейчас я закрою глаза, встану и уйду, оборвав нашу связь, а их временной поток останется непрерывным. Они будут продолжать в нем плыть, удивляясь нашей краткой встрече.

А память обо мне уступит (хотя самонадеянно полагаю, что не сразу) место иным впечатлениям.

Восприятие людей всегда дискретно, отрывочно и фрагментарно. Оно разбито на картинки встреч — очных ставок, и мы лишь додумываем остальное, базируясь на полученной из разных источников информации. Насколько мы точны в собственных представлениях, ответить несложно. Давным-давно, катая в коляске свою совсем еще маленькую дочь, я замечал, как она, играя своей игрушкой, иногда вытягивала ручку и оставляла плюшевого зайчика за пределами коляски. Ушастый падал на землю, я делал шаг и подбирал его. Через некоторое время дочка вспоминала о любимце и опускала руку точно в то место, где по ее мнению должен был бы находиться зайчик. Его там, конечно же, не было. Прежде чем она успевала огорчиться, я возвращал игрушку на место, и дочка не замечала своей оплошности. Зато зайчик был уже совсем другим, пережившим падение на землю, ужас от расставания с хозяйкой, возвращение надежды и счастье от воссоединения.

Если переживания зайчика для вас не важны, вы не заметите изменений в его состоянии — тайная жизнь игрушки ускользнет от вас. При каждой встрече ваши знакомые будут казаться такими же, какими вы их оставили. Возможно, физические изменения бросятся вам в глаза, но перемены в душевном состоянии друзей могут пройти мимо. Такие вещи нередко происходят в каждой семье. Как часто родители не имеют ни малейшего представления о происходящем с их детьми? Вроде бы те находятся все время рядом, но разве они наблюдают?

Из каждой командировки мои ребята возвращались измененными, и меня они находили совсем иным. Я все так же слушал их отчеты, формально оставаясь прежним, но не мог не удивляться метаморфозам,

происходящим с нами. Мы менялись. Нет, мы не отдалялись друг от друга, не грубели и не выгорали от непосильной работы. Даже наше взаиморасположение в Данииловой иерархии не претерпевало никаких изменений, просто жизнь давала нам опыт несовместных переживаний, которые вносили все новые и новые краски в портреты наших личностей.

Пришло время, и я волевым усилием приказал себе прекратить отслеживать происходящее в Китае. Это было непросто, но психика моя могла не выдержать картин Иоанновых предсказаний, явленных наяву, поэтому я трусливо спрятался в повседневную работу. К счастью, Даниил очень вовремя приказал нам начать готовиться к коронации парей-пророков. Я перестал рассуждать категориями «морально» и «аморально» — кто я, чтобы осуждать его? Если должны погибнуть миллиарды, то так тому и быть. Они сами это заслужили, а то, что происходит сейчас там, вдалеке, — никакие не пытки, а проявление Божественного милосердия — предоставленный шанс на спасение. И не надо устраивать мне сопливых сцен и завываний. Не надо спрашивать, почему бы нам не выйти и не объяснить все несчастным китайцам или сразу — легко и без мучений, просто и незатейливо лишить всех грешников жизни. Не надо. И главное, не стоит задавать мне этот страшный вопрос — ГДЕ ЗДЕСЬ ЛЮБОВЬ?

Я стал действовать как обычный чиновник, период романтического служения безвозвратно прошел. Даже умение творить чудеса перестало приносить мне радость. Безразличие — вот, пожалуй, самое точное определение моего теперешнего состояния. Поблекли краски жизни, ушло солнце, небо затянуло тучами. Даже если на улице было светло и солнечно, все вокруг меня подергивалось серой безжизненной дымкой. Что поделать — меня обложили обязательствами, но забрали удовольствия. Даже семейная жизнь начала приедаться, потому что, несмотря на все усилия, нам с Эльгой никак не удавалось зачать ребеночка.

Она страшно переживала, винила во всем себя и постоянно ходила по докторам. Я не удерживал ее. Поначалу сама идея о продолжении рода и появлении потомства казалась мне кощунственной — Конец света на

носу, да и мой статус не очень сочетался с семейной жизнью, однако, как говорится, ночная кукушка дневную перекукует. Эльге казалось, что я не хочу от нее детей совсем по другим причинам, что, бесспорно, унижало ее. Конечно, от других жен — пожалуйста, а она так, не пойми что. Военно-полевая жена времен Страшного суда. Только внимание к нашим жилищным условиям со стороны светских властей немного успокаивало ее.

После того как я увидел Даниила, пошло любезничающего с рыжей официанткой, я перестал терзать себя сомнениями по поводу моих отношений с Эльгой. Билл, между прочим, давно был женат, так что формальных поводов скрывать мою романтическую привязанность уже не было. Мы перестали прятаться от папарацци, что и так уже давно было излишним: после моей более чем впечатляющей беседы с прессой ни у кого из журналистов даже мысли не возникало тиснуть о нас статейку.

Эльга, как женщина мудрая и любимая, конечно, не могла не понимать, что какой бы я ни был апостол, а все равно — мужик. А значит, в постели из меня можно веревки вить. Все шло по плану. В ответственные моменты я дышал правильно и процесс завершал в строгом соответствии с традицией, но результата все равно не было. После сотни бесплодных попыток моя бедная девочка специально сходила к самому авторитетному в Москве врачу только для того, чтобы услышать, что никаких проблем по женской линии у нее не наблюдается.

В итоге у нас состоялся крайне неприятный разговор, после которого наши отношения не то чтобы ухудшились, но навсегда потеряли одно из прежних своих измерений.

ГЛАВА 33

В тот вечер я явился домой не в лучшем расположении духа.

Илья с Табризом как раз вернулись из крайне тяжелой командировки в Екатеринбург — на этот раз там дело попахивало не простой ересью, а мощным духом наркотиков. Ряд бывших депутатов Государственной думы, вспомнив свое дополитическое прошлое, решили помочь гражданам еще до наступления Страшного суда обрести рай. Сделали они это в своей привычной манере — райские кущи предлагались людям по доступной цене. Для достижения желаемого эффекта преступники стали использовать какую-то невиданную доселе синтетическую дурь. Эффект от ее употребления был таков, что иногда целые районы месяцами не выходили из наркотического угара. Когда у несчастных, подсевших на крючок, кончались последние средства на покупку очередной дозы, они были весьма недалеки от обещаний драгдилеров — физическое истощение действительно вплотную приближало их к смерти. С одной стороны, чего нам наркоманов жалеть? Их место в Аду, как Рай ни приближай — результат будет тем же. Но с другой стороны, если разобраться, — непорядок. Самосуд. Интересно, что, когда мои хлопцы оказались на месте, главари Сибирского наркокартеля уже были обезврежены и даже испепелены. По словам очевидцев, над ними поработал один не по возрасту накачанный старик. Описания однозначно указывали на Еноха. В общем, новости были не из приятных.

Анализируя всю эту тягостную информацию, я пришел домой, где и попал под жесткий артобстрел со стороны Эльги. Наезд начался довольно обыденно: друзья, подруги, никуда не ходим, никого не видим. Даже Сашку с Яной, ребят, которые нас познакомили, уже и не вспомним, когда видели в последний раз. И сколько это все будет продолжаться. И я тебе вообще никто. И брак ты со мной регистрировать не собираешься. И детей от меня иметь не хочешь…

Я мужественно молчал. Возражать в такие моменты бессмысленно, будь ты хоть трижды апостол Советского Союза, и поток ее сознания никак не иссякал. Пока Эльга забрасывала меня всеми мыслимыми и немыслимыми обвинениями, я вдруг снова задумался о том, что давно уже не видел на улице беременных женщин. Эльга продолжала

верещать, но для меня ее истерика звучала отдаленным фоном. Не мешая ей изливать негативные эмоции, я мысленно связался с Табризом.

— Старичок? — позвал его я.

— Весь внимание, шеф! — подумал в ответ Табриз. — Мне подойти?

— Лучше не надо. У меня дома семейная сцена, так что пообщаемся мысленно.

— Как скажете, шеф! Какие указания? — Выясни, как обстоят дела с рождаемостью у нас в стране и за рубежом.

Конечно, я мог бы и сам вытащить всю эту информацию, достаточно лишь было пожелать ее получить, но мне очень хотелось пообщаться с хорошим человеком в момент семейной ссоры.

Между тем Эльга продолжала набирать обороты — теперь уже шел разбор моих человеческих качеств в применении к домашним делам. Из краткого обзора становилось ясно, что как член семьи я хуже домашнего животного — пользы от меня мало, а помощи по дому и вовсе никакой. Чужим людям, дескать, от моих якобы чудотворных способностей что-то и перепадает, а вот ей! И вообще, ей есть что поведать миру.

Мне стало интересно, что она имеет в виду. Вроде бы в интимной сфере у нас все было более чем хорошо. Хотя может быть, это традиционное для всех мужиков заблуждение, и моя любимая притворялась в каждое из чудных мгновений? Но все оказалось не так трагично. Имелось в виду следующее — не в церковь же ей идти свечку ставить или какое-нибудь там паломничество совершать, чтобы забеременеть. Неужели я не могу сам сотворить такую малость? Или уж если мне нельзя по каким-то там соображениям использовать свои способности в личных целях, то попросил бы дружка своего Билла, или уж самого нашего главного — Даниила.

Повисла пауза. Вопрос прозвучал, и по всем законам жанра я должен

был ответить. Но я молчал. Я ждал информации от Табриза, хотя в этом не было никакой надобности. Я уже все понял, просто для чистоты эксперимента надо было дождаться официального доклада. Эльга сочла мое молчание пренебрежением и попыталась убежать в спальню, но я остановил ее движением руки. Нет, не подумайте, что я использовал свои сверхвозможности, мы еще в первые дни договорились, что у нас все будет естественно, без всяких хитрых штучек. Просто Эльга поняла, что внутри меня идет некий процесс — компьютер урчит и работает, а значит, результат вскоре будет объявлен.

Наконец в моей голове заговорил Табриз. Был он огорчен и встревожен.

— Шеф, не знаю, как эта проблема ускользнула от нашего внимания, — начал он.

— Слушаю тебя.

— Довольно странная ситуация. Во-первых, беременные женщины перестали появляться по всему миру сразу после вашей передачи на CNN с Даниилом.

Я поморщился и поправил:

— Не моей передачи, а Ларри Кинга…

— Как скажете, шеф. Во-вторых, те, кто уже ждал ребенка, очень быстро разродились, причем вне зависимости от срока беременности все дети родились абсолютно здоровыми. Их взросление происходит колоссальными темпами — ученые ломают голову над природой этого явления.

— Понятно. Спасибо.

— Хочу еще раз подчеркнуть, что новых беременностей не зарегистрировано. Акушеры уже не нужны как врачебная специальность. — Спасибо, Табриз.

— Владимир, а что это значит?

— То, о чем я говорил уже очень давно — какой смысл рожать новых, если и так скоро все закончится.

Закончив мысленный диалог с Табризом, я решил поведать Эльге горькую правду.

— Любимая, — произнес я, глядя ей в глаза, — детей больше не будет. И я говорю не только о нас с тобой, а обо всем человечестве.

Эльга посмотрела на меня как на умалишенного, несущего фармакологический бред. Впервые за время нашего знакомства в ее взгляде промелькнуло презрение. Было видно, как она ищет в своей памяти примеры беременных подруг или вспоминает семьи с новорожденными детьми, чтобы, вспомнив их, уничтожить меня. Но она очень скоро поняла, что таких нет. С маленькими детьми — да, но не с новорожденными. Ее глаза наполнились слезами, и очень тихо она спросила меня:

— Почему?

— Боюсь, что тебе не понравится мой ответ. Он будет довольно заумным, а ты такие объяснения не любишь.

Эльга выдавила из себя подобие улыбки:

— Не люблю. Но, если нет выбора, я потерплю.

— До Ноя люди жили долго, по нескольку сотен лет, и старость не приходила к ним — они рожали детей до самой смерти. Все изменилось, когда Господь прогневался на человечество и решил устроить Великий потоп. При этом Всевышний положил ограничение в сто двадцать лет на время человеческой жизни.

— Почему сто двадцать?

— Есть мнение, что именно столько лет понадобилось Ною для того, чтобы выполнить все указания Господа по строительству ковчега и его наполнению тварями земными. Так что дольше жить не имело смысла,

потому что все и так погибнут.

— Какой ужас! То есть нам осталось так мало жить, что уже не имеет смысла рожать?

— Боюсь, что да.

— А у Ноя были дети? Я имею в виду не тех трех. Пока он строил, его жена рожала ему детей?

— Нет.

— А сразу после потопа?

— Нет, но надо учесть, что, когда потоп начался, Ною было уже шестьсот лет, да и после потопа он жил еще триста пятьдесят. Так что, может быть, в этом была причина. Сразу после потопа поступило прямое благословение Господа: «…плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю». Так что внуков у него было множество.

— Чтобы были внуки, нужны дети, а у нас их нет! — Эльга больше не смогла сдерживаться и зарыдала. Глядя на любимую, я почувствовал, как у меня внутри все сжимается от жалости к ней и к себе. К горлу подступил горький комок, глаза застило слезами. Я стал глубоко дышать, пытаясь совладать с собой.

— И зачем же нам дальше жить? — спросила Эльга.

— Надеяться, — ответил я. — Ведь нам даже на двоих еще и ста лет нет. А потом, после Страшного суда, может быть, все и наладится, как в истории с Ноем. — Голос мой звучал неубедительно. Я не знал ответа на ее вопрос и был благодарен Эльге за то, что она не упомянула Даниила и не винила его во всех наших бедах.

В ту ночь мы больше не говорили. Эльга ушла в спальню, а я остался в кабинете. Я слышал, как она горько плакала, но понимал, что сейчас ей лучше побыть одной. Когда она успокоилась и заснула, я пришел к ней, лег рядом, обнял и пролежал так всю ночь.

Я не смог уснуть. И мы больше никогда не возвращались к этому разговору.

ГЛАВА 34

Уныние воцарилось в мире.

Или, быть может, только в моей душе, хотя разве этого не достаточно, чтобы краски жизни поблекли?

Царство Божие на Земле оказалось на редкость пресным блюдом. Грех — как специи, он придавал хоть какой-то вкус происходящему, а теперь? Кого ненавидеть? С кем бороться? Даже любить некого. Без детей любовь превращается в похоть, а это уже грех. Конечно, еще остается Даниил, но в моей жизни такая темка уже звучала — «счастливое» советское детство и всеобщая любовь к дедушке Ленину. Не работает. Любовь к Господу не замещает любви к женщине. Это правило едино для всех, кроме монахов. Что, превратим весь мир в один большой монастырь? Можно, конечно, но скучно…

Хотя забавы еще можно находить. Вот, например, коронация царей-пророков — замечательное будет зрелище! Да надо бы и храм Соломона в конце концов восстановить или дождаться такого состояния на Земле, что он сам нам явится. Или как там Даниил напридумывает. Хотя возникает у меня смутное подозрение, что наш Учитель не очень-то и торопится с Храмом, ведь сам факт его появления обозначает переход к новой фазе. Что там ждет, неясно даже ему, зато сейчас фаза у Даниила по полной программе. Отрывается за все предыдущие годы безвестности. Шуточки-прибауточки, официанточки и прочие прелести телевизионной славы.

Мысли у меня не очень адекватные. Опасные, прямо скажем. Так можно

и до Иудиных рассуждений дойти, только вот некуда стучать на Даниила, да и Павлик Морозов не мой кумир. Так что могу идти только другим путем, великолепно отработанным в суровые советские годы. Маршируем все вместе, и лица серьезные, а в башке мысли совсем о другом. Кухонная свобода. Громко — речовки, шепотом — матерные частушки. К раздвоению личности нам не привыкать, еще добряк Фрейд констатировал амбивалентность русской души. На работу вовремя прийти и с ребят строгим голосом спросить я всегда сумею, а далее по распорядку — чем-нибудь себя занять, например компьютерными играми, чтением фантастики и прочим убиванием времени. Хорошо еще, что вязать не начал — вот бы была хохма! Варежки апостольские — чудотворные и совсем недорого.

Я стал избегать контактов с руководством страны, что, кстати, пошло на пользу общему делу и даже подогрело интерес к моей персоне. Все лизоблюдские газеты, — а других и не осталось, — восхваляли очередное деяние моих чудо-богатырей и будущего царя-пророка Владимира Владимировича, но страх и уважение к моей скромной персоне сквозили в каждой статье. Я оказался той самой руководящей и направляющей ролью партии, о которой так долго талдычили большевики.

Талдычили, талдычили, талдычили, талдычили, да и выталдычили.

Кстати, о партиях: их я разогнал, как и профсоюзы, и все прочие гражданские объединения — надоели бездельники. Политические задачи уже решать не надо, народные интересы я и без этих прохвостов знаю, так что нечего дурью маяться.

Слухи обо мне поползли один краше другого: и каждую-то ночь я к Даниилу перемещаюсь и мы судьбы мира вместе решаем, и поручен-то мне титанический труд по разработке нового молитвенника и вот-вот я его представлю. И сам я на людях не появляюсь, потому что денно и нощно молюсь за Расею-матушку, причем в веригах, коленопреклоненный и уже лоб свой весь в кровь поклонами размолотил. Последний слух оказался наиболее популярным и привел к появлению многочисленных последователей, которые перманентно стали истязать себя во имя Божие. Я не возражал: по крайней мере, у

них не будет времени грешить, что уже неплохо. Хотя особой помощи России от такого подвига не будет.

Странный народ. Вот как они себе это представляют — спасти Расею? От чего и от кого? От Страшного суда? Так; страну никто и не судит — ни озера, ни луга, ни травинку, ни былинку, ни пылинку, ни фигинку! Судят граждан, даже тех, кто таковыми и не является. Совсем я с вами запутался. Людей, людей судят, причем не коллективно, а по одному. И воздастся каждому по заслугам его.

Хотя вот как раз с заслугами есть проблемка. Сидели мы как-то раз в Апостольском приказе и обедали. Мальчишки мои быстро освоились с прелестями новой работы и научились получать от жизни маленькие радости, так что наш обеденный перерыв проходил не совсем обычно. Конечно, мы едим, но только совсем не готовим, и кухни у нас нет, и еду нам никто не доставляет. По очереди мы выбираем место и кухню, которую хотелось бы сегодня попробовать, и перемещаемся на время перерыва туда, а потом возвращаемся обратно. Для всех сотрудников наше отсутствие незаметно, просто мои бойцы заходят ко мне в кабинет и выходят оттуда через пару часов сытыми. Мы таким манером посетили почти все Мишленовские рестораны, хотя пару раз нам приходилось их открывать во внеурочное время из-за разницы во времени. Ну и самым жестоким образом отменять резервирование, если вдруг не оказывалось свободных мест.

Нас никогда не узнают, что, впрочем, и неудивительно. Да особо и не замечают — мимикрировать-то дело несложное, а пара пассов руками замечательно стирают память.

Вот здесь умничать не надо, я и сам знаю, что вполне можно обойтись без рук и что одних мыслительных усилий предостаточно. Но ведь так можно и вовсе обленитьсяся. Нет, нет, нет и еще раз решительно нет! И не пытайтесь меня уговаривать. Гимнастика архиважна! Не случайно старик Штильман оставил своему сыну в завещании следующий секрет профессионального долголетия дантиста: верхнюю челюсть — сидя, а нижнюю — только стоя, и никакого застоя крови и геморроя! Конечно, взмахи руками для борьбы с геморроем не годятся, но все равно, хоть какая, а гимнастика.

ГЛАВА 35

В этот раз очередь выбирать обеденное место выпала Табризу, и его почему-то потянуло на экзотику. Мы оказались не где-нибудь в «прекрасном далеко», а в самой что ни на есть обычной забегаловке-стекляшке, расположенной неподалеку от Савеловского вокзала в Москве. Держали ее армяне. Место, как и его хозяева, было, вежливо говоря, колоритным. Нам даже не нужно было скрываться и менять внешность. Для хозяев забегаловки мы были простыми посетителями, не лучше и не хуже любых других. Ну, хотят взрослые люди о чем-то поговорить и хорошо покушать — милости просим! А вот в лица всматриваться не надо. Лишние вопросы — лишние ответы, к чему такая головная боль?

Антураж ресторана, прямо скажем, оставлял желать лучшего, но зато качество еды было без преувеличения безупречным. Заведение славилось своей кухней. В нем еще с ранних постсоветских времен кормились многие: актеры, известные писатели, музыканты. Бывали здесь даже воры в законе и мало чем отличающиеся от них олигархи, что неудивительно. Это ведь был не ресторан, а настоящая смерть гламуру и папарацци — случаев фотографирования в этом месте история просто не знала. Официанты, судя по внешнему виду, начинали свою карьеру еще в эпоху общепита, причем одновременно с поварами. У этих первыми клиентами, наверное, вообще было семейство Ноя во время своей недолгой стоянки у горы Арарат. Это не значит, что все они были стариками, просто замшелые какие-то и слегка побитые молью. Постиранные и вычищенные, но не открахмаленные и не отутюженные. В общем, по-домашнему уютные, как на даче. Мебель, как и посуда, простецкая, но удобная. Еда самая что ни на есть правильная: зелень-шмелень, шашлык-машлык, вино-шмино, тутовка. Вкус — умопомрачительный!

Так вот, сидели мы там и обедали, дружным жеванием и причмокиванием воздавая должное высокому искусству армянских поваров. А вечно мечущийся Илья вдруг возьми и задай мне наипрекаверзнейший вопрос. Сказал он так противненько, со значением:

— А вот скажите, уважаемый Учитель…

Пытался я не дать ему договорить, так как чувствовал подвох:

— Какой же я тебе учитель, охламон? Даниил нам всем учитель и вождь, ибо сказано:

А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос.

— Не обессудьте, дорогой Владимир Рудольфович, — хитро ответил Илья, — но для нашей страны и прилегающих окрестностей, как и для всех нас, сидящих за этим столом, вы и есть любимый учитель, что, само собой, не мешает нам всем почитать Даниила и даже думать о нем с придыханием. Вы ведь гораздо ближе к нему, чем кто-либо, включая братца вашего названого Билла, понимаешь ли, Гейтса. — Илья улыбнулся. — Так вот. Видите ли, дорогой ребе, вопросец назрел. Как вы часто говорите, и не вызывает это ни малейшего сомнения, ибо все, что вы говорите, в итоге оказывается истиной, тел на Земле больше, чем душ. Так вот, как вы считаете, что происходит с теми жалкими фрагментами душ, заточенными в телах грешников? Как с их телесными оболочками вы расправляетесь, уже известно всем, а вот что происходит с нетелесным компонентом?

Мне не хотелось отвечать Илье в столь же шутливом тоне, так как тема была уж больно серьезная. За его вопросом определенно скрывался страх, и по-другому он звучал примерно так: «Что там — по ту сторону смерти?»

— Илья, — ответил я и посмотрел ему в глаза: — не надо бояться

смерти! Это категория неизбежности. Не от нас она зависит, мы вверили свою жизнь в самые надежные руки и только на Спасителя и можем уповать. Конечно, люди разочаровали Творца, и даже сейчас, когда последние песчинки падают в часах времен, сыны человеческие немощны духом и верой. Большинство из живших на этой Земле не оставили сколь-нибудь значимого следа. Дерьма, как результата их жизнедеятельности, в мире только прибавилось, а вот света Божественного что-то не очень. Конечно, великих праведников, как и жутких злодеев, было немного. В человеке много чего намешано — живет он и творит разные дела, то плохие, то хорошие. На чаше весов в последний час предъявить он сможет многое, но лишь легковесное, вот и не заслужит ничего иного, кроме как исчезнуть в небытии. И правы многие атеисты, говорящие, что после смерти остаются только смердящие, разлагающиеся куски плоти. Не надо на меня так смотреть, будто я взрослый дядька, который только что отобрал любимую игрушку у неразумных дитятей!

— Но если загробной жизни нет, то зачем все это?

— Вот не умеете вы слушать, — воскликнул я. — Моя любимая фраза: говорить умеют почти все, а слушать — единицы!

— Простите, Учитель, — Илья склонился в притворном поклоне, чуть не опрокинув на себя тарелку с салатом, — продолжайте.

— А вот не буду — обиделся! Подай-ка лучше кюфту, очень я до нее охоч. Молодец, Табриз, замечательная еда! Люблю я Армению: людей, природу, еду. Знаешь, всю жизнь меня окружают армяне, и я от них ни разу ничего плохого не видел. Удивительные люди! А ты почему именно это место выбрал?

Табриз вскинул брови вверх, выражая искреннее удивление моей неосведомленностью. Конечно, я знал, что его отец — выдающийся композитор, ученик самого Арама Хачатуряна, здесь бывал, но мне хотелось лишний раз сделать парню приятное, и я не ошибся. Табриз стал рассказывать об ученических годах отца. О том, как они с друзьями частенько ходили в эту забегаловку, общались, ну и все прочее, столь же трогательное, но в данной ситуации совсем неважное.

Илья постепенно закипал. Он хорошо понимал, что я специально издеваюсь над ним, не только не давая ответа на мучающий вопрос, но и уводя разговор совсем в другую сторону. Вместе с тем обижать Табриза ему не хотелось. Парень он уж больно нежный. А что, много вы знаете людей, называющих своих родителей на «вы»? Табриз — один из них. А кроме того, Илья испытывал некоторые детские комплексы перед Табризом. Как известно, каждый еврейский мальчик должен уметь две вещи: играть в шахматы и владеть музыкальным инструментом. Илюха выполнял обе заповеди, но недостаточно точно. Несмотря на то что, даже будучи разбуженным среди ночи, он мог с завязанными глазами и руками воспроизвести какую-нибудь сицилианскую защиту и поставить мат в три хода, фортепиано в его руках могло быть использовано только как громоздкая подставка под шахматную доску. Музыка ускользнула от него. Тот факт, что Табриз умел не только играть на музыкальных инструментах, но даже сочинять неплохую музыку (тем самым превосходя всех нас в еврейской области умений), бесспорно, восхищал Илью и меня самого. Я не умею играть ни на чем. Хотя сейчас это уже не вполне верное утверждение. Перефразируем. Теперь я умею играть на любом инструменте, хотя никогда этому не учился. Спасибо товарищу Даниилу за наше приобретенное знание! Табриз, как человек очень тонкой душевной организации, понимал мою игру и, чувствуя возрастающее напряжение Ильи, сознательно скомкал свой рассказ, посмотрел на меня с улыбкой и сказал:

— Володя, он все понял и сожалеет. Объясни, пожалуйста.

— Знаешь, Табриз, — ответил я, — а ведь тусовка из Карабаха. Удивительное место, я там бывал — в Ганзасаре. Это один из древнейших монастырей, где до сих пор хранится голова Иоанна Крестителя! Армения вообще богата библейскими сокровищами. Вот и наконечник того самого копья, которым убили Христа, — копья Лонгина, тоже там, в Эчмиадзине.

Резко кольнуло в сердце. Какие-то у меня нехорошие предчувствия. Ой, не верю я в случайности. Не верю.

Я испытал приступ тревоги — похолодели руки и гадкий липкий пот увлажнил ворот рубашки. В ушах застучала кровь. Я выпрямился,

закрыл глаза и постарался глубоко подышать. Вдох-выдох, еще разок. Господи, помилуй, Господи, помилуй! Странно — в этот момент я не подумал о Данииле, даже мысленно не обратился к нему за помощью! Скорее я думал о седовласом старце, гордо сидящем на светящемся троне, кика не ведаю — нечто среднее между Моисеем и Зевсом. Что это со мной? Вроде бы все так хорошо начиналось. Неужели это мысли о копье вызывают у меня такой панический страх? Почему? Надо разобраться в себе. А вот мальчиков пугать не надо, возьми себя в руки. Это не их лига, помочь не смогут. Разберешься после.

— Простите, ребятки, — откашлялся я, — видно, слишком острый перчик попался. Аж дух перехватило!

Попытка объяснить мое замешательство была довольно груба, но спорить со мной никто не стал.

— Итак, — бодро сказал я, отрезая себе кусочек ароматнейшего мяса, — продолжим наши философские изыскания. Что происходит после смерти? Точно я не знаю, но могу предположить — указания на то есть довольно ясные. Все, что происходит с плохими пацанами, мы с вами уже видели. Картинка неприглядная:

Посему, как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов.

Я положил мясо в рот и с удовольствием проглотил его, почти не жуя. Тает во рту, честное слово! Ребята преданно ждали, пока я впитаю в себя все его соки и продолжу. Я продолжил:

— С этим описанием не поспоришь, верно?

Так все и происходит. Поэтому атеисты абсолютно точно предвидят свою судьбу — для них никакой загробной ЖИЗНИ нет, в печь отправляются как тела их, так и души. Разговор с ними короток. А вот кто такие праведники и в каком виде они тусуются там, наверху, — вот это задачка не для средней школы. Начнем с того, что наговорил нам

прикольный дед Иоанн сразу после своего эпилептического припадка. Ему такое напривиделось, мало не покажется! Начну с цитат:

Не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревам, доколе не полоядам печати на челах рабов Бога нашего.

И я слышал число запечатленных: запечатленных было сто сорок четыре тысячи из всех колен сынов Израилевых.

Великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих.

И восклицали громким голосом, говоря: спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу!

И все Ангелы стояли вокруг престола, и старцев, и четырех животных, и пали перед престолом на лица свои, и поклонились Богу, говоря: аминь! благословение и слава, и премудрость и благодарение, и честь и сила и крепость Богу нашему во веки веков! Аминь. И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли?

Я сказал ему: ты знаешь, господин. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца. За это они пребывают [ныне] перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них.

Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их.

Я вновь отрезал себе кусочек, водя ножом по тарелке в абсолютной тишине. Молодежь внимала.

— Становится понятно, — сказал я, — что Иоанн был помешан на еврейской теме поиска десяти пропавших колен, а вот что это за

граждане в белых одеждах и как они разбросаны по телу истории, не очень-то и ясно. Дальше становится еще хуже:

И взглянул я, и вот, Агнец стоит на горе Сионе, и с Ним сто сорок четыре тысячи, у которых имя Отца Его написано на челах. И услышал я голос с неба, как шум от множества вод и как звук сильного грома; и услышал голос как бы гуслистов, играющих на гуслях своих.

Они поют как бы новую песнь пред престолом и пред четырьмя животными и старцами; и никто не мог научиться сей песни, кроме сих ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли.

Это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники; это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Они искуплены из людей, как первенцу Богу и Агнцу. — Видно, дед решил одним махом все свои возрастные проблемы решить. Понимаю, что в его годы дамы уже воспринимаются как товарищи по оружию, но идея спасения только девственников довольно странная. Понятно, откуда он ее взял, только вот трактовка уж больно примитивная. Предлагаю вернуться лет эдак на много назад, от времени написания Апокалипсиса к Евангелию от Матфея. Конечно, именно там и кроется указание, столь витиевато преломленное в сознании дряхлеющего Апостола. Спаситель ведь довольно много говорит о Царствии Небесном, все более притчами, конечно, так как современникам довольно сложно было его понимать:

В тот день приступили к Нему саддукеи, которые говорят, что нет воскресения, и спросили Его:

Учитель! Моисей сказал: если кто умрет, не имея детей, то брат его пусть возьмет за себя жену его и восстановит семя брату своему; было у нас семь братьев; первый, женившись, умер и, не имея детей, оставил жену свою брату своему; подобно и второй, и третий, даже до седьмого; после же всех умерла и жена; итак, в воскресении, которого из семи будет она женою? ибо все имели ее. Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией, ибо в воскресении ни ясенятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божий на небесах. А о воскресении мертвых не читали ли вы ременного вам Богом:

Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но живых. И, слыша, народ дивился учению Его.

Я замолчал, переводя дыхание.

Мальчишки слушали меня, открыв рты и забыв о еде. Так в пионерском лагере ночью слушают страшные-страшные истории о черной-черной комнате. И кажется, что утро не наступит, и что за дверью стоит маньяк с тупым кухонным тесаком, и весь мир сжимается до размеров палаты. Мы одни во всем свете.

Не так уж далеко от истины — мы и правда одни во всем свете.

— Продолжаем! Итак, други мои, вот вам и ответ. На свете душ мало, и на тело человеческое достаточно совсем незначительного фрагмента, маленькой искорки, чтобы хоть какая-то иллюзия жизни происходила. Для земной жизни этого достаточно, а вот для небесной уже не хватает. Иоанн решил, что на небеса попадают девственники, хотя четко сказано Спасителем, что «будем там как ангелы небесные», то есть можно попрощаться с привычной телесной оболочкой. Я, конечно, свое тело люблю (хотя, если верить Эльге, то многое можно было бы и улучшить), а вот каково старой гвардии? Представьте себе апостола Павла — ему что, и на том свете отсеченную голову рукой придерживать? А Себастьяну занозы от стрел выковыривать и дырочки скотчем заклеивать? Да и Иоанн немощен и дряхл, так что преображение будет стопроцентно. Тело достанется улучшенное. С числом, кстати, идея неплохая, должно быть, именно столько всего душ, которые и могут обитать на небесах.

Ребята пришли в замешательство. Никита, на правах старшего, поднял руку, и я милостивым кивком разрешил ему задать вопрос.

— Владимир, — спросил он, — так в чем был смысл разбивать души и отправлять их с небес на землю?

— Элементарно, дружище! — ответил я. — У кого-нибудь есть предложения? Илья?

— Я, кажется, начал понимать, — отозвался Илья, — получается, что весь этот мир — не что иное, как фабрика по очистке душ! Надо довести их до совершенства, вот и отправляют материал в обработку. Но люди не могут принять в себя всю душу, поэтому их и становится много. Им не хватает жизненного цикла, и поэтому одни и те же фрагменты души, разбиваясь и сливаясь, в зависимости от степени очистки, переходят в разные тела из поколения в поколение. Часть фрагментов оказывается негодными и сгорает в Геенне огненной, а другие после переплавки воссияют для небесной жизни!

— Именно, молодец! — похвалил я его. — Если угодно, то многие процессы в жизни построены именно по такому принципу. Конечно, не очень приятно ощущать себя рудой, но таков замысел. А читая Ветхий Завет, прекрасно видишь, как Творец менял свой замысел, внося в него коррективы. Сначала попробовал с Адамом, которому вдохнул душу. К нему добавил Еву. После осознал, что они не справляются с поставленной задачей, и добавил им граждан, но душу в последних уже не вдыхал. Когда товарищи сбивались с пути, их жестко поправляли, совершенствуя технологический процесс очистки душ — Потоп, Содом и Гоморра, все хохмы с еврейским народом, Храм с его строительством и разрушениями. В конце концов понадобилась руда в большем количестве, и пришло время христианства и мусульманства.

— Володя, а как же мы? То есть все человечество — это напильники и шкурки? Начали с рашпиля, потом драчевым, а вот теперь нулевой шкурочкой доводят души до зеркального блеска, чтобы заказчику угодить?

— Илюха, злобно, примитивно, но точно! — Володя, а как же мы?

— Илья, ты заговариваешься, я только что тебе ответил.

— А я теперь не о человечестве, а о нас, — сказал Илья, обведя взглядом всю мою команду.

— А у нас, дружочек, все в ажуре! — улыбнулся я. — Добрый Иоанн даже описал наши места у престола. Мы уже самородки, так что нас можно и не плавить, и мы не одни, таких счастливцев двадцать четыре.

Классическая интерпретация — дюжина ветхозаветных, дюжина новозаветных. Но я предлагаю подойти к этому вопросу диалектически. Я уже давно заметил, что телесные облики мои меняются в зависимости от обстоятельств, что подсказывает мне очевидный ответ. Все значимые вехи становления моей души со мной. Так что каждый из нас несет в себе патриархов с предтечами, причем безо всякой там шизофрении и модного ныне растроения личности.

ГЛАВА 36

Мы явно засиделись за обедом, и я решил, что настала пора попросить счет. Вызов официанта осуществлялся довольно примитивно: в самом центре огромного стола, занимающего большую часть нашего отдельного кабинета, находился на редкость отвратительный электрический звонок. Засаленный металлический кругляшок был «украшен» полустертой переводной картинкой полной голой бабы, прелести которой были прикрыты миниатюрным ажурным передничком. Пачкать руки об эту мерзость мне не хотелось, так что я приоткрыл дверь и крикнул — Ребята, рассчитайте нас, пожалуйста!

Через мгновение до боли знакомая фигура Еноха закрыла собой весь дверной проем кабинета:

— Ну, кому там счет, сатанинское племя? — заревел он, и кривая улыбка, наискось сломав мелкую паутину морщин, пробежала по его лицу. Мои мальчишки, возмущенные такой наглостью, повскакивали было на ноги, но я жестом успокоил их и, вложив в вопрос максимальное количество желчи, обратился к ветхозаветному зануде:

— Я смотрю, ты сегодня без шкуры? Что, драка отменяется? Енох, продолжая улыбаться, бросил счет на стол:

— Какие драки в таком уважаемом заведении? Вот если платить откажетесь, тогда, конечно, другое дело.

— Ну да, — ответил я. — Ты еще забыл свою коронную фразу.

— Это про бесовские деньги? Молодец — помнишь, так что поищи старенькие бумажки.

— Ну все, старик, пошутили, и будет! — сказал я, бросая на стол несколько «настоящих» бумажек. — Говори, зачем из своей норы выполз?

— Нахал! Мальчишка! — возмутился Енох. — Это кто еще к кому выполз! Я, между прочим, сижу тут себе спокойненько, никого не обижаю, и вдруг дверь открывается и оттуда вопль. Счет ему, видите ли, подавай.

Я все понял. Вот что значит — почивать на лаврах! Мысль о копье появилась у меня не случайно. Могу поспорить, что если я сейчас встану и выйду из ресторана, то окажусь совсем не на улочке у Савеловского вокзала в Москве, а в горах Армении, на древней святой земле, хранящей копье Лонгина. Вот только Енох наверняка тоже переместится туда, ведь владение этим артефактом гарантирует человеку земное господство. Поэтому и охотились за ним тираны всех времен и народов, но владели подделками. Истинное копье, поразившее плоть Спасителя, хранится в тайне.

— Мыслишь правильно, — сощурился пророк, — а вот вывод ни к черту, прости, что я всуе твоего хозяина поминаю.

— Старик, не испытывай моего терпения! — В моем голосе промелькнула угроза.

— Шучу-шучу, — улыбнулся Енох, — сам знаешь, с годами характер лучше не становится. Мне-то копье ни к чему, просто по тебе соскучился, вот и явился поболтать. А мальчишку своего не вини — он не знал, что я появлюсь.

Пророк заговорщицки подмигнул Илье. Ребята смотрели на огромного старика, как на хорошо знакомого, но недобитого врага. Мысли у них были соответствующие.

— Хорошие у тебя парни, настырные только! — хмыкнул Енох. — Как они моих последователей пытались на ереси прищучить, а? Ну да не об этом речь.

— Говори, зачем пришел! — грозно повторил я свой вопрос. Мне все эти шутки-прибаутки со стороны вредного патриарха были не по душе.

— Соскучился, — ответил он, садясь на жалобно заскрипевший стул, стоящий рядом со мной.

Мальчишки хором потеснились, отодвигаясь от старика подальше. — Все-таки ты парень неплохой, пусть и горячий. Ну посуди сам — неужели ты ничего не видишь? Ведь все не так! — Произнеся последнюю фразу, пророк положил свою ладонь мне на запястье. Так делают старые друзья, когда хотят разделить случившееся горе. От неожиданности я дернулся и посмотрел на патриарха — в глазах Еноха читалось сострадание. Мне вдруг стало не по себе. Я не хотел кричать, возмущаться, кипеть или насылать на пророка ангелов смерти — мне просто стало очень грустно.

— Старик, зачем ты мучаешь меня? — спросил я. — Даже если прав ты, а не Он, то ничего изменить уже нельзя. Ничего! Вы все бессильны перед Ним, а само твое существование — нонсенс, как, впрочем, и мое.

— Ой ли? Зачем же ты так? — Енох помотал головой, отчего серебро его волос рассыпалось по необъятным плечам. — Даже исчадие Ада вынуждено играть по правилам. Потому и живы мы со своими последователями и вам не видимы, так как не грешим, блюдем себя в чистоте и ждем своего часа.

— Дождетесь! И ничто вам не поможет! — буркнул я, высвобождая свою руку из его капкана. — Вот ты мне скажи — у вас женщины есть?

— И женщины, и мужчины, — степенно ответил Енох.

— Живут в браке?

— Есть и такие.

— А беременные есть?

Енох задумался и, опустив глаза, отвернулся. Я сверлил его затылок бешеным взглядом. Если бы старик соврал, я бы взорвался. Ни о каком снисхождении и речи бы не шло!

— Ну, что же ты молчишь? — закричал я. — Ведь нет у вас беременных, нет! Вот ничего ты и не можешь, и вся вера твоя пуста! Все эти твои дешевые уловки никчемны — Он сильнее тебя! У твоих обманутых последователей нет и никогда уже не будет детей!

Я захлебывался в истеричном рыдании, выкрикивая слова в лицо этому наглому старику, посмевшему вселить в меня предчувствие надежды и не способному даже сказать правду. Енох не стал оправдываться. Привстав, он сделал полшага в моем направлении и резким движением прижал мою голову к своей груди. Я не сопротивлялся. Пророк, как маленького ребенка, гладил меня по голове и тихонько приговаривал:

— Поплачь, внучок, поплачь. Будет легче.

Я действительно зарыдал, но слезы мои довольно быстро пересохли. Резко отстранившись от Еноха, я чеканным голосом произнес:

— Он сильнее тебя, и время твое придет! Никто не в силах противостоять Даниилу! Пришло царствие его!

Я нашел взглядом моих притихших ребят и, собрав их жестом, резко взмахнул рукой — через мгновение мы были у меня в кабинете. Никаких душеспасительных бесед я вести не стал. Хватит разговоров, пора переходить к активным действиям. Леность и праздность губительны для моего душевного здоровья.

ГЛАВА 37

План мой был очень прост. Проще некуда. Надо понять, что именно держит нас за ноги в этом подвешенном состоянии, и разом решить все проблемы переходного периода. Иначе мы так и будем торчать в эпохе недоразвитого Страшного суда. Пора уже все понять и разобраться! Перейти к четким и осознанным действиям по ускорению этого процесса. И быть построже: уж если сказали «ой», так чтобы это было настоящее «Ой!». Раз все — так все! А поскольку Даниил у нас главный, пусть и огласит план действий, а то уже появляются всяческие опасные проявления. Человек же по своей природе скептик и нахал — пару раз по башке не наваляешь, так и будет тяготеть к расширению границ возможного. Закон природы: если канарейка лапкой за запретную линию сунется и сразу кара небесная не последует, будьте уверены — уже через неделю птичку понесет! Грех — он ведь штука соблазнительная. К сожалению, даже в эпоху победившего евангелизма люди по-прежнему слабы. Нет уже того порыва первых дней, когда граждане раздавали свое имущество, добирались до Иерусалима, накрывались белой простыней и ждали Страшного суда. Не дождались. А без имущества долго в Иерусалиме под простыней не полежишь. Конечно, расправа над Ираном, Китаем да содомитами с журналистами укрепила их веру, но требуется четкий план, иначе ряды грешников будут расти и удержать людское стадо в границах Писания никому не удастся. Может, лучше вспомнить традиции отцов? Порешить всех к чертям собачьим (ой, простите, вот и у самого с уст сорвалось), а там пусть Старик, который все это и сотворил, отделяет зерна от плевел.

А то люди скоро сорвутся. Адам под присмотром Родителя и в окружении гораздо меньшего числа искусов, и тот не выдержал. Причем, заметьте, в Раю. Как же наших подопечных винить? Они-то ой-ой-ой как не в Раю! Да и много нас копошится под ногами Божьими, за всеми не уследить. Так что хватит жить без понимания четкого плана — пора устроить Даниилу допрос с пристрастием.

Я могу просто закрыть глаза и оказаться рядом с ним, но не буду так делать. Разговор предстоит серьезный — кто знает, чем он закончится? В прошлый раз я был на грани превращения в горстку пепла, так что следующая наша встреча может оказаться для меня последней. Это скорее радует, чем огорчает, но нужно хотя бы Эльгу предупредить. Ведь, в конечном итоге, вера моя пошатнулась из-за ее вопросов. Хотя нет, при чем тут она? Это всего из-за того, что я дурак-дурак-дурак! Возомнил, что могу нарушать заветы предшественников и не брать на себя обет безбрачия.

Вот такой ценой и познаешь истинное предназначение монашеских устоев. Женщина и все с ней связанное ослабляет веру. Стой, что значит — «все с ней связанное»? А чего ради жить? Дети, радость, любовь, дурашливое сюсюканье, сердечное томление, ранние седые волосы — да все только с ними и связано. Без них в жизни нет никакого смысла! Кстати, в Ветхом Завете о целибате ни слова. Более того, кое-кто сам Адаму Еву подкинул, да не просто в магазине купил, а собственноручно произвел операцию по удалению ребра и после всего наказал жене прилепиться к мужу своему и быть как одно целое.

Приказа разлепляться не было! Зато плодиться и размножаться — сколько угодно.

Ох, что-то я не то думаю. Если продолжать мои мыслительные изыскания, получится, что целибат противоречит прямому указанию Господа, а значит, подобное существование противоположно Божественному?

ТАК, ВСЕ. МОЛЧАТЬ! РАВНЯЙСЬ! СМИРНО! СРОЧНО К ДАНИИЛУ!

И без всяких умничаний, а то с горсткой пепла никто и говорить не станет. Это ж крамола чистой воды! Давай срочно придумаем другой ответ. Если нельзя говорить правду, то надо найти хотя бы «не ложь» и убедить себя в том, что другого ответа быть не может. Думай, думай, ты ведь в этом хорошо разбираешься, вся политическая журналистика на таких вопросах построена.

Попробуем так: обет безбрачия — это вынужденная временная мера. Люди в своей вере ослабли, их души стали мелкими и не могут охватить несколько объектов сразу, так что только любовь к Создателю должна поселиться в их сердцах. А женщина после сговора со Змеем потеряла доверие и должна прежде очиститься. Чушь, конечно, так как предполагается, что ряд стареющих пацанов в начале тысячелетия были авторитетней Создателя, но на первое время сойдет.

Уф, пора к Даниилу. Хотя и не хочется. Разговор у нас будет тяжелый, да и похвастаться мне особо нечем — доказательств моего рьяного служения не так уж и много, что-то я ослаб в вере. Значит, надо пойти по старой советской методе. Как-никак, Даниил из наших бывших — генетическая память должна сработать.

Вы еще не поняли, о чем идет речь? Поясню, хотя начинаю за вас беспокоиться.

В далекие советские годы, когда поездка за границу воспринималась как высшее благо и несла в себе колоссальные материальные возможности, самым важным было что? Ответ неверный. Какое такое правильное поведение?! Глупость чистейшей воды! Хочешь хорошо себя вести — сиди дома и не шляйся по странам загнивающего капитализма В те уже хорошо забытые годы в наших магазинах не было ничего, не считая рыбных консервов и брюк неописуемого цвета и фасона, сшитых на фабрике «Большевичка». Они идеально сидели только на карликовых слонах. Всего остального не было, а то, что было, — являлось либо производным от неудачного брака упомянутых брюк с консервами, либо товаром от спекулянтов, везомым из-за границы и сбываемым за бешеные деньги. А как они попадали к спекулянтам? Молодцы! Два варианта: либо фарцовка, то есть скупка у интуриста (что чревато, ибо ГБ не дремлет), либо привоз из-за бугра, что тоже не всегда легко, так как там чекист тебя лично сопровождает, сливаясь с группой ничего не подозревающих единомышленников.

К счастью, в те далекие годы существовали редкие категории граждан, которым разрешалось многое. Эти баловни судьбы и везли дефицит на родину. Валюты советским гражданам выдавалось мало, так что экономили на себе — туда тащили харч и водку с икрой на обмен, а

оттуда товар. Существовала четкая специализация. Вот, скажем, хоккеисты. У них баулы под форму гигантские, а значит, можно легко набить их болоньевыми плащами. Большой театр и танцоры-народники? Это люди интеллигентные, тонкой душевной структуры, так что им приходилось возить только мохер, технику и автомобильную мелочь. Еще стюардессы помогали, да вообще, этот список можно было продолжать до бесконечности. Конечно, со всем этим добром еще надо было пройти границу. У спортсменов, в случае удачного выступления, проблем не возникало — кто же тронет народных героев? А вот если, не дай Бог, проиграют, то все — и товар отберут, и по башке наваляют.

Вот именно в этот ответственный момент и срабатывала народная мудрость. Ведь твоя судьба в первую очередь зависела от людей, которые тебя за границу на сытые хлеба и отправляли. А люди, они ведь добрые, особенно если ты позаботишься о них заранее. Поэтому никогда не приезжай домой без сувенира начальству — и любая твоя оплошность будет прощена. Не поленись, выясни до поездки пристрастия и привези то, что доставит радость.

Итак, что прикалывает Даниила? Ответ на поверхности — все, что относится к Христу. Так что, если я явлюсь пред светлы очи Его с артефактом, да еще таким, как копье Лонгина, то отношение ко мне резко улучшится. Отпадет даже правомерный вопрос о том, чем я занимался последнее время. Искал копье и нашел! Как-никак, важный предмет.

Подмаслить шефа — правильная мысль!

ГЛАВА 38

Пора в Армению. Только на этот раз обойдемся без помощи общепитовских забегаловок, да и самолет тут лишний. Поедем

проверенным апостольским способом — зажмурился, подумал, и ты уже на месте. Бензин заодно сэкономим. А впрочем, лень — все-таки хочется испытать судьбу. Как-никак, еду я с важной апостольской миссией к великому христианскому народу — зачем таиться да скрываться? Возьмем красивый самолет и смотаемся с ребятами на пару дней. С помпой, знатно, всем на зависть. Заодно и проверим еще разок, чего это старика Еноха к армянам занесло.

Хорошо, что все ребята после обеда еще в Приказе и не разбежались каждый по своим делам. Я нажал кнопку селектора и попросил секретаршу сделать мне четыре стакана чая. Ребят таким же образом звать не стал — и так о них подумал, сами явятся. Действительно, ждал я не больше минуты. Когда мальчики зашли, их уже ждал чай — в замечательных тоненького стекла стаканах, уютно расположившихся в тяжелых мельхиоровых подстаканниках. Рядом на блюдечках лежали дольки лимона. Сахар я не любил, так что его не было. — Ну, чудо-богатыри, есть работка! — Поедем Еноху наваляем? — загорелся Никита. — А то этот ветхозаветный качок совсем уже оборзел?

— Никита, — я укоризненно посмотрел на него, — можно, конечно, и так сказать, но задача у нас помасштабней будет. Мы с вами торжественным образом отправляемся в Армению и попробуем раздобыть там копье Лонгина, которое после повезем Даниилу в Иерусалим.

— Мысль красивая, — задумался Никита, — да и артефакт знатный. Может, после такого подарка Даниил наконец определится со временем коронации царей-пророков. А то место — Иерусалим — он указал, а о дате молчит. Мне уже смежники всю плешь проели!

— Но-но, мальчишка, не зарывайся! Какие они тебе смежники — как-никак Русская Православная Церковь.

Никита хмыкнул, но спорить со мной не стал.

— Церковь, телевизионщики — все беспокоятся, — продолжил он. — Ладно, с коронацией все понятно, а потом что будет? Ведь надо и для аборигенов устроить шоу. Приедет Владимир Владимирович, и где его

встречать? Где молебен торжественный устраивать? В храм Христа Спасителя он не хочет, говорит, что неуместно: еще не так давно там отпевали первого Президента Ельцина, а теперь второго — коронуют. Каково? Да и если посмотреть на состав партийных делегаций и гостей, то будет процентов на восемьдесят тот же набор. Причем в тех же костюмчиках и с теми же выражениями на лицах. — Могу понять Путина, — согласился я, — ассоциация не из приятных. Что предлагаешь?

— Да вариантов-то не особо и много. — Никита развел руками. — Стадионы отпадают после лондонской истории, площади — пошло, да и транспорт надо будет куда-то девать.

— Вот площадей не надо, — заметил я, — еще маршировать начнут, а это не первомайская демонстрация. Тут благость нужна. Предлагаю единственный выход — Воробьевы горы. Прямо перед университетом. Супер! Высоко — всю Москву видно. Представляете, хлопцы, красота-то какая: все колокола в первопрестольной звонят, купола золотые на солнце огнем горят, мужики в слезах умиления на коленях перед царем-пророком-батюшкой ползают, а он такой скромный и величественный, да осененный благодатью. А вокруг него… Надоело, — я махнул рукой, — мизансцены пусть Михалков выстраивает, по этой части он у нас царь и бог! Ты, Никита, в его честь назван, так что к нему и ступай с ЭТИМИ глупостями.

— Уже! — ответил Никита, и хитрая гримаска появилась на лице моего помощника.

— А если «уже», так нечего тут из меня дурачка строить!

— Место, Володь, ты хорошее предложил, но вот с Михалковым есть одна заминочка.

Я удивленно посмотрел на Никиту, создавалось ощущение, что он говорил с кем-то другим.

— А что ты так на меня смотришь? — продолжил он. — Надо чтобы в этот момент у него было окошко в графике. — А ты, часом, сынку,

умом не тронулся? Никита отвел глаза. Ладно, поговорим напрямую с Никитой Сергеевичем. Я нажал кнопку селектора:

— Соедините меня с Михалковым, пожалуйста.

Через мгновение секретарша отзвонилась:

— Соединяю.

Я взял трубку:

— Дорогой Никита Сергеевич, рад вас слышать!

— Володенька, привет, — донеслось до меня в ответ, — ничего, что я так тебя называю, по-прежнему, как в те времена?

— Ну что вы, Никита Сергеевич! Мне приятно, вы же знаете, как я к вам отношусь!

Бархатный, обволакивающий голос великого Барина зазвучал с некой скрытой болью:

— Уже и не знаю, дружок! Раньше-то мы хоть встречались. Помнишь, как мы в твоих передачах снимались? А сколько вместе ездили: и на Олимпиаду, и в Нижний. А в последнее время ты совсем исчез, стал недоступен…

— Ну, право, Никита Сергеевич, разве я…

— Конечно, мне грех жаловаться — твои мальчики очень помогают. Очень. И ты, конечно, прав — в том, что ты делаешь, я как никто понимаю, насколько тебе тяжело.

— Спасибо, Никита Сергеевич.

— Без твоей помощи я бы не осилил экранизацию Библии! Мечта сбывается — и Ветхий, и Новый Завет! Работа КИПИТ. — Простите, что обращаюсь к вам с просьбой, — перебил я Михалкова, понимая, что этот поток любезностей нескончаем. — Понимаю, что график ваш более

чем плотно занят, практически монолитен, но у нас возникла необходимость в режиссировании, если этот термин можно использовать для церемонии встречи царя-пророка народом. Думаем использовать для этого Воробьевы горы, но если вы заняты, то мы… — Прекрати немедленно, дорогуша вы мой! Кто занят, чем занят? Да это счастье и честь — дожить до такого события! А кто будет работать с самой коронацией в Иерусалиме? — Голос Никиты Сергеевича зазвучал твердо. Я почувствовал, как он внутренне собрался, будто гончая, взявшая след.

— Не могу знать, — ответил я, — решение зависит только от Даниила.

— Володенька, не скромничай! Я же чувствовал руку мастера, когда смотрел трансляцию в Лондоне. Конечно, все зависит только от тебя!

— Дорогой Никита Сергеевич, вы переоцениваете мои скромные возможности, но я сделаю все от меня зависящее…

— Все, молчу, мне больше ничего и не надо. Дорогой ты мой человек, можешь полностью и во всем, ты понимаешь, о чем я говорю? Во всем на меня рассчитывать!

— Спасибо вам большое! До встречи.

Я положил трубку и, улыбаясь, посмотрел на Никиту:

— Ничего, что я не передал ему привет от тебя? Сколько ты еще будешь переживать, а? Да ты только заикнись любому из гениев о таком предложении, он сразу все бросит! Это же шанс на вечное спасение, дурында, а эти мальчики нагрешили — мама не горюй! Хотя и не мне их упрекать. Великие они! Могу с тобой поспорить, что через пять минут вся Москва будет знать о том, что выбор мой пал на Никиту, и вам начнут звонить и пытаться поинтриговать в пользу недооцененных гениев. Замажем? На щелбаны?

Никита не успел ответить, так как его телефон завибрировал. Он посмотрел на экран, густо покраснел и нажал на отбой.

— Что с тобой спорить? — насупился он. — Ты и так все знаешь. А вот кто звонил, я говорить не буду.

— Да я и так знаю! — усмехнулся я. — Ты подожди, скоро человек десять позвонит. Кто поумнее, тот не сам — попросят твоих дружков. Подожди только. О, вот и до меня добрались!

Я поднял телефон и нарочито громко ответил:

— Да, дорогой Леонид! Конечно, знаю, по какому поводу, и очень рад вас слышать. Заранее, чтобы удержать вас от попадания в неловкую ситуацию, хочу сказать, что очень ценю вас как актера и ваше мнение в этом вопросе. Конечно, вы разбираетесь в режиссерах, но вопрос этот не в моей компетенции. Угу, должно быть, Путин может повлиять. Рад был вас слышать.

— Это был Ярмольник? — осторожно спросил Никита.

— Да, — ответил я, — и он прав, но это не играет никакой роли. Раз решение принято, даже если оно ошибочно, все равно оно должно неукоснительно выполняться, иначе власть престанут уважать. Останавливаться можно лишь для произведения впечатления милосердного правителя. Все — лирическая часть завершена! Теперь в погоню за копьем Лонгина. Ребята, приготовьтесь ко всяким неожиданностям, вылет через час. Табриз, обеспечь борт и проезд. И никаких торжественных встреч, не то погибнем в армянском застолье.

Мальчишки вышли. Илья и Табриз так и не проронили ни слова, да и беседа с Никитой была лишней — просто захотелось покуражиться напоследок. Опять сжалось сердце. Дурные предчувствия не покидают меня с тех пор, как я впервые подумал о копье.

ГЛАВА 39

До аэропорта доехали красиво. Мигалки и сопровождение побоку — просто вырулили от нас четыре черных «Мерседеса» и ушли по Кутузовскому в сторону области. Никаких собачьих голов, метел и спецполос. Литературщина! Скромно и эффективно. Достаточно подумать о том, что хорошо бы по свободной дороге прокатиться, и все — едем в свое удовольствие. На дорогах красота, как ранним субботним утром — движение есть, но не раздражает.

За рулем я уже давно сам не бываю и мальчишкам моим не советую. Голова другим занята. В дороге тоже можно работать, причем выполнять самую сложную задачу — думать. Иначе как бы выходило: зажмурились, и в Ереване, а там — что делать, каков основной план действий, каков запасной, каков отходной? Ничего не продумано, все по наитию… Так можно и не выдюжить.

Наконец «Внуково-3». «Мерседесы» подрулили сразу к трапу частного самолета. Борт небольшой, человек на двенадцать, так что места для нас четверых предостаточно. Профессионально вежливый экипаж. Заходим, рассаживаемся и без излишней волокиты взлетаем. Сидим все в первом салоне. Четыре кресла: по два напротив друг друга, через стол. Ребята молчат — мое тяжелое настроение передалось и им.

Первым молчание нарушил Илья.

— Кто-то из нас погибнет? — спросил он.

— Почему ты так решил? — поинтересовался я без тени удивления в голосе.

— Не знаю, — Илья пожал плечами и вздохнул: — на душе как-то тяжело.

— Вряд ли, — ответил я.

— Зачем нам это копье? Ничего другого нельзя было подогнать начальнику?

— Илья, я понимаю, что тебе страшно, но зачем же дерзить?

— Извини. А может, можно было обойтись мощами? Вот, говорят, в Ганзасаре хранится голова Иоанна Крестителя.

— Ну что ты несешь?

— А разве не там?

— Не в этом дело. В Карабахе я бывал не раз — потрясающей красоты природа и удивительные древние храмы. Действительно, армяне свято верят, что именно там хранится эта реликвия, и я не собираюсь их веру оспаривать. Сколько веков они тусуются в Иерусалиме и в каком почете — известно всем. А поскольку часть Старого города издавна принадлежит им, кое-что из сокровищ вполне могло оказаться на исторической родине! Не надо только сейчас мне говорить о том, что это территория Азербайджана: в третьем веке нашей эры можно было с ног сбиться, разыскивая хоть одного человека во вселенной, который бы слышал это название.

— А Россия?

— А что Россия? Мы и не претендуем на эту территорию. Илюха, не сбивай меня с мысли! Явиться к Даниилу с черепом Иоанна — это дурновкусие. Что прикажешь ему с этим подарочком делать? Оживить? Голова профессора Доуэля… Кунсткамера какая-то получается.

— А чем это копье лучше?

— Всем. Символизирует власть. Кто владеет копьем — тот владеет миром!

— То-то я гляжу, армяне себя неплохо чувствуют. — Илья улыбнулся.

— Для них в копье иной смысл, — возразил я. — Может быть, только благодаря этой святыне они до сих пор еще и существуют, несмотря ни на что. Ни на турецкий геноцид, ни на войны. По всему миру разбрелись, а идентичность свою не потеряли.

— А евреи?

— А у нас все проще. К чему крохи, если нас с рук хлебами кормили? Зачем нам символы, если Господь с нами напрямую говорил? Нам не надо копья — мы сами Его меч разящий или то, чем Он хочет нас видеть. Мы понимаем Его волю и воплощаем ее. Мы сами по себе артефакт покруче копья! — И кто этим копьем владел? — вопрос задал тихо сидевший все это время Никита. — Я вот слушаю тебя и думаю, какой замечательный фильм можно было снять…

— И я даже знаю, кто будет режиссером! — съязвил Илья. Ребята улыбнулись, напряжение постепенно стало уходить. — Снимем, снимем, — поддакнул я, — дай только время. С владельцами копья все в полном порядке — они умерли!

— Ну у тебя и чувство юмора! — хмыкнул Никита. — Я понимаю, что умерли, а миром-то хоть повладели?

— Прелесть истории, мой дорогой друг, состоит в том, что ее замечательно писать из дня сегодняшнего, додумывая день вчерашний. Кто знает, какое на самом деле копье было у Карла Великого? Сейчас, конечно, можно говорить что угодно, но доподлинно известно, что копья были и у вождя гуннов Аттилы, и у Генриха IV, и у Фридриха Барбароссы. Дальше список можно продолжить, если хочется. Однако надо иметь очень буйную фантазию, чтобы решить, что у всех этих мировых злодеев во владении побывало одно и то же копье — Копье власти.

— Подожди, — уперся Илья, — но я же помню, что Гитлер был одержим идеей копья! Учитывая его страсть к магии, аншлюс Австрии вполне мог быть обоснован стремлением завладеть венской реликвией.

— Илюха, а что, одной Австрии уже маловато? Я уверен, что это все сказки. Если бы Гитлер владел копьем, и только, то у него шансов было бы немного, примерно как у конников Доватора при столкновении с немецкими танками. Все-таки амбиции Шикльгрубера опирались на великолепную военную машину, мощный военно-промышленный комплекс.

— Но без идеологии нацизма не было бы возрождения Великой Германии!

— И эта же идеология и привела ее к окончательному краху, так что вряд ли реликвия из Венского музея подлинная!

— А где гарантии, что в Армении оригинал? — спросил Никита.

— Ты прав, гарантий нет, — согласился я, — но есть определенные резоны. Ничего, время придет, и все прояснится.

— Снижаемся. Пристегнитесь, пожалуйста. — Стюардесса, смущенно озарив салон наработанной улыбкой, прервала наш разговор.

— Быстро долетели! — заметил я. — Надеюсь, обойдемся без бурной встречи.

ГЛАВА 40

В Армению всегда было тяжело прилетать. Да и улетать не легче. Всему виной поразительное, устрашающее, феноменальное гостеприимство древнего народа, подчас носящее черты патологии. По приезде в аэропорт вокруг тебя сразу же появляется удивительное количество невысоких людей, светящихся заботой и лаской. Щетинистые крепкие толстячки споро начинают передавать друг другу твои вещи и документы, причем процесс этот столь отлажен, что становится очевидным не только их близкое родство, но и сложное иерархическое соподчинение всего «комитета по встрече».

Люди в форме, которым, казалось бы, и следовало всем этим заниматься, смотрят на царящую суету равнодушно и не препятствуют проникновению странных граждан в святая святых аэропорта.

Неизвестно откуда появляются кофе и местный коньяк, и вся бурлящая и что-то выкрикивающая толпа как по команде перемещается в комнату ожидания. Низкие столики, диваны, и вот уже все произносят тосты и наслаждаются качеством коньяка. Но как только ты пытаешься, позабыв о цели своего путешествия, расслабиться и напиться, тебя тут же хватают за руку и тянут к машине (обижаешь, конечно, «Мерседес»!), в которую уже давным-давно загрузили багаж. В руки тебе суют оформленные документы и длиннющим свадебным кортежем дорогого гостя везут в лучшую гостиницу.

Поездки в Армению — это настоящее испытание воли и желудка. Кормят беспрерывно и вкусно, отказаться невозможно, да и бессмысленно. Просмотр достопримечательностей происходит на пути от одного места уничтожения пищи к другому. За вами по пятам следуют тамада, собутыльники, музыканты и все их родственники, которым приятно, что вам так хорошо. Говорят замечательно, тонко и умно, но слух не растягивает желудок. Застолье длится вплоть до момента отъезда, где вся процедура повторяется вновь. Уже в самолете вы осознаете, что ваш багаж невероятно разросся — в нем поселились сухофрукты, виноград, зелень и севанские раки (лучшие в мире, как и абрикосы!). Любой армянин вам скажет, что на латыни абрикос называется «арменикус», и это свидетельствует о стране происхождения сего дара природы. Как хорошо, что в Армении нет мамонтов, а то и его бы вам вручили в подарок! В общем, очень гостеприимный народ. При этом талантливый, набожный и трудолюбивый. Единственный его недостаток в том, что здесь каждый считает себя Президентом или, по крайней мере, генералом, что несколько усложняет процесс управления государством.

К счастью, сегодняшняя встреча будет официальной, так что обойдемся без трапез.

Самолет закончил руление, подали трап и открыли дверь. Я вышел первым. Внизу у трапа стоял Президент Армении Серж Саркисян. Рядом с ним было несколько министров и пара моих друзей из доапостольского времени. Я обнялся со встречающими. Пока происходило знакомство моих бойцов с окружением Сержа, мы с ним

отошли на несколько шагов от общей группы.

— Володя, что-то случилось? — спросил Саркисян.

— Серж, мне нужно копье! — тихо ответил я.

— Зачем? Разве это не сказки?

— Может быть, может быть.

— Володя, мы давно друг друга знаем… — начал Саркисян.

Я действительно познакомился с Сержем довольно давно. Прекрасный шахматист, эрудит, филолог по образованию, он, казалось, совсем не подходил на пост министра обороны, но война в Карабахе пробудила в его душе спящие до того момента таланты. Саркисян оказался талантливым полководцем и еще более талантливым политиком. Позднее, уже в мирное время, он переиграл своих более харизматичных противников и постепенно вырос из министра сначала в премьера, а затем и в Президента. Красивые седые волосы, умное волевое лицо, вот только глаза с хитринкой. Мне Серж всегда импонировал, но общаться с ним было непросто. Проблема не в языке — как и большинство карабахцев, Серж владел русским как родным, а его любовь к поэзии Брюсова придавала особую изысканность речи. Просто говорил он очень тихо, а переспрашивать не всегда было уместно. Памятуя манеру Сержа говорить, я напряг уши и наклонился к нему поближе, чтобы расслышать окончание его фразы:

— …происходит что-то не совсем правильное?

— Серж, это твоя страна, — ответил я, — ты знаешь всех. Что неведомое тебе может здесь происходить?

Президент отстранился, видимо, отвык слушать возражения. Но поняв, что в моих словах нет подвоха и намерения его оскорбить, продолжил:

— Конечно, ты прав, но Эчмиадзин я не контролирую. У нас отличные отношения с Гарегином, католикос — довольно продвинутый, если так

можно выразиться, человек, и нам удается договориться по многим вопросам. Особенно если речь идет о строительстве церквей. Знаешь, многие армяне, живущие за границей, стремятся построить в своих родовых деревнях церкви, и мы их поддерживаем. Но в последнее время Эчмиадзин изменился. Появились новые люди, сначала я даже подумал, что они из Иерусалима. С одной стороны, ничего удивительного в этом нет, ведь там несут послушание многие армяне, но эти люди точно не из наших!

— Пока все звучит вполне нормально, — сказал я, — что тебя смущает?

— Строительство, которое они затеяли в последнее время. Зачем при ремонтных работах в Храме использовать материалы, использующиеся для строительства бункера? Да и стены разрослись. Некоторые дополнительные строения все больше напоминают элементы укрепрайона, а не монастыря.

— А ты католикоса спрашивал?

— Да, и ответы прозвучали странные. Пожалуй, впервые мне посоветовали заниматься светскими делами и не вмешиваться в духовную жизнь. Только, как бывший министр обороны, я тебе так скажу — эта духовность порохом попахивает!

— Копье там?

— Два возможных места, — ответил Серж. — Или там, под алтарем, или в обители Гегардаванк, что в переводе значит «монастырь копья». Там копье хранилось до тринадцатого века. Я бы лично использовал обитель. Природная крепость, церковь вырублена в скале, огромное количество пещер — можно что угодно запрятать. И защищать удобно.

— Думаешь, католикос что-то замышляет?

— Я тебе по-другому скажу — к чему-то готовится! Тебе людей в помощь дать? У меня есть хорошие бойцы…

— Я знаю, Серж, спасибо, но войны не будет. А если вдруг что-то и

случится, я не хочу, чтобы тебя попрекали междоусобицей.

На лице Сержа промелькнула улыбка. Его мысли читались и без моих способностей — подумаешь, междоусобица, в этой игре ценится только победа, кто помнит мотивацию неудачников? Историю пишут в интересах победителей.

— Смотри, Володя-джан, — Саркисян улыбнулся, — люди есть. Если что, смогут подсобить.

— Хорошо, будь по-твоему, — согласился я.

Не захотел я спорить. Сержа можно понять — приезжают тут всякие, одних отпускать опасно. А так — с людьми надежнее. Могут и подсобить, а если возникнет необходимость, то и посмотреть. Я обернулся к своим бойцам:

— Ребята, пора! В первые машины не садиться, в последнюю тоже. Кортеж пойдет пустой, мы следом на микроавтобусе. Дистанция пятьдесят метров. Дорогу не перекрывать, мигалки не включать, дорожную полицию отозвать!

Серж с уважением посмотрел на меня:

— Думаешь, ТАК серьезно?

— Посмотрим, — мрачно ответил я. — Очень хотелось бы ошибиться.

ГЛАВА 41

Моя команда погрузилась в микроавтобус со скользящими вдоль борта дверьми. Водитель хотел было закрыть их, но я его удержал. Илья сел

вперед, на пассажирское место, и опустил стекло. Ребята поняли, что шутки плохи, и приготовились к серьезной заварухе — перстни у них на пальцах налились багровым огнем и стали тяжело пульсировать в такт ударам сердец.

Машины черной змеей начали лениво выползать из ворот аэропорта. Впереди шел тяжелый «Лендкрузер», за ним следовали три «Мерседеса», а замыкала кортеж вальяжная «Тойота Прада». Поодаль от иномарок двигался наш неприметный микроавтобус с опущенными стеклами — на улице было лето, а неработающий кондиционер в Армении совсем не редкость. Хотя погода стояла замечательная! Яркое солнце ласкало наши лица, вдали красовался Арарат, а зелень на улицах жизнеутверждающе сбивалась в кудрявые тучки. Только далеко в небе, по ходу нашего движения, собирались темные облака, и это было не простое атмосферное явление.

От аэропорта до Эчмиадзина на машине рукой подать — меньше четверти часа пути. Мы быстро миновали замок советской эпохи, украшенный колоннами, и местную церковь. Спустя десять минут перед нами открылся вид на старый монастырский комплекс. Машины кортежа притормозили и стали плавно поворачивать, чтобы заехать на стоянку. Наш фургон продолжал держать безопасную дистанцию. Машина за машиной вся колонна остановилась на парковке перед монастырем, где вразнобой стояло несколько старых и невзрачных автомобилей еще советской сборки. Дальше надо было идти пешком, проходя через маленькую калитку, оставленную в свежеотстроенной бетонной стене.

Илья радостно выдохнул: — Ну, вроде доехали!

Не успел он договорить, как прогремел оглушительный взрыв, лукавым эхом передразнив необдуманный вздох облегчения. За ним последовал второй, третий, а потом еще и еще. Стоявшие на парковке древние колымаги явили миру свое подлинное лицо и, извергая пламя и разбрасывая смертоносные осколки, одна за другой стали подниматься в воздух. Парковка в одночасье покрылась дымом, битым стеклом и темно-серой пылью, через которую с трудом пробивались мощные языки пламени. Кому-то из бойцов Сержа удалось выскочить из этого

ада, но по ним со стороны калитки немедленно открыли огонь из автоматического оружия. Завязался бессмысленный бой.

Жалкие глупцы! Идиоты! Черви, возомнившие о себе невесть что! С кем решили тягаться, чьей воле противиться? Небось, еще и пули серебряные отлили, да чесноком все обложили. Олухи. Я и так был зол, а стал свиреп. Гнев в моей душе клокотал и рвался на волю. Я начал меняться, и мои мальчишки преобразились вместе со мной. Не сговариваясь, мы рывком взлетели над местом боя метров на двести, легко пробив головами крышу фургона. Вид наш внушал ужас: огромные, снежно-седые и в роскошных хитонах, мы походили на мифических предводителей небесного воинства, призывавших своих бойцов на битву. Впервые мы с ребятами сражались плечом к плечу, и это было в высшей степени необычное чувство. Мы никогда не обсуждали возможность ведения совместных военных операций, и тем не менее действовали как хорошо отлаженный механизм. Взлетев над полем боя, мы подняли руки крестом, образовав тем самым огромный магический квадрат.

Мятежники сразу же увидели парящих в воздухе врагов и нажали на спусковые крючки АКМов, а кто-то темнокожий, с монашеским клобуком на голове, даже навел на меня гранатомет. Раздались торопливые хлопки, и смертоносный свинец вперемешку с серебром (все-таки я оказался прав!) устремился к нашим телам. Пули и снаряды неминуемо поразили бы нас, но на подлете они сталкивались с непреодолимой тугой преградой и, всхлипнув, безвольно осыпались вниз.

Я решил прибегнуть к помощи ангелов смерти. Проверено, зрелищно и аккуратно — процесс осуждения оставляет после себя лишь маленькую горстку блеклого пепла. В предвкушении сладкой работы мои цепные псы Страшного суда протяжно завыли. Завертелась небесная круговерть черных грозовых туч — ангелы ждали команды-приговора. Скажи: «ату!» — и останется вместо грешника пустое место.

— Пришел ваш час! — громогласно обратился я к ним, и гибкие молнии озарили мое лицо. — Воздайте каждому по заслугам его!

Черные столбы с диким ревом бросились вниз, высматривая и настигая свои жертвы. Но, на удивление, автоматные очереди, хотя и стали реже, не прекратились. К немалому изумлению, как моему, так и моих парней, пепел не усыпал Эчмиадзин. Лишь несколько грешников нашли свое последнее пристанище.

— Батальон безгрешных?! Ха-ха-ха! — Я рассмеялся, и звук моего голоса, гулко взболтав упругое пространство, осыпал камни в дальних горах.

Остроумно.

Под началом католикоса со всего света собрались лучшие сыны монофизитских апостольских церквей. Эфиопы, сирийцы, копты, армяне — все прислали своих бойцов для охраны копья. С ними, конечно, справиться можно, но надо срочно менять правила игры. Эти ребята свято блюдут традицию — и ветхозаветную, и апостольскую, без всяких новшеств последних веков. Как после Третьего собора откололись, так и держатся. Кое-кто из этих фанатиков блюдет не только воскресенье, но и субботу, да еще и помимо крещения обрезание делает. К таким по-книжному подойти довольно сложно, а спорить и вовсе бессмысленно — фанатики, одним словом. Значит, будем выводить по-другому — дустом, как тараканов. — Девственно чистый спецназ! — усмехнулся я. — Ну что же, сыны церквей апостольских, будет вам иная казнь, ведь вы достойны особого пути в преисподнюю!

Кольца на наших пальцах зазвенели, являя миру пронзительную мелодию, раздирающую душу грешников, как листок ветхой бумаги, и испустили лучи света. Соединившиеся блистающие полоски очертили грани огромного квадрата. Расширяясь, свет от колец превратился в занавес холодного огня, который гигантской ширмой закрыл собой весь Эчмиадзин. Подчиняясь моей воле, воздух внутри светящегося куба стал меняться. Кислород покидал его, устремляясь вверх, напоминая водопад, нарушающий закон притяжения Земли. Этому явлению не было физического объяснения, и вид уходящей субстанции жизни добавлял страданий задыхающимся мятежникам.

Через четверть часа все было кончено. Несколько безгрешных умников

запаслись кислородными баллонами, но если властители мира приказали кислороду покинуть эту территорию, то даже в баллонах остается одно ничто.

Мы медленно спустились на землю, сохраняя световой контакт между кольцами. Попадавшие под луч трупы вспыхивали и превращались в горстки пепла. Тел было много. С происхождением их хозяев я не ошибся — копты, эфиопы, сирийцы, армяне. Только мужчины, человек пятьсот, не меньше. Хорошо подготовленные. Как им казалось.

От лучей наших колец исчезали только трупы, через каменную кладку свет проникал легко и вреда ей не причинял. Надо все-таки проявить уважение к великой армянской церкви, как-никак с годами эта страна официально признала христианство. Да и по некоторым этическим соображениям Эчмиадзин разрушать не надо. В переводе это название означает «Место сошествия Единородного». Армянский народ считает, что здесь произошло второе явление Иисуса Христа после Его Воскресения.

И потом, я в Армению ломанулся Даниилу за подарочком, а не христианские святыни разрушать!

Мои пацаны подошли ко входу в Храм и ждали меня. Мы по-прежнему были в боевом обличье, ведь копье все еще не было найдено. Хотя сражение длилось довольно долго — минут тридцать, за все это время ребята не проронили ни слова. Первым голос прорезался у Никиты:

— Да уж, повеселились от души! Только вот стариков-разбойников я что-то не заметил.

— А их здесь нет, — ответил я. — И копья нет. Это была ловушка — глупая, детская обманка.

Пустышка.

— Может, тогда и в храм не пойдем? — спросил Илья.

— Ну уж нет, — воспротивился я, — мстить так мстить! Чтобы впредь

неповадно было такое замышлять. — Да разве кто-нибудь уцелел? — удивился Никита.

— Конечно, место ведь святое, а значит, само по себе творит чудеса. Так что там заговорщики — сидят, молятся и нас поджидают. А мы уже здесь!

Тяжелые ворота церкви были закрыты и, очевидно, забаррикадированы, что не могло нас остановить.

— Илья, давай! — Я повелительно махнул рукой.

— Почему я?

— Не кокетничай!

Илюха просиял и с несвойственным еврею ухарством подбежал к дверям. Положив на них ладони, он постоял, словно к чему-то прислушиваясь. На наших глазах его ладони погрузились в твердый материал ворот. Перехватив преграду поудобнее, Илья резким движением вырвал ее с корнем и бросил назад через голову. Тяжеленные ворота со всеми своими петлями, засовами и монахами, держащими их с той стороны, взлетели в воздух и смачно рухнули оземь, поднимая столбы желтой пыли.

Оставшиеся в живых монахи вскочили на ноги и бросились на Илью. Он даже не вглянул в их сторону. Обернувшись вокруг своей оси, Илья поднял левую руку вверх, в сторону нападающих, и потянул их на себя. Те послушно ускорили бег, будто собирались таранить ненавистного супостата. Вот только надо было монахам следить за обеими руками. Вытащив святых бойцов на себя, Илья коротким движением сунул правую ладонь им в противоход. Мятежники дернулись. Их головы будто напоролись на невидимую косу и, противно треща ломающимися шейными позвонками, посыпались на землю. Вмиг побелевшие лица монахов уже стукались о каменное покрытие монастырского двора, а их тушки все еще продолжали свой бег — последний забег мертвецов. Сделав еще пару шагов, бездыханные тела обмякли и упали на землю.

— Так драться можно! Мне их даже трогать не надо было, всего лишь командовать этими… тупыми. Прикольно! — Илья радостно и несколько нервически хихикал.

Парни остались караулить вход, и в храм я вошел один. Сверху с потолка на меня смотрели недовольные лица ангелов, намалеванные без всякого смысла через каждый метр. Какие-то иконы стояли вдоль стен — судя по излишней анатомичности изображения героев, века восемнадцатого. Да, не выдержали армяне, стали к себе иконы в церкви пускать, хотя и не сегодня, а века так с семнадцатого, но все равно обидно. Ну да ладно, за обиду я их, кажется, и так проучил. Мое внимание привлек рисунок, изображенный на опорных столбах перед алтарной частью храма. Друг напротив друга на нем были изображены два персонажа. Один мне был без надобности, а вот второй, на левом столбе, сжимал в руке наконечник Копья. Того самого, за которым мы сюда и приехали. Только вот по виду не похож был этот гражданин на Гая Кассия, Лонгина в крещении. Скорее эти ребята на столбах есть апостолы Фаддей да Варфоломей — основатели армянской церкви.

Я разглядывал коллегу первого призыва, оставившего мне подарочек, который местные хлопцы никак не хотят отдавать, и удивлялся упрямству этих людей. Во всем происходящем прослеживался некий умысел, что-то же еще за этим должно стоять, кроме тупости? Пожалуй, надо задать кое-кому вопросы. Тем более что этот кое-кто как раз крадется сейчас за моей спиной. А в руке у него посох, и он даже занес его над головой, чтобы пронзить меня, как парного поросенка шомполом. Католикос, конечно, парень крепкий, но воин неумелый. Они явно с Енохом в одну спортивную секцию ходили. Скорость, с которой глава Церкви пытался нанизать меня на свой крючок, давала мне возможность сбегать заказать кюфту, съесть ее и не спеша помыть руки. Да что там помыть — сделать маникюр, а потом еще и педикюр, и только затем уже заняться угрозой моему здоровью. Я повернул голову и посмотрел в глаза отчаянному священнослужителю.

— Мужчина, палочка-то у вас не осиновая ли часом?

От неожиданности он вздрогнул, пальцы ослабли, и палка вывалилась из его рук.

— Осиновая, — ответил он.

— Сам придумал или надоумил кто?

— Сам!

— А где копье-то, дедуля?

С дедулей я, конечно, хамил — католикос был ровно на двенадцать лет старше меня, так что мужчина еще хоть куда.

— Не здесь, — сглотнул он.

— Да это я и сам знаю! — скривился я. — Под алтарной частью, поди, только складень, где он хранился, и для лохов какая-нибудь старинная копия артефакта. Так? — Так. — А само копье с двумя ветхозаветными пердунами в Гегардаванке?

Католикос молча кивнул. От него исходил резкий запах страха.

— Гарегин, э-э, какой ты там по очереди?

— Второй.

— Ну, это не важно. Жить-то хочешь?

Ответ был прост, и не верить ему у меня не было оснований:

— Очень!

— Ну так и живи, Ктрич, ставший Гарегином, и правь своими армянами. Только больше вот этих штук не надо! Мы с ребятами сейчас ненадолго отскочим, сам понимаешь куда, а ты тут пока приберись и начинай уже с паствой работать. Парень ты не пропащий, в Московской Патриархии учился — исправишься. Даниила почитай, и все у тебя будет хорошо.

Не веря своим ушам, Гарегин рухнул на колени и попытался поцеловать мою руку. Я не стал противиться и дал ему припасть устами к перстню,

который довольно блеснул золотым огоньком.

ГЛАВА 42

Зачем старикам копье, да еще и обоим сразу? Я-то думал, что здесь один только Енох, а Илия где-нибудь в Штатах — отравляет Биллу новую американскую мечту. Но раз уж деды воссоединились, значит, жди беды! Дело серьезное.

Получается, что отнюдь не желание сделать Даниилу подарок отправило меня в экспедицию. В очередной раз убеждаюсь: если мне что-то в голову втемяшилось, то это не случайно — ищи высший смысл! Этак я скоро и в туалет спокойно не схожу, предчувствия больших и малых дел замучают.

Пораскинем мозгами. Деды все это время точно были не вместе, скитаясь в разных странах. Зачем, теперь понятно — результат части их несовместных поездок был мне предъявлен в Эчмиадзине. Считать, что своими безгрешными вояками стариканы планировали ударить по Даниилу, смешно — ни Енох, ни Илия не страдают разжижением мозгов. Следовательно, план был в другом. Моих мальцов этот отряд запросто смог бы задержать, а значит, старики не рассчитывали на то, что в экспедиции окажусь я.

Что, Енох, увидев меня, испугался и решил подстраховаться, перепрятав копье? Как бы не так!

Звучит, может, и логично, но не для тех, кто дедушку хорошо знает. Старик со мной в Красноярске бился очень даже отчаянно, и счет в той забегаловке специально принес сам — показал, где его искать. Всю эту войнушку в Эчмиадзине он наверняка организовал, чтобы развеять мои подозрения, будто бы это запланированная акция по заманиванию меня.

А если так, то в Гегардаванке меня ждут сюрпризы. Отсюда вытекает вопрос: мальчишек с собой брать или нет? Как боевое объединение мы показали себя очень даже неплохо, но с серьезными бойцами им, пожалуй, тягаться еще рановато.

А с другой стороны, вызов-то выпал на день сегодняшний, так что копье придется добывать вместе.

— Ребята, — крикнул я, выходя из храма, — отправляемся в Гегардаванк! Продолжим, так сказать, тур по святым местам, тем более что место там самое что ни на есть живописное. Время поджимает, так что предлагаю зажмуриться и перенестись.

Сказано — сделано.

Когда мы открыли глаза, от увиденного захватило дух! Да, не случайно первый католикос Армении Григорий Просветитель именно здесь заложил Пещерный монастырь. Красиво — голубое небо, скалы, родник с водой, считающейся священной. Наверняка тут и хранится копье, принесенное в Армению Фаддеем.

Глядя на монастырь, не сразу понимаешь, где постарались трудолюбивые монахи, а где природа услужливо разрешила использовать скалы в качестве обжитых пещер. Удачное место! В этих катакомбах одинаково хорошо и молиться, и прятаться, что, кстати, и делали монахи во времена набегов арабов и турок-сельджуков. А если все же им приходилось покидать храм, неподалеку всегда можно было найти укромное местечко, где спрятать сокровища. Да, вид, конечно, замечательный, но носиться по пещерам, играя со стариками в реальную версию компьютерной стрелялки, мне не хотелось. Пришлось воспользоваться проверенным древним способом.

Я поднял руки вверх, и из воздуха материализовался шофар. Парни последовали моему примеру, еще не понимая, что им предстоит делать. Получив в руки по здоровому рогу, они стали внимательно наблюдать за мной, ожидая команды. Мой шофар оказался громоздким — метра полтора, не меньше, и держать его в руках было очень неудобно. Я задрал рог вверх и попытался извлечь хоть какой-нибудь звук. Дунул я

не сильно, но результат превзошел все мои ожидания. Низкий, сильный, все заполняющий рев залил долину и устремился в сторону скальных построек.

Через секунду к мощи моего шофара присоединились глубокие голоса труб ребят. Интересно, понимают ли они, что, возможно, мы сейчас дуем именно в те трубы, пение которых обрушило стены неприступного Иерихона? Звук был густым и даже мелодичным, но нес в себе разрушение и смерть — с гор побежал песок и мелкие камушки. Впитывая в себя повелительное пение шофаров, монастырская кладка стала вибрировать и осыпаться, как песочный замок под порывом ветра. Древние стены истончались, обнажая входы в пещеры, и те множились на глазах, напоминая дырявый сыр или губительную работу кариеса в рекламных роликах очередной чудо-пасты.

Великий древний храм и приютившая его скала уходили в небытие.

Боковым зрением я заметил, как по небу в нашем направлении очень быстро скользят две тени — ветхозаветные Чип и Дейл спешат на помощь! Кому это они собрались помогать, интересно? Я повернулся и очень вовремя успел опустить шофар, иначе взбешенный патриарх врезал бы мне прямо по высоко поднятому подбородку. Здоровый дед, подняв вокруг себя тучу пыли, просквозил мимо, и я с удовольствием отвесил ему ногой смачный поджопник.

— Ну что, старый хрыч, — засмеялся я, — поди, в пещерной келье Григория Просветителя отсиживался? Давай, покажи, на что способен!

Енох, не говоря ни слова, обернулся и принял боевую позицию. Отшучиваться он явно не собирался, да и выглядел старик не смешно: широкоплечий, с невероятным звериным загривком и той самой шкурой на плечах, он стоял и мрачно поигрывал пастушьим посохом. Я осмотрелся. Неподалеку мои ученики уже вовсю махались с Илией, и этот бой давался им непросто. Пророк умело управлялся с пращой и первым же камнем сильно разбил плечо Табризу, так что пользы от последнего было немного. Окрыленный первым успехом, Биллово проклятие стал притворяться шаолиньским монахом, выделывая кунштюки с помощью посоха. Он подпрыгивал, нанося хлесткие удары,

и лихо вертел оружие над головой, теперь уже пытаясь достать Никиту и Илюху.

Увидев, что ребята не растерялись, я решил заняться Енохом.

Весь набор его движений я уже видел, так что не было никакого смысла планировать схватку. Ясно, что старик ждет от меня магической чепухи, для этого у него и припасена шкура.

Не дождетесь!

Я сделал вид, что собираюсь броситься на помощь ребятам, и встал к Еноху вполоборота. Дедок купился. Он занес посох и на выдохе резко попытался ударить меня в голову. Чуть отклонившись, я мягко проводил открытой ладонью посох Еноха, и он по инерции нырнул вслед за своим оружием. Воспользовавшись его промашкой, я правым кулаком ударил старика в кадык — он вздрогнул и вытянулся вверх, — а затем левой рукой подрубил под основание его череп. Енох как куль с мукой рухнул мне под ноги, живой, но надолго обездвиженный.

Я сорвал с него пояс и на всякий случай связал патриарха, после чего направился на помощь моим орлам. Надо сказать, решился я вовремя. Илия окончательно озверел и даже пару раз влепил пацанам пощечины, которые теперь алели на их лицах. Парни тоже не отставали — лицо пророка украшали добротные синяки. Заметив меня, Илия на секунду отвлекся, и этого мгновения оказалось достаточно для того, чтобы Никита точным ударом в подбородок отправил ветхозаветного деятеля в глубокий нокаут.

— Все живы? — спросил я, подбежав к ребятам.

— Вроде все, — ответил мне Никита, — но пара ребер и носов сломано. И у Табриза, кажется, с ключицей совсем дела плохи!

— Не раскисайте, мальчики! Вот это как раз не проблема!

Я поднял руки вверх и попросил Даниила помочь ребятам. Он тотчас же услышал мою молитву, хотя такого ответа я не ожидал. Луч света,

яркий, как вспышка молнии, пронзил лазурное небо Армении, воздух дрогнул, и перед нами явился Даниил. Его лицо было полно истинного сострадания. Он бросился к Табризу и стал бережно его осматривать — так родители изучают детей, которые только что упали и сами еще не понимают, все ли в порядке. Через мгновение лицо Даниила посветлело, он закрыл глаза и мягко положил руки на голову Табризу. Раны Табриза стали закрываться сами собой, а на лице появилась блаженная улыбка.

Убедившись, что с остальными ребятами все хорошо, Даниил подошел и обнял меня:

— Спасибо тебе, Владимир, и идущим за тобой, ибо ты делом доказал свою любовь, а что может быть ценнее? Ты не испугался, не поддался на лживые уговоры и раскрыл злокозненные планы!

— Даниил, я хотел привезти тебе копье Лонгина, — начал я, уже собираясь оправдываться, но Учитель не дал мне закончить.

— Нашел? — строго спросил он. — Пока нет, — ответил я, — но думаю, что оно где-то там, в развалинах храма.

— Не волнуйся, — сказал Даниил, крепко держа меня за плечи, — копье придет само. Ему нужно лишь почувствовать плоть, которую однажды оно уже испытало на прочность.

Спаситель распахнул хитон и повернулся в сторону развалин. Внутри бывшего прибежища монахов зародился рокочущий гул. Он нарастал, растрясая вокруг себя камни и песок, и через мгновение земля разверзлась, выпустив наружу то, что мы так давно искали. С омерзительным свистом рассекая воздух и оставляя за собой чернеющий след, копье покинуло свою тайную пещерную обитель и мчалось, стремясь ворваться в грудь Даниила. На огромной скорости приблизившись к нему, наконечник древнего копья неестественно быстро замер, покорно подчиняясь воле того, кому подвластны все и вся.

— Возьми, передашь его мне в Иерусалиме. — Даниил бросил мне заостренный кусок железа, в котором я бы никогда не разглядел Копье

власти.

— А что делать со стариками?

— Разбойников доставить в Иерусалим! — Учитель повелительно махнул рукой. — Их надо судить, им нет пощады, ибо они подняли руку на агнцев, и отныне не будет им прощения и покоя!

Сказав это, Даниил подошел ко мне поближе и, глядя в глаза, воодушевленно произнес:

— Пора, Владимир, пора. Отправляемся в Иерусалим немедленно! Время собирать камни.

ГЛАВА 43

— «Я есмь Альфа и Омега. Начало и конец». Что это значит, Владимир?

Мы сидели на Масличной горе в Гефсиманском саду, в тени старого дерева. Впервые за долгое время казалось, что Даниила не тяготит моя компания.

— Даниил, я должен отвечать?

— Нет, не должен, — покачал головой Учитель, — но мы так давно не говорили по душам, что ты уже, наверное, и не видишь во мне того парня, с которым познакомился в Детройте.

Я потупил взор.

— Я тебя не виню, — продолжил Даниил, — просто мне хочется поговорить с тем, кто не будет таращиться на меня с тупым обожанием, записывая каждое слово и ожидая чудес. Я всем должен! Всем. А

почему? Я что, выбирал своих родителей? Да и кто они — мои папа и мама? Маму я хоть знал, а папа — Институт особых проблем при КГБ СССР или материал с Туринской плащаницы?

Я попытался открыть рот, чтобы возразить, но Даниил жестом остановил меня:

— Я ведь не жил в Раю, как Адам, и ко мне не являлся ни Господь, ни ангелы его, как Аврааму или Моисею. Я не знаю, что и как должно быть. У меня нет книги «Конец света для чайников», как и путеводителя по канцелярии Страшного суда. Бред Данте тут не помощник! От меня ведь вы все ждете не аллегорий, а точных указаний. А У МЕНЯ ИХ НЕТ!

Фу, заорал, хоть полегче стало.

— И что нам теперь делать? — спросил я.

— А Я ОТКУДА ЗНАЮ? — снова закричал Даниил. — Я ведь все время ждал какого-нибудь знака, намека. Знаешь, поначалу я очень боялся. Представляешь, с утра просыпаюсь, а СИЛЫ нет. Жуткий был кошмар, но потом появились и другие страхи.

— Какие?

— Да те самые, на которые все время намекали старики — а вдруг я не от Бога? Неужели ты думаешь, что я себе сто раз этот вопрос не задавал? Задавал. Только вот ответа нет! — Учитель помолчал и, вздохнув, продолжил: — Но есть один надежный способ узнать…

— Даниил, о чем ты говоришь? Конечно, ты…

— Володя, лучше помолчи, — перебил меня он, — у вас ведь с Эльгой так и нет детей, и во всем мире их нет. Даже я ничего не могу с этим поделать, хотя и сам очень хочу, чтобы и в моем доме бегали детишки. НО ВО ВСЕМ МИРЕ ЖЕНЩИНЫ ПЕРЕСТАЛИ РОЖАТЬ!

— Так ведь было во времена Ноя, — возразил я.

— Было, — кивнул Даниил, — но тогда не было меня. А вот во времена Христа так не было. «Я есмь Альфа и Омега», начало и конец, а такой малости, как беременность, сотворить не могу. — Учитель закрыл руками лицо.

— И что мы будем делать? — осторожно спросил я. Ой, чует мое сердце, куда это все идет.

— Да, — Даниил поднял голову, — есть план! Подстегнем исторический процесс, как говорили во времена нашей советской молодости. Проведем суд над стариками и еще один эксперимент, который навсегда развеет все мои сомнения.

— А что это за план?

— Очень и очень простой. Генетически мы с Христом едины, и все его фокусы я повторил легко. Остался лишь один, но самый важный.

— Даниил, зачем? Это совершенно не нужно! Какое-то варварство! Неужели ты хочешь оказаться на кресте?

— Поверь мне, — Даниил крепко сжал мою ладонь, — меньше всего на свете я хочу этого. Но, видно, такова моя чаша! Должно быть, искупление грехов всего человечества без этой жертвы не полно, и лишь пройдя через страдания, я добуду высшую силу.

— Зачем? — спросил я, начиная сильно нервничать. — Это все какой-то бред, проявление слабости. У тебя что, плохое настроение? Ну так давай позовем девчонок, рыжих, а? Выпьем, уничтожим вслед за Китаем какую-нибудь Индию, развеселимся как-то. А то ведь весь этот поток сознания слушать невозможно, будто в тебя чекисты вместе с генами Спасителя внедрили и ген саморазрушения. Мы что, плохо живем? Все есть: мир наш, враги повержены, оставшиеся в живых обожают, преступность на нуле. Греховность? Греховность стремится к нулю. А кто что не так задумает, так для него ангелы смерти наготове! Утвержденные тобой кандидатуры в цари-пророки ждут коронации в Иерусалиме. Все не так плохо! Судим помаленьку, а то что рожать прекратили, так и это ничего, еще не успеем всех осудить. Даниил, тебя

кто-то обидел? Это что, та официантка тебе что-то не так сказала? Да плюнь ты, это бабские дела! Подаришь ей какую-нибудь цацку, и она сама успокоится. Нам бы Храм восстановить, вот это действительно задача, а на кресте болтаться — ума много не надо. Давай лучше Храмом Соломона займемся?

— Хороший ты парень, Володя, — грустно улыбнулся Учитель, — настоящий друг, только вот с Храмом ничего не получится.

— А в чем проблема?! - изумился я. — Строителей завались — сейчас свистнем, таджики за ночь миленький храм слепят в точности по ветхозаветным наставлениям!

— Да я уже свистел, — усмехнулся Даниил, — я так свистел, что аж свисток лопнул! Ты же сам понимаешь, что не таджикам этот Храм строить. Он явиться должен! Я сколько дней провел в постах и молитвах, но так и не был услышан. Храм ведь дается, когда Господь слышит свой народ, а народ хвалит и любит Бога. И забирается он за прегрешения! Надо заставить Отца увидеть меня, тогда Он и повернется к народу, который не любит меня, а боится, и Отца моего трепещет. Страх есть, а любви нет.

Учитель поднялся на ноги:

— Так что готовь стадо к большому шоу. Народ хочет зрелища? Да не обманется он в ожиданиях своих!

ГЛАВА 44

Билл опоздал. Пришел вторым и великую гонку за любовь Даниила проиграл. Уже навсегда я — первый из апостолов. Не только по времени призвания, но и по значимости деяния. От понимания этого

факта Биллу было очень худо. Еще бы, все самое важное случилось без его непосредственного участия. На упитанном американском лице бывшего главы «Майкрософта» застыла гримаса страдания, сравнимая лишь с разочарованием от вкуса выдохшейся кока-колы.

Тем не менее с характерным упрямством он продолжал гнуть свою линию:

— Я настаиваю на том, что настоящее копье Лонгина находилось до сегодняшнего дня в Америке, и поэтому в церемонии распятия должно использоваться именно оно!

Предмет горячего спора, который длился уже добрый час, лежал на столе — кусок железа, наполовину прикрытый золотой оболочкой, сантиметров пятьдесят в длину. Для меня было очевидно, что настоящее копье добыли мы с ребятами, но Билла уже понесло.

Гейтс никак не мог смириться с тем, что я его обскакал и явился к Даниилу и с плененными стариками, и с Копьем власти. Оказалось, что все это время наш тихоня вел собственное расследование. В погоне за копьем он нашел родственников немецких солдат, по приказу Гитлера запрятавших в нюрнбергском колодце венский артефакт. А потом ему удалось разыскать американских вояк, доставших копье из этого колодца, и экспертов, выполнивших в 1946 году копию, которую и вернули в Австрию. Боюсь даже представить, с какими сложностями пришлось столкнуться моему возлюбленному брату во время поиска копья в Америке. Постоянно на его пути попадался злобный Илия, чинивший всевозможные козни! И вот, когда все уже позади и реликвия в руках, выясняется, что это подделка.

— Копье не может быть подделкой, — брызгал слюной Гейтс, — посудите сами: кто владел миром после Второй мировой войны — Армения или США? Даже если учесть, что Армения входила в состав СССР, то и тогда победа остается за нами. Ведь это в Америке награждали за победу в холодной войне, а не в России. Империя Зла развалилась, а мы по-прежнему процветаем!

— Ну, прямо римляне! — не удержался я от легкой подколочки.

— Прекрати издеваться, немедленно прекрати! — Билл срывался на истерику.

— Не плачь, маленький, — сюсюкая, ответил я, — не все так плохо. Ты лучше водички выпей и расслабься, я тебе все объясню. Повезло тебе, что мы не чеченцы, а то за такое поведение вмиг бы схлопотал по ушам!

Даниил не прерывал наш диспут, я бы даже сказал, что он получал от этого базара некоторое удовольствие. Мы находились в Храме Гроба Господня, рассуждая о том, как организовать церемонию и имеет ли смысл восстановить первоначальный вид местности — насыпать Голгофу, а все поздние постройки снести. Потом разговор перекинулся на саму церемонию, и вот тут-то Биллушка решил отличиться и лихо презентовал копье Лонгина, которое у меня вызвало лишь улыбку. Все просчитал мой добрый друг, и не мне его винить, просто Даниил решил пока никому не рассказывать о нашей находке.

Мы спорили, и наши голоса гулко разносились по пустому помещению. В Храме было довольно прохладно и по-церковному сумрачно, но спор был неуместен не только поэтому. Все-таки на глазах человека, которому именно здесь предстояло висеть на кресте, а потом три дня лежать в пещере, обсуждалось, какой именно наконечник нужно воткнуть ему в бок. Мне стало стыдно, и я замолчал. Почувствовав мое настроение, Билл тоже притих. Он повернулся к Даниилу и рухнул на колени, заливаясь слезами:

— Прости, прости!

Учитель холодно взглянул на него, взял в руки наконечник и сказал:

— Да ладно, ты сам скоро убедишься, кто из вас прав!

Он поднял руки вверх, и, повинуясь его приказу, пред нами появилась Туринская плащаница. Спаситель расстелил ее на полу, и мы увидели след тела Иисуса. Вот отпечаток лица, вот тело, а вот тот самый порез. Даниил был очень грустен, не было ни малейшего сомнения в том, что все происходящее для него мучительно, но он решил довести дело до конца.

— Итак, вот эта рана. Возьми свое копье и сравни его с тем, что удалось добыть Владимиру. — Даниил протянул Биллу армянский артефакт.

Билл нагнулся к льняному полотну, но не успел открыть рта, как я хорошо поставленным голосом экскурсовода стал излагать нужную информацию:

— Эксперты-криминалисты, изучавшие Плащаницу, установили, что завернутый в ткань человек получил между ребер рану от копья размером 4,5 сантиметра. По мнению медиков, копье пронзило плевру, легкое и повредило сердце. Под раной на Плащанице отпечаталось пятно крови группы А+. Она потекла, когда пронзенный находился в вертикальном положении. Такая рана могла быть нанесена штатным копьем на древке длиной примерно полтора метра. Это высчитано исходя из размеров креста, высоты Голгофского холма и месторасположения раны. По мнению знатоков древнего оружия, роковой удар не мог быть нанесен длинным и тяжелым римским копьем пехотинца «хаста» или копьем кавалериста «пилумом». Это след от копья типа «лонхе», использовавшегося легионерами военных гарнизонов. Как известно из Евангелия, солдаты, осуществлявшие казнь, были легионерами. Копье, которое хранится в Эчмиадзине, точно соответствует размерам раны.

Я улыбнулся: — Не надо меня благодарить, эта информация есть в Интернете, просто в отличие от некоторых, я предпочитаю выполнять домашнюю работу.

Билл огорченно посмотрел на Даниила:

— И что, все мои усилия напрасны?

— Не думаю, — ответил Учитель, — в том копье, что принес ты, закован гвоздь с креста, так что какими-то магическими свойствами оно все равно обладает. Теперь, когда с копьем разобрались, хотелось бы услышать ваши идеи по организации всего этого… действа.

Было заметно, что Даниил заставляет себя говорить о грядущем событии спокойно. Мне было больно это слышать, и я позволил себе

вольность.

— Учитель, — обратился я к нему, — я призываю тебя отказаться от этой затеи, я не вижу в ней особого смысла! Цари ждут коронации — будет красиво, весело и шумно. Наденем им на головы короны, немного поправим миром в свое удовольствие, а там, глядишь, кривая куда-нибудь да и вывезет. Зачем ставить такие эксперименты над собой? Что и кому нам доказывать, двум сумасшедшим старикам?

— Себе, дружочек, — усмехнулся Спаситель, — только себе. Завтра состоится суд над злодеями, а потом и казнь. Пришло время торопиться, ведь сегодня уже четверг.

— К чему такая спешка? — возразил я. — Мы же не успеем подготовиться! Надо выделить из своих рядов плакальщиц, Лонгина, Вечного жида, Понтия Пилата и всех прочих участников драмы. Организовать телетрансляцию, расставить камеры и свет. Работы невпроворот, дай Бог за месяц управиться!

— Владимир, ты обезумел. Это что, постановка античной драмы? Прекрати немедленно, ты все превращаешь в фарс! Завтра, все произойдет завтра. С мишурой разбирайтесь самостоятельно, а царей коронуем по Воскрешении!

— То есть в воскресенье? — уточнил я. — Ну и задачки вы ставите, шеф, с ума можно сойти! Кстати, тут ко мне уважаемые люди обращались, насчет режисс…

Даниил на меня так глянул, что я счел за благо не продолжать.

— Оставьте меня, — произнес он. — Увидимся завтра, в десять утра у Стены Плача.

ГЛАВА 45

Мы с Биллом вышли на улицу и решили пройтись к Стене Плача — посмотреть декорации завтрашнего действа.

— Что-то у меня, дорогой Билл, на сердце как-то нехорошо. Тревожно.

— И у меня, — ответил Билл, — я Учителя таким еще никогда не видел. Явно не в себе. Уж лучше бы орал да Китай громил! Рискует он.

— И не говори, — согласился я, — даже слушать никого не хочет. Так что завтра делать-то будем? Все равно ведь надо телетрансляцию организовывать, ты Теду позвонишь?

— Конечно, он будет счастлив! Режиссером Мела Гибсона позовем, он ведь уже нечто подобное снимал?

— Ну уж нет, — скривился я, — давай так: если Тернер, а не Эрнст делает телетрансляцию, то вместо Гибсона будет Михалков.

— Договорились, — блеснул очками Гейтс, — но тогда исполнителя на роль Лонгина я выбираю!

— Ага, знаю я твои американские заморочки! Наверняка предложишь негра или китайца.

— А что, политкорректно, — заметил Билл.

— Вот это ты напрасно сказал, — ответил я. — Вы и так наснимали кучу всякой пурги про античность! У вас даже триста спартанцев какие-то предтечи американцев, воюющие с армией Саддама Хусейна. Вы хоть иногда историю уважайте!

— Хорошо, а Шварценеггера можно? — спросил Гейтс.

— А он Даниила насквозь не проткнет, как бабочку в гербарии?

— Объясним.

— Смотри, не ошибись, — сказал я. — Так, ладно, давай созывай бойцов. Времени мало, а нам еще надо сюда весь бомонд собрать. На этот раз сами звонить не будем, поручим пацанам, не наш уже уровень с Президентами общаться. Да и что мы им расскажем? Что Даниил поехал головой и решил прогуляться с крестом на загривке, потом на солнышке позагорать, пройти сеанс копьетерапии и воскреснуть прямо к их инаугурации?

— Согласен, — ответил Гейтс, — звучит жутковато. Рассказывать я бы ничего не стал, пусть сами домысливают. Скажем, чтоб завтра были, и все.

Я кивнул и отдал мысленные распоряжения ребятам, которые в этот момент тусовали в каком-то ресторане неподалеку. «Здорово!» — Никита всерьез обрадовался тому, что режиссером телетрансляции будет Михалков.

Билл в этот момент говорил с кем-то по телефону и еле сдерживал смех. Повесив трубку, он тут же прыснул:

— Я всегда знал, что Тед нахал, но не до такой же степени!

— Что сказал наш мальчик, — поинтересовался я, — что по бокам от Даниила нужно будут распять Ларри Кинга с Познером? — А есть за что? — переспросил Билл.

— Ты имеешь в виду, куда вбить гвоздики, — улыбнулся я, — или наличие грехов?

— Ха-ха-ха! — передразнил меня Гейтс. — Какие мы остроумные и как мы любим коллег. Нет, все гораздо проще — он потребовал роль Лонгина себе, причем готов предоставить справку, что тот его прямой предок.

— А если мы откажемся?

— Такой вариант не рассматривался.

— Тогда будем считать его выходку глупой шуткой.

— Надеюсь!

Мы дошли до Стены Плача. Там как всегда было много людей, но, несмотря на это, площадка мне не понравилась. Конечно, телевизионщикам здесь снимать привычно, но вот только впечатление это место создает совсем другое, не христианское, что ли.

Постояв несколько минут, мы расстались с Биллом.

Настроение у меня было ужасное. Я решил ни с кем и ни о чем сегодня не говорить и отправился в свою палатку в масличном саду, чтобы выспаться перед завтрашним тяжелым днем.

До воскресенья ничего хорошего меня не ждало.

Я лег в постель и долго ворочался, вспоминая Эльгу — я ведь даже не позвонил ей перед командировкой в Армению. Сознание постепенно покидало меня, и уже в забытьи мне показалось, что я слышу голос Даниила, молящего:

Авва Отче! Всё возможно Тебе — пронеси чашу сию мимо Меня. Но не чего Я хочу, а чего Ты.

ГЛАВА 46

В пятничный день вся площадь перед Стеной Плача была заполнена людьми — камеры, техника, службы безопасности. За ночь рабочие успели соорудить подобие VIPовских лож, и туда уже с восьми утра загнали все сливки мирового сообщества. Прямо напротив стены, метрах в десяти от нее, вдоль разделительного забора, отсекающего

мужскую часть стены от женской, установили помост и на нем роскошное царское кресло.

Получилось некое подобие гигантского амфитеатра, чему удачно способствовал рельеф местности. От входа на площадь к Стене Плача вниз бежали сплошные ряды сидений, а перед сценой были оставлены сходившиеся вместе проходы. В передних рядах партера была выделена зона супер-VIPа, в которой стояли богато инкрустированные кресла, предназначенные для будущих царей-пророков. День выдался на редкость мерзким. Солнце с самого утра отчаянно палило, но не несло тепла, и меня постоянно продирал озноб. Наверное, нервы. Ровно в десять я поднялся на сцену. Рядом со мной шел Билл, чуть поодаль понуро шагали наши ученики. Выйдя на центр помоста, я обернулся к людям, собравшимся на площади, и поднял правую руку вверх. Все они встали.

Воцарилось молчание. Я посмотрел на ложу царей-пророков. Назарбаев сделал мне некий жест, должно быть, выражающий поддержку. Я отыскал взглядом Путина, который стоял рядом с Бушем и Шираком, и попытался прочитать его мысли. Забавно, но в этот момент он был занят тем же — он пытался прочитать мои. Я решил ему помочь, и на лице Путина отразилось искреннее удивление. Еще бы, кто же из политиков отважится на задуманное Даниилом? Ну так ведь на то он и Спаситель!

К чести Путина, он не стал делиться полученной от меня информацией с коллегами. Вместо этого он глубоко задумался и стал просчитывать варианты реализации разных сценариев, в том числе и крайне нежелательных. Судя по тому, как быстро он погружался в печаль, ход его мыслей был близок к моему.

С трудом, будто воздух стал вязкой и тягучей субстанцией, я наполнил легкие и провозгласил: — Спаситель!

Грянул рев шофаров, и на сцену поднялся Даниил. Публика встретила его сумасшедшими аплодисментами. Казалось, что мои уши вот-вот лопнут от напряжения, а из взорвавшихся ладоней зрителей темным фонтаном забьет кровь. Спаситель с удивлением посмотрел на богатое кресло, ожидающее его, но не стал спорить и присел на самый краешек.

Публика продолжала сходить с ума, но Учитель не замечал ее. Он был бледен, печален и задумчив.

— А чему вы так радуетесь? — спросил он. Даниил произнес эти слова очень тихо, но каждому показалось, что он шепнул их прямо в ухо.

Аплодисменты разом смолкли.

Даниил встал и подошел к краю сцены. Несколько секунд он всматривался в лица собравшихся людей.

— Чему вы так радуетесь? — повторил он. — Сердце мое обливается кровью, а вы ликуете, как на цирковом представлении! А может быть, вы замышляете недоброе и ввергаете слабых в искус, как эти двое неблагодарных, один из которых живет благодаря моей милости. Или ты уже обо всем забыл, разбойник?

Даниил резко повернулся вправо, и все увидели, кого он имел в виду. Неподалеку от сцены в окружении израильских солдат стояли Енох и Илия. Они не были связаны, поэтому производили впечатление не столько плененных, сколько почетных гостей, окруженных толпой телохранителей.

— Отвечай, — закричал Даниил, — забыл?

Енох поднял голову и неожиданно для всех заговорил:

— Я свидетельствовал и буду свидетельствовать о том, что ты, Даниил, — Царь тьмы и Антихрист, и идущие за тобой будут гореть в Геенне огненной! Даниил не перебивал его, и Енох разошелся:

— Ты несешь смерть и страдание, уничтожаешь праведных и разрушаешь города, ты обрекаешь страны на гибель! Во времена твои царят страх и запустение, рабы живут по страху, а не по совести, а прислуживающие тебе жируют и лоснятся. Стон великий стоит на всей земле, стон страшный, и нет ни живого, ни мертвого, кто не слышал бы его! Засохло женское чрево. Даже престарелой Сарре наш Господь даровал счастье материнства, а ты отобрал его у рода человеческого.

Где нерукотворный Храм, который должен стоять здесь, где теперь ты наслаждаешься своей силой? Нет его, ибо ты смерть и проказа рода человеческого! Его погубитель!

Енох выдохся и тяжело задышал. Слова давались ему непросто, но каждое достигло своей цели. Вся мировая знать притихла, пораженная не только сказанным, но и тем, что кара небесная за такое преступление не последовала. Миллиарды телезрителей, наблюдающие прямую телетрансляцию, замерли в тупом ожидании.

Даниил молчал. Он ждал, ждал и ждал. И вот первый робкий шепот пронесся по рядам. Люди ожили и стали активно обсуждать услышанное, сначала настороженно, а потом все смелей и смелей признавая справедливость услышанного. Действительно — рожать перестали, а о строительстве Храма ничего и не слышно. Сидящие у телевизоров поддержали общее настроение, возмущаясь поведением приближенных и отсутствием прежнего греховного веселья.

Кары небесной все не следовало, и заявления становились наглее. Я почувствовал, как ненависть и презрение к этому семени людскому начинают обуревать меня. Обернувшись к Спасителю, на лице которого появились слезы, я произнес:

— Учитель, позволь мне покарать маловеров! Я поднял глаза на Билла и увидел, что мой брат думает так же, как и я. Апостольские перстни сладко звенели в предвкушении битвы, а фоном гремела грозная мелодия колец наших ребят. Восемь колец — достаточно, чтобы навсегда вывести этот человеческий сорняк с лица Земли! Восемь — число спасения и любви к Богу, а не вечной жизни человеческого отребья!

Даниил, все это время стоящий на ногах и всматривающийся в лица людей, медленно опустился на колени. По лицу его текли слезы.

ГЛАВА 47

— Так вот какова глубина вашей веры и истинная ваша цена! — вымолвил Даниил. — Жалко мне вас, ибо вы слабы. Неверие ваше страшно и мучительно. Как же можно даровать Храм, когда столь греховны ваши помыслы? Каких еще доказательств вам нужно, жестоковыйные, чтобы уверовали вы в Господа? Каких чудес вы не видели? Или будете кричать, как ваши предтечи, — распни его? Умри и воскресни, искупи жертвой наши грехи? Вы этого хотите — чтобы ради вас я взошел на кресте Лишь тогда ваша вера станет полной? Кто вам поверит? Не для вас жертва моя, а для пославшего меня! Ему — боль и слезы. Но страшитесь дня моего Воскресения, ибо не будет более у вас оправданий!

Даниил поднялся на ноги и обвел печальным взглядом мгновенно умолкшую толпу:

— Я принесу эту жертву в день сегодняшний — пятничный, и пройду путем Христа! Не вам жертва, не ваши грехи искуплю, а оскорбление неверием, которое вы наносите Отцу моему, чье сердце раните. Не случайно сравнивал Он народ сей с блудницей — твари и есть! Я взойду на крест, но не один, а как в Писании сказано: «в окружении разбойников». Даниил указал на пророков:

— Вы, смутившие слабые души и посмевшие поднять руку на следующих за мной, вы будете свидетелями мучений моих, ибо кресты наши рядом стоять будут! И тела будут рядом лежать. «Смертию смерть поправ». Своей смертью попирать буду смерть ваших греховных душ!

ГЛАВА 48

Я плохо помню все случившиеся после — у меня из глаз постоянно лились слезы. Все знакомое мне вдруг куда-то исчезло. Иерусалим стряхнул с себя два тысячелетия, и вот я бегу среди каких-то людей, выстроившихся вдоль пути следования несчастных.

Жутко палит солнце, духота, я не узнаю ни одного человека и только вижу, как впереди Учитель несет тяжеленный крест, а за ним плетутся еще двое с такой же ношей на плечах. Я чувствую, как Учителю тяжело — кто-то нацепил на его голову терновый венок, и кровь сочится по его измученному лицу. Учитель страдает! Растолкав обезумевшую толпу, мне удается прорваться к нему, и я кричу:

— Спаситель, позволь мне помочь тебе!

Он поднимает на меня глаза, и в них столько любви, что я начинаю рыдать еще горше.

— Не бойся, Владимир, — отвечает он, — я сам выбрал этот путь.

Какая-то женщина вытирает его лицо, какой-то мужчина пытается помочь ему донести крест, а какие-то люди бросают под ноги Спасителя лепестки роз. Вокруг страшная суета и гам. Я слышу, как начинают избивать стариков, идущих за Ним, как толпа улюлюкает и издевается над ними, но во мне нет сострадания. От немедленной расправы их спасает только охрана.

Каждый шаг дается Даниилу с трудом, но он продолжает взбираться на Голгофу. И вот уже конец пути. Охрана отсекла толпу, и даже мне не удалось преодолеть заградительный кордон.

Я слышал ужасный звук гвоздей, пронизывающих Его плоть, и завыл от собственного бессилия и ненужности.

Я сел на землю и молился сквозь слезы. Молился долго, чтобы Господь не мучил сына своего и прекратил его страдания. И слышал я сквозь молитву мою, как поносили его распятые рядом с ним разбойники, а часов в шесть сошла великая темень и продолжалась до часа девятого.

В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои! Элои! Ламма савахфани? — что значит: Боже Мой! Более Мой! Для чего Ты Меня оставил?

К кресту Даниила бросились какие-то люди, завязалась суета. От толпы охраны отделилось несколько человек, и я с удивлением узнал в них Табриза, Илью и Никиту.

— Учитель, вставай, — обратились они ко мне, — надо подойти к кресту.

Я последовал за ними. Под крестом, на котором висел бездыханный Даниил, уже находился Билл в окружении своих учеников. Он обнял меня, и мы некоторое время стояли в молчании, только слезы текли по нашим щекам. К крестам подошел человек, одетый в доспехи римского легионера, в руках его было копье. Он пронзил плоть Даниила и с сильным австрийским акцентом произнес:

— Истинно, этот Человек был праведник!

Меня передернуло от пошлости происходящего и от кошмарного звука копья, с хлюпом пронзающего плоть и выходящего обратно. Меньше всего на свете здесь нужно было театрализованное представление со Шварценеггером в главной роли. Я гневно посмотрел на Билла, но страдание на его лице было столь искренним, что я поборол свой минутный порыв задушить брата собственными руками.

То, что творилось вокруг нас, нельзя было назвать иначе, кроме как Концом Света. Природа сошла с ума. Ветер бушевал над нашими головами, а струи дождя хлестали камни, водяными плетьми пытаясь высечь все живое. Раскаты грома оглушали нас, и языки пламени вырывались из внезапно раскроивших землю трещин. С трудом мы сделали несколько шагов, отделяющих нас от крестов, и сняли тело Спасителя. Краем глаза я заметил, что кто-то копошится и возле места казни Илии и Еноха. Видно, не всех еретиков я извел, но на них я отвлекаться не стал. В горе все равны.

— Оставь тело нам, Владимир, — услышал я чей-то голос.

Я поднял голову и увидел женщину, которую сначала не узнал, — с ней Даниил разговаривал в ресторане. Она была не одна, поодаль стоял еще кто-то.

— Теперь наше время, — сказала женщина, — мы приберем тело. Приходи позже — отнесешь его в гробницу, высеченную в скале, и привалишь камень.

Как только к телу Спасителя прикоснулись руки женщин, небо воскресло радугой, ветер стих, и земля затянула пробороздившие ее раны. Я отошел поодаль и сел на землю наблюдать за работой плакальщиц. Те, причитая, омывали тело Спасителя, умасливали его и собирали в недолгий загробный путь, туго пеленая в плащаницу.

Следуя иудейской традиции, Мария заплела волосы на затылке в косичку.

— Помоги, Владимир, — попросила она, — отнеси Его туда, где Он будет почивать до своего Воскрешения.

Я взял тело Даниила на руки и подивился тому, насколько легка эта ноша. Нести было совсем недалеко. Дойдя до места, я заглянул в пещеру и, увидев, что каменное ложе готово, протиснулся в узкое отверстие входа. Аккуратно положив Спасителя на место, я поцеловал его в лоб и вышел. Перед пещерой стоял Билл со Шварценеггером, который держал на плечах два спеленатых тела.

— Что ты задумал? — спросил я Билла.

— Спаситель велел положить их тела в пещеру, — сквозь слезы произнес Гейтс, — чтобы они сопровождали его все время пути. Ты же помнишь, как он сказал: «Вы будете свидетелями мучений моих, ибо кресты наши рядом стоять будут. И тела будут рядом лежать».

— Будь по сему, — согласился я.

Широкоплечий австриец с бездыханными телами в руках, кряхтя, протиснулся в пещеру. Когда он вышел, оставалось лишь привалить

гигантский камень. Мы втроем не без труда водрузили его на место.

ГЛАВА 49

Вокруг нас по-прежнему был город начала первого тысячелетия, столь знакомый по Новому Завету и столь непривычный по внешнему образу. Нет мечети Омара, а вдали возвышается дворец Ирода, рядом с которым должен находиться Храм Соломона, еще не разрушенный римлянами.

Я шел и молился, вторя ударам сердца, но чуду не суждено было сбыться — ни одного камня, лишь фрагмент, подпирающий с запада Храмовый холм.

Я обернулся к моим ученикам и увидел в глазах их слезы.

В отчаянии мы бросились прочь из Иерусалима, в Гефсиманский сад, и там под сенью маслин предались истовой молитве. Мы молились о спасении и воскрешении Даниила, о даровании Храма, о прощении заблудшему роду человеческому. Мы молились, не прерываясь на сон и еду, молились, когда наступила ночь, и молились, когда забрезжил рассвет. Молились, не переставая, и ждали знамения.

Я потерял счет часам и только повторял: «Господи, помилуй!», путая языки и срываясь с «Отче Наш!» на «Шма Исраэль!». Я просил Господа не словом и мыслью, а сердцем, и в какой-то момент сам перестал понимать, о чем я Его прошу. Я взалкал истины и с трепетом ждал ее обретения.

Так миновал день субботний, и солнце уступило место луне, когда я понял, что очертания древнего Иерусалима стали меняться. Вновь засиял купол мечети Омара, и современность стала проступать в ночном воздухе великого города. Сначала я подумал, что у меня начались

галлюцинации, а потом осознал, что это и есть тот самый знак воскрешения, о котором я молил!

Я вскочил на ноги и с криком, как умалишенный, бросился к гробнице, где мы оставили Даниила. За мной устремились и Билл, и все наши ученики. Мы бежали так быстро, что, наверное, со стороны могло показаться, будто мы парим над землей. Слыша крики радости, к нам стали присоединяться наши братья, молившиеся на улицах и в храмах о воскрешения Спасителя. Нас становилось все больше и больше, бегущие походили на гигантский ликующий поток, во главе которого бежали мы с Биллом. Еще один поворот, и перед нами Храм Гроба Господня. Мы влетаем в него, и я с радостью вижу — нет купола! Он будто срезан неведомой силой, и я знаю ее Божественный источник!

В блаженном предвкушении я поворачиваю к месту упокоения Спасителя и вижу, что тяжеленный камень отвален в сторону. Проход в пещеру открыт! Ликуя и восхваляя Господа, я падаю на колени и заползаю в пещеру. Песок щекочет мои ладони, а острые камни корябают колени, но я упорно двигаюсь внутрь, неистово желая обнять того, кого чуть было не потерял навсегда. В пещере темно, мои глаза не сразу привыкают к темноте, но я все же различаю Его. Я подползаю поближе и протягиваю свои руки к Спасителю…

Но нет… нет, нет! НЕТ, НЕ-ЕТ, НЕ-Е-ЕТ!!!

Этого не может быть!!! Звериный крик вырывается из моей глотки, устремляясь прочь из пещеры, и вырывается на свободу. Толпа в ужасе отшатывается от чернеющего проема могилы.

Даниил по-прежнему лежит там, где я его оставил, и вид его ужасен. Густой смердящий запах разлагающейся плоти бьет мне в нос, а трупные пятна на Его лице зияют неровными кляксами. В ужасе я попятился от тела Учителя и упал, запутавшись в каких-то тряпках, валяющихся на полу.

Не пытаясь встать и горько рыдая, я выполз из пещеры.

Глядя на меня, в страхе и изумлении замерла толпа.

Помутившимся взором я посмотрел на Билла.

И вдруг грянули шофары, и небо взорвалось огненным светом. И свет тот ринулся вниз на толпу кричащих от ужаса людей. На глазах у всего трепещущего человечества в небе возникли две фигуры, стремительно приближавшиеся к Храму Гроба Господня, как будто небесная лестница вела их к людям. И чем ближе они оказывались к нам, тем меньше сомнения оставалось, что это распятые и воскресшие Енох и Илия.

И подняли они руки вверх, и затрубили шофары во второй раз, и открылась взору золотая лестница, убегающая от земли до небес. И шли по той лестнице праведники в белых одеждах, и лики их светились, и пели они осанну.

И затрубили шофары в третий раз, и рухнули все стоявшие до этого наземь.

И преклонили колени Енох и Илия, и праведники в белых одеяниях.

И явился в свете Божественном Спаситель.

И радость великая сошла на сынов человеческих.